

Дорога на Косью

В.К. КУНДЕРЕВИЧ родился 30 августа 1934 года в городе Макеевка Донецкой области. В других жизненных обстоятельствах художественное творчество могло бы стать его профессией, но не стало, по причине общей для многих представителей старшего поколения: их детство опалено войной. Им приходилось прежде всего думать о хлебе насущном, соответственно и выбирать профессию.

Качканарцем Виталий Константинович стал в 1977 году, в нашем городе полтора десятка лет возглавлял профессиональную пожарную часть. Но творческая натура творчества и требовала. Сначала – эпизодически, насколько позволяло время, писал стихи, писал картины. С выходом в 1995 году на заслуженный отдых это увлечение превращается в настоящую страсть. «Утром проснусь, ещё даже не закурю – но уже берусь за кисть и краски» - рассказывал Виталий Константинович. Результатом этого страстного увлечения стали прекрасные полотна, запечатлевшие уголки нашей родной природы, красоты которой были главным источником вдохновения самодеятельного художника.

На горе Вересовой

В.К. КУНДЕРЕВИЧ очень любил Качканар, ставший для него второй родиной. А как художник может выразить свою любовь? В красках! Так и родились под кистью мастера замечательные пейзажи, радующие нас своей теплотой, искренностью, оптимизмом. На них смотришь – и жить хочется: они поднимают настроение, заряжают оптимизмом, учат любить Родину – малую и большую.

Качканару в этом году исполняется 55 лет. Вся история города связана с открытием и разработкой Гусевогорского железорудного месторождения. Качканарский ГОК с полным правом называется градообразующим предприятием, где занята основная часть работающих жителей, в связи с чем оно определяющим образом влияет на занятость населения, воздействует на инфраструктуру и социальные проблемы.

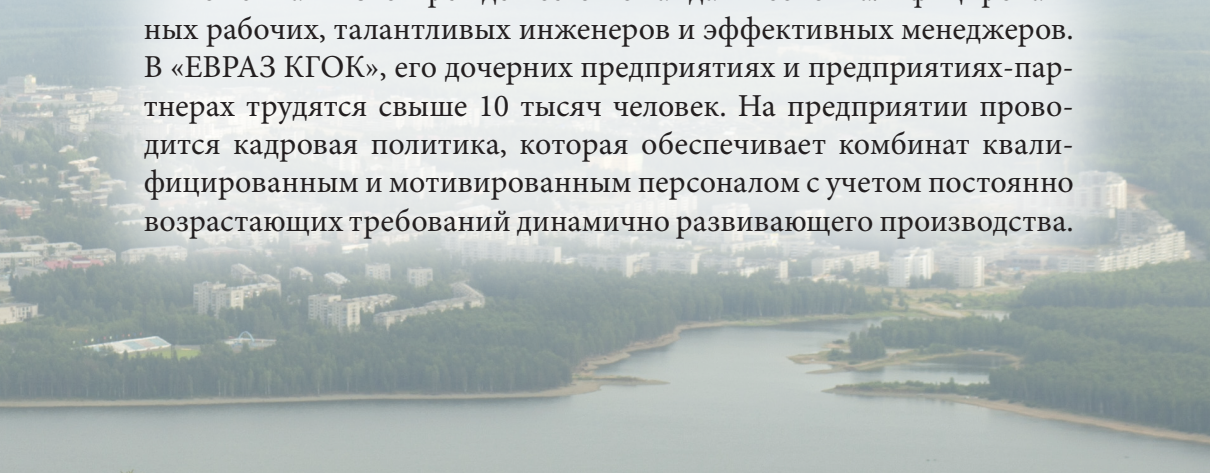
В настоящее время ОАО «ЕВРАЗ Качканарский ГОК» – часть «Евраз Груп С.А.» – вертикально-интегрированной горно-металлургической компании, одну из пятнадцати лидеров мировой сталелитейной отрасли. «ЕВРАЗ КГОК» входит в пятерку крупнейших комбинатов России.

На предприятии организовано рентабельное производство высококачественной товарной продукции, востребованной металлургическими предприятиями России, Украины, Казахстана, Китая, Чехии, Словакии, Венгрии.

«ЕВРАЗ КГОК» с каждым годом наращивает темпы производства, внедряя самые современные технологии и оборудование. Только за последние два года на модернизацию и техперевооружение действующего производства затрачено свыше 1 млрд рублей, а на реализацию инвестиционных проектов – 1,8 млрд рублей.

Одной из стратегических задач «ЕВРАЗ КГОКа» является расширение рудной базы. С этой целью реализуется масштабный инвест-проект по освоению Собственно-Качканарского месторождения. Запасы титановомагнетитовых руд этого месторождения превышают 6 млрд 872 млн тонн.

Комбинат – это прежде всего команда высококвалифицированных рабочих, талантливых инженеров и эффективных менеджеров. В «ЕВРАЗ КГОК», его дочерних предприятиях и предприятиях-партнерах трудятся свыше 10 тысяч человек. На предприятии проводится кадровая политика, которая обеспечивает комбинат квалифицированным и мотивированным персоналом с учетом постоянно возрастающих требований динамично развивающего производства.

Для нас очень важно, чтобы люди видели заботу со стороны компании, чувствовали себя комфортно и уверенно, поэтому социальная программа находится на особом контроле. Социальный пакет для работников расширяется с каждым годом. За прошедший год вложения в социальную сферу составили около 258 млн рублей.

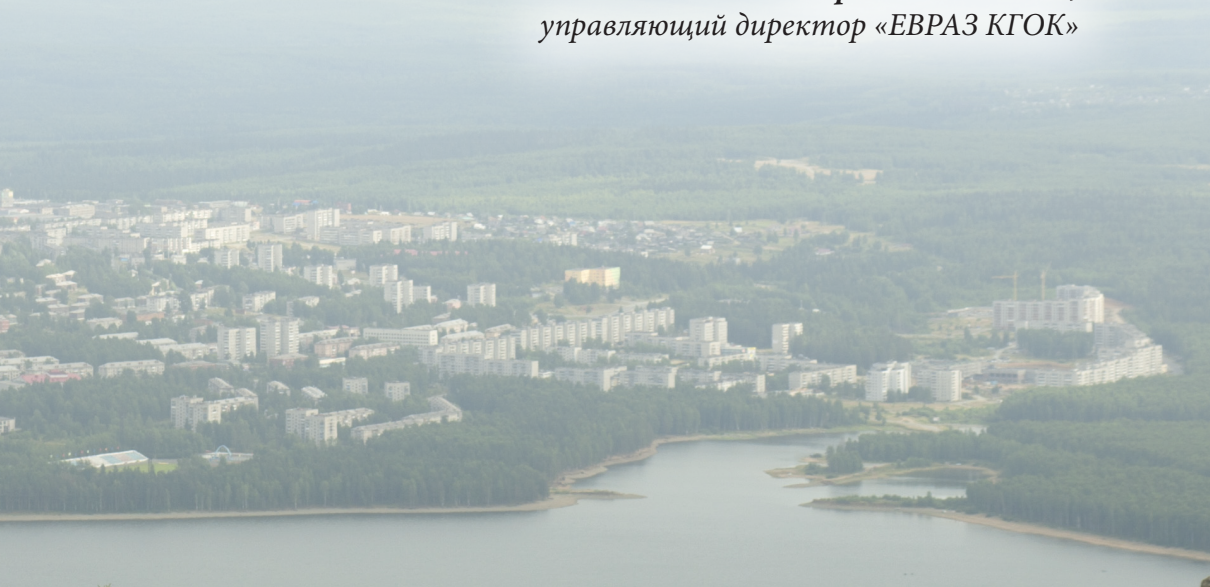
Наряду с внутренними соцпрограммами поддержки сотрудников, «ЕВРАЗ КГОК» реализует и внешние проекты в социальной сфере города. Ежегодно в Качканаре реализуются мероприятия благотворительной программы ЕВРАЗа, направленные на развитие образования, спорта, культуры, общественных инициатив, оказывается поддержка программам по благоустройству городских улиц и дворов.

В Качканаре стал традиционным ежегодный проект развития общественных инициатив – грантовый конкурс социальных проектов «ЕВРАЗ: город друзей – город идей». Только в 2011 году на конкурс было представлено 63 проекта от жителей и представителей различных организаций. 12 проектов были признаны лучшими и получили грант на реализацию.

Развитие города напрямую связано с тем, как работает и развивается Качканарский ГОК. Впереди у нас – большая работа, широкие перспективы развития. Именно растущее производство станет залогом успешного развития Качканара.

От имени многотысячного коллектива комбината поздравляю качканарцев с юбилеем родного города и желаю всем здоровья, мира, благополучия, уверенности в завтрашнем дне и горняцкой удачи!

Сергей Напольских,
управляющий директор «ЕВРАЗ КГОК»

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№1

2012

г. Качканар
2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Визитная карточка	6
-------------------------	---

К 55-летию Качканара

Краснопевцева Г.

У истоков Качканара	9
---------------------------	---

Фадеичев А.Ф.

Качканар (воспоминания геолога)	23
---------------------------------------	----

Иванов А.

Люди, влюблённые в Качканар	57
-----------------------------------	----

Поэзия

Венедикт Станцев

Город, солнцем напоённый (качканарские этюды)	63
---	----

Надежда Шулепова

Признание	72
-----------------	----

Параллели	73
-----------------	----

Моя родина – небо	74
-------------------------	----

Полнота любви	75
---------------------	----

Муза	75
------------	----

Простые истины	76
----------------------	----

Без Бога	76
----------------	----

Людмила Андреева

Строчки	78
---------------	----

Таёжная симфония	78
------------------------	----

Родина	79
--------------	----

Я иду по земле	79
----------------------	----

Вьюга	80
-------------	----

Алексей Башкиров

Город юности	81
--------------------	----

Снегири	82
---------------	----

Апрель	82
--------------	----

Синие гривы	83
-------------------	----

Твой образ	83
------------------	----

Людмила Власовских

<i>О творчестве</i>	84
<i>Дума матери</i>	84
<i>Гнев Земли</i>	85
<i>Весна</i>	86
<i>Купавки</i>	86

Владислав Карманович

<i>Счастливый</i>	87
<i>Откровение</i>	88
<i>Мороз</i>	88
<i>Созидать</i>	88
<i>Огонь</i>	88

Татьяна Конышева

<i>О стихах</i>	90
<i>Старая фотография</i>	90
<i>Туманы</i>	91
<i>Бегу по январю</i>	92
<i>Поют соловьи</i>	92

Нина Рождественская

<i>Раскрытая тетрадь</i>	93
<i>Ночь</i>	94
<i>Была война</i>	94
<i>Последняя капля</i>	95
<i>Предчувствие</i>	95

Клавдия Рублёва

<i>Мой Качканар</i>	97
<i>Верба</i>	97
<i>Сентябрь</i>	98
<i>Милые окраины</i>	98
<i>Бабье лето</i>	99

Нина Савельева

<i>Признание</i>	100
<i>Весеннее</i>	100
<i>Белостволье</i>	101
<i>Кленовый лист</i>	101
<i>Бабье лето</i>	102

Петух	102
Предчувствие весны	103

Татьяна Семакина

Мои герои.....	104
Танец жизни.....	104
Любовь и смерть	105
Юбилейная медаль	106
Часы	107

Дмитрий Спикин

Рождение	108
Запоёт душа	108
Белая лилия.....	109
Непокой.....	110
Сомнения	110
Сгоревшая звезда	110
Счастье	111

Надежда Трушкова

Слова.....	112
Берёзки	112
Сила земли.....	113
Деревенька.....	113
Вера, надежда и любовь	114
Туман	114
Зимний день	115
Есенин.....	115

Александр Хорошавин

Зима	116
Красота	116
Кот – «герой страны родной»	117
Пёс – президент.....	117

Николай Шепелев

Край соловьиный	119
На службу.....	119
Мемориал.....	120
Звоню тебе	121

<i>Последняя капля</i>	121
<i>Родись на свет</i>	121
<i>Фонарь</i>	122

Проза

Иван Грачёв

<i>Сказка про Качканар</i>	123
----------------------------------	-----

Людмила Рейзе

<i>Одиночество</i>	135
<i>Букет красных роз</i>	137
<i>Крещенские гадания</i>	139
<i>Женское счастье</i>	141

Сергей Спехов

<i>Отпуск в глухомани</i>	143
---------------------------------	-----

Очерки

Михаил Титовец

<i>«Мой папа – белогвардейский офицер»</i>	185
--	-----

Краеведение

Михаил Титовец

<i>Томас Аткинсон и его «восхождение на Кашканар»</i>	195
---	-----

Михаил Медведев

<i>Забывтый Качканар</i>	207
--------------------------------	-----

Мемуары

Наталья Соболева

<i>Мой Харбин</i>	215
-------------------------	-----

Жителей нашего города уже не удивишь отдельными книгами или юбилейными сборниками местных авторов, праздничными выпусками региональных журналов, посвященных Качканару и качканарцам. Факт радостный, но в то же время заставивший немало поломать головы, когда пришла пора задуматься о подготовке к очередному торжеству, теперь уже 55-летию Качканара: чем же на этот раз удивить? Самый большой извечный вопрос: как всё, что наработано, вместить в рамки одной или даже нескольких книг?

Подождите-ка, а почему именно к этому юбилейному рубежу не воплотить давнюю мечту качканарского творческого люда – рождение своего периодического издания, к примеру, литературно-художественного альманаха? Разве не доросли?

Еще как доросли! Вот он первый номер, визитная карточка проекта «**Качканарские грани**».

Поистине неиссякаемы творческие кладовые «Лукоморья», литературного объединения, которое вот уже четыре десятилетия (редкость областного, а то и более крупного масштаба) под руководством энтузиаста Галины Краснопевцевой действует как настоящая фабрика звезд. В поэтическом разделе на этот раз 14 фамилий: Надежда Шулепова, Людмила Андреева, Алексей Башкиров, Владислав Карманович... Знакомые всё имена. Каждый из них по-своему признаётся в любви городу, делится переживаниями, чувствами. Вот она и есть **грань** как отличительная черта, особенность, своеобразие. Найти нужное слово, незатертую рифму, создать запоминающийся образ – это труд, сродни ювелирному делу, требующему точности в качестве **гранения, огранки**. Чуть ошибся один – и не затронул душу читателя, чуть ошибся другой – и не засверкал, не заискрился камушек ...

Прозу в альманахе достойно представляют своими произведениями Людмила Рейзе и Сергей Спехов. А уж что касается Ивана Грачева, то своеобразие ему было не занимать. Вон каким кружевом, узор за узором, нанизываются строки его «Сказки про Качканар»:

«По всему Среднему Уралу долго люди клад искали, и беден и богат, и мал и стар. Пошли туманные слухи про гору Качканар. Характер у Качканар-горы странный и капризный, попробуй его вызнай; норы и вовсе необычный – на дню принимает несколько обличий...

Соседние горы удивительно просто и понятно называть: Синяя, Теплая, Благодать. Нашу в древности вогулы наименовали, а как – нам про то не сказали: то ли Потаенная, то ли Спрятавшаяся, то ли Кочковатая – словом, имечко до сих пор не разгаданное, замысловатое...»

Неутомимый Михаил Титовец, руководитель городского архива, порывшись в своих бесчисленных «зачаках», приглашает нас порадоваться вместе с ним открытию нового имени, которое дополнит отныне список выдающихся людей, изучавших гору Качканар. Оказывается, еще в 1847 году йоркширец Томас Аткинсон, член Королевского географического, а затем и геологического общества, предпринявший путешествие в Азиатскую Россию, любовался с качканарских скал восходом солнца, свидетельствовал о землетрясении, прокатившемся в то время по Уралу, находил в характере местности сходство с Альпийскими горами и ... Впрочем, читайте, знакомьтесь сами – Т.Аткинсон: «Восхождение на Кашканар».

Представляет интерес и другой материал раздела «Краеведение».

– Качканаров ... было несколько. Если быть точнее – четыре, – утверждает журналист Михаил Медведев; источники, встречи с разными людьми позволили сделать довольно смелый вывод.

Вот так вот: захотели – к первому Качканару за грибами-ягодами едем, захотели – к третьему направляемся. Сегодня в Европу, завтра в Азию... В таком интересном **граничном** месте живем, но знаем о нем, признаться, мало. Так что краеведам и карты в руки. Будем ждать новых открытий!

Пронзительны своей искренностью воспоминания «Мой Харбин» Натальи Владимировны Соболевой: «С 1945 года, когда советские войска вошли в наш город, и мы как обезумевшие от радости с цветами бежали к вокзалу...нас встретили, нам разрешили спонтанный митинг, но, прежде всего, нам дали **грань** не только дулами автоматов, но и словами: «А ну прочь отсюда, белобандитская сволочь!» Вот на этой ноте и в дальнейшем строились наши отношения... Сейчас живем без страха и ужаса, что тебя отправят в лагерь смерти, расстреляют, замучают в застенках НКВД...это очень страшно, когда человек, как животное, пропитан страхом...»

Хорошо, что для сегодняшних поколений тот период в истории страны – **за гранью** разумного. Значит, есть надежда, что подобные изломы не повторятся. Грустно только, что очевидцы тех лет уходят, не успев досказать и дописать, поделиться до конца своей болью, как это случилось с Н.В.Соболевой.

И это повод еще раз обеспокоиться: успеваем ли мы воздать хотя бы малую толику первопроходцам, первостроителям Качканара? Их тоже остается всё меньше, к большому сожалению. Чем дальше те годы, тем дороже любые воспоминания о тех днях, событиях людях. Замечательный геолог, Первооткрыватель месторождения СССР А.Ф.Фадеев в своих воспоминаниях рассказывает о геологических изысканиях качканарских месторождений.

А.С.Иванов, ветеран большого строительства почти с первых дней, в своих зарисовках пишет о тех, кто также был влюблен в Качканар и отдал ему без остатка лучшие годы жизни: Нияз Ахметович Шагиев, Игорь Федорович Виберг, Дмитрий Васильевич Тарарухин.

Подрастают новые качканарцы. До каждого следующего поколения опять нужно донести – терпеливо и бережно, с учетом временной **грани** – всю качканарскую летопись. И эту миссию успешно и профессионально в течение многих лет исполняет Г.П.Краснопевцева. Вы убедитесь в этом, открыв начальные главы альманаха: «Здравствуйте, палатки!», «И река стала морем», «Открытая книга тайги и труда». Так же профессиональны и, надеюсь, будут интересны новому, молодому читателю «Качканарские этюды» признанного уральского поэта Венедикта Станцева, посвященные в свое время достойным орденоносным труженикам нашего города – строителю Г.С.Наймушину, машинисту экскаватора Б.А.Мусальникову, агломератчику В.П.Тарасову.

В каждом выпуске альманаха планируется знакомить с творчеством качканарских художников, первый в этом списке – **многогранно** талантливый В.К.Кундеревич.

Вот такие они, качканарцы – авторы и герои их произведений. Вот такие они, **качканарские грани**, в нашей общей жизни, сегодняшней и предшествующей, простирающейся гораздо дальше, чем год рождения, признанный официально. Вот такие они, **качканарские грани**, в нашем общем труде, горняцком и литературном, главное – в творческом.

... Есть еще одно толкование в умных книгах слову «**грань**» – это одновременно конец и начало. Символично: завершая работу над стартовым выпуском альманаха, пора приступить к следующему!

Р. Васильева, член редколлегии альманаха

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, КАЧКАНАР!

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

Родилась в 1934 году в селе Романово Серовского района Свердловской области. В 1956 году окончила Нижнетагильский педагогический институт. Учитель русского языка и литературы, она пришла в «Качканарский рабочий» в 1970 году. Была корреспондентом, ответственным секретарем, активно работала во всех газетных жанрах. Написанные ею в разные годы очерки составили четыре сборника: «У истоков Качканара», «Дорогие мои земляки», «Прикасаюсь к прошлому», «Победители». Руководитель литературного объединения «Лукоморье» при редакции газеты «Качканарский рабочий», член Союза журналистов России, почетный гражданин города Качканара.

У ИСТОКОВ КАЧКАНАРА

Здравствуйте, палатки!

В канун 50-летия Качканара позвонили первостроители и сказали, что хотят сфотографироваться на память около палаток. Мы собрались в здании городской администрации и потом дружно отправились в парк. К каменным палаткам шли пожилые люди, шли степенно, не торопясь, иные – прихрамывая, с тросточками. Здравствуйте, палатки!

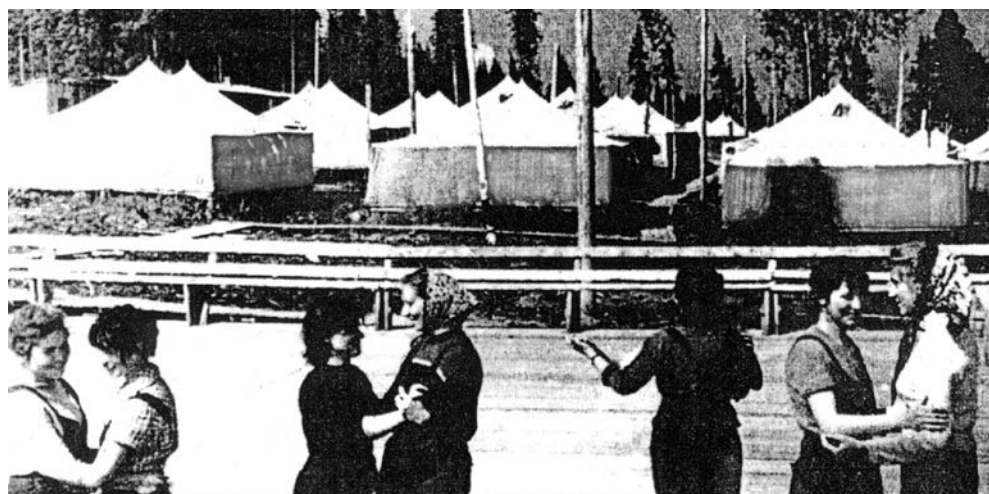
День был пасмурный, он будто напоминал этим людям, что солнце их юности закатилось. Но их глаза спорили с погодой, излучая прежний юный свет. Память вернула первостроителей в прошлое, в то героическое время, когда здесь стояли их брезентовые палатки, чистые и светлые, как и помыслы зачинателей города юности. Здесь, в палаточном городке, был и первый очаг культуры и отдыха – танцевальная площадка из свеженьких досок. Поселиться в городке означало великую радость, поскольку палатки тогда были верхом благоустройства. Ведь начинать-то приходилось под открытым небом да в шалашах.

27 мая 1957 года в поселке Валериановске состоялся короткий митинг. Начальник первого строительного управления Семен Степанович Мальцев сказал:

– Ребята, вот там, на склоне горы Долгой, будет комбинат, будет город. Наша задача – прорубить туда дорогу. Будем лес валить...

И стали ребята лесорубами. Это была самая первая, самая востребованная тогда профессия. В руках «профессионалов» – топоры да пилы. Орудия – примитивные. Лес – густой. А цель – высокая. Она придавали силы и упорства. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валились деревья. Трасса уходила все дальше от Валериановска, возвращаться после работы в поселок становилось утомительно. И лесорубы сооружали шалаши, чтобы, переночевав прямо на рабочем месте, дав короткий отдых натруженным рукам и ногам, утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. С каждым днем все ближе подходили к горе Долгой.

Обосновались у реки Выи, на месте будущей плотины. Опять поставили легкие шалаши, опять жгли костры, спасаясь от гнуса. Жили в шалашах, а в мечтах видели город у горы Долгой и комбинат. «По сколько часов работали, – вспоминал Илья Машкин, – лесорубы не считали. Вставали в четыре утра, шли на делянку, в десять часов возвращались, отдыхали – и снова за работу, до десяти часов вечера... Четыре гектара леса под тело плотины вырубili, как говорится, одним махом».

И вот – большое событие, великая радость: привезли и установили три брезентовые палатки. И дождь теперь не страшен, и от комаров появилось хотя бы временное спасенье.

Жили в палатках – а в мечтах видели город и комбинат. В начале июня вышли на то место, где сейчас стоит управление комбината. Занялись расчисткой леса под палаточный городок и улицы буду-

щего города. Но город пока в будущем, а городок из брезентовых палаток вырос и заселился быстро.

Новоселы радовались. Железные кровати, настоящие: с матрацами и подушками, с простынями и наволочками, одеялами – какое богатство! И не беда, что почти вся мебель палаточного городка уже была в употреблении на «семерке», в соседнем закрытом городе. Не беда. «Есть у тебя тумбочка и кровать – и ты уже богат», – искренне считали первостроители, совсем не думая о том, что богаты и сильны они были своим духом.

По утрам вставали с хорошим настроением. Умываться бежали к ручейкам да ключикам. Был и умывальник, длинный, со многими рожками, но его не хватало, поскольку поднимались все в одно время. Водопровод? Он, конечно, будет, будет в городе. А городок обходился временной деревянной насосной, сооруженной на реке Вые. Воду доставляли на лошадях. Столовая? Она тоже будет. И столовые, и кафе, и рестораны... А пока под открытым небом столы из длинных досок, навесы от дождей. Кухня тоже дощатая, но какие вкусные обеды готовили повара!.. А еще, тоже под открытым небом, была печь – большая кухонная плита, на которой готовили пищу семейные. Заставленная множеством кастрюлек, чашек, сковородок, «семейная» печь топилась почти круглые сутки.

Городок жил. Днем палатки пустели. Гора Долгая слышала, как стучали топоры, визжали пилы «Дружба», трещали трелевщики, тархтели тракторы. А геодезисты уже вели разметку первых улиц: Качканарской и Октябрьской. Все верили: город – будет! Возвращались в палатки усталые, но довольные. По вечерам в палаточном городке играла гармошка, звучали песни и частушки, на танцплощадке кружились пары. Или шли в «кинотеатр» под открытым небом. Ближе к осени появился «клуб» – две соединенные палатки. В этом сооружении с земляным фундаментом, дощатым полом да невысокой сценой демонстрировались фильмы, проходили концерты и праздники.

Удивительный это народ – первостроители. Пришли в тайгу, где ни дорог, ни жилья. Вынести жару и холод, бытовой неуют, грязь и распутицу, мусор, без которого не бывает ни одной стройки. Но большинство из них, вспоминая первые качканарские годы, говорят не о трудностях, а о том, как весной буйно цвела черемуха, а осенью рдели гроздья рябины.

– В лесу речка бежит, чистая, прозрачная. Много черемухи и смородины. А какой воздух! – восторгалась и Нина Федоровна Литвиненко, рассказывая о том, как она, назначенная комендантом палаточного городка, «приехала на колесе груженого самосвала» из

Валериановска к первым палаткам в районе будущей плотины. И добавила: – И такая в природе тишина, такая тишина...

Молодая женщина, чью юность опалила и оглушила война, наслаждалась целительной тишиной тайги. Шум и грохот стройки тоже ее исцеляли, ибо это были не губительные и разрушительные звуки, это была музыка созидания. На первых порах Нина Федоровна робела. Привыкшая общаться по-фронтовому официально, кратко, сухо, она опасалась, что не найдет нужного тона в общении с ребятами и девушками, такими разными и такими похожими. Но все у нее получилось. Требовательный и строгий комендант, она была и заботливой матерью, и добрым советчиком, и надежным другом. А ведь этой мудрой женщине было тогда только тридцать три года.

На смену палаткам вставали дома, у горы Долгой вырос рабочий поселок. И стала Нина Федоровна секретарем поселкового Совета. Она с каким-то материнским волнением вспоминает, как регистрировала первых младенцев, рожденных в Качканаре. Марина Ульданова, Саша Спиркин, Алеша Лукиных, две сестрички Ожеговы, Оля Потемкина – называет многих, помнит даже дни их рождения. А Нину Федоровну помнят все первостроители. Многие из тех, что поменяли адреса, до сих пор поддерживают с нею связь.

И вот через несколько лет поехала она в Новополоцк, к Потемкиным (Михаил Потемкин на ударную стройку приехал вместе с первыми моряками, а Татьяна Степановна, ставшая потом его женой, была первой операционной сестрой в Качканаре). Белорусский Новополоцк понравился Нине Федоровне, и особенно тем, что в этом городе, который на год моложе Качканара, есть памятник палатке. Скромный и очень простой в исполнении памятник. Тронуло это Н.Ф.Литвиненко, и как-то обидно стало за наш город юности. Возвращалась она из Белоруссии с идеей построить в Качканаре памятник первостроителям. И он появился. Здравствуйте, палатки!

Листаю подшивку «Качканарского рабочего» за 1982 год. На первой странице номера от 22 мая – большой снимок; рядом с новорожденными палатками – первостроители. Как много их было тогда, в год 25-летия Качканара! С тех пор прошло тридцать лет. Уходит славное поколение романтиков, энтузиастов, созидателей. А построенный ими светлый город уже шагнул в двадцать первый век. И стоит в нашем парке скромный памятник. Пускай же «не зарастет к нему народная тропа». Пусть приходят сюда юные качканарцы, чтобы сказать: «Здравствуйте, палатки!» Чтобы поклониться тем, кто оставил им в дар Качканар.

И река стала морем

Вот такой пейзаж. Узнаете, дорогие читатели? Конечно же. Особенно первый вид. Он хорошо знаком всем. Даже маленьким качканарцам, которые летом бывают на пляже, чтобы вместе со взрослыми позагорать и поплавать, а то и прокатиться на лодке по морю, которое, уверены дети, здесь было всегда.

А вторая картина знакома лишь тем, кто ходил по дну будущего водохранилища. Здесь тоже было море, «зеленое море тайги», веками прятавшее небольшую речку Выю. Вот она – видите? – поблескивает узкой лентой на переднем плане снимка. Лес уже вырублен и вывезен. Видны кучи валежника. Горят и дымят костры. Люди чистят дно.

«Неужели весь этот простор – для меня?» – должно быть, думает Выя, продолжая привычное течение. Она еще не знает, что встретит однажды плотину – и придется ей повернуться. Это для нее нетрудно: ведь Выя – значит шея. Нет, она не остановит свой бег, но почувствует, что становится все шире, полноводнее – и однажды услышит, что ее уже называют морем, качканарским морем. Она даже прославится на весь Советский Союз как «самая большая река».

Жили-были в то время артисты-юмористы Штепсель и Тарапунька. «Ты знаешь, какая река самая большая в стране?» – спрашивает Штепсель. Тарапунька гадает: «Волга? Лена? Енисей?» – «Да нет, – отвечает Штепсель. – Это уральская река Выя: уж сколько лет перекрывают ее качканарцы – и никак перекрыть не могут!»

Да, перекрывать реки непросто. Это хорошо знает Выя, на которой за несколько лет было построено три плотины. Первая должна была задержать воду для нужд будущего комбината. Выя помнит, что окрестные сопки и долина реки были исхожены геодезистами и геологами. Они повсюду оставили свои следы: просеки в зарослях, шурфы, столбики реперов и теодолитных точек с короткими надписями и цифрами.

Затем место изыскателей заняли гидростроители. И вот уже долину перегородила каменная насыпь нижнего бьефа плотины. А в скальном теле горы пробивает траншею для донного водоспуска комплексная бригада Николая Наумченко, о которой в июне 1961 года газета «На стройке Качканара» писала: «Медленно, метр за метром продвигаются вперед рабочие, перфораторами и кайлами дробя неподатливый грунт. За ними идут плотники, ставят опалубку, арматурщики ставят стальной каркас. И вот уже в форму из дерева и стали сыплется бетон из «чулка», поднятого стрелой башенного крана. Медленно и неуклонно вытягивается бетонная труба водоспуска... Над долиной разносится тревожный вой сирены – предупреждение о том, что сейчас последует серия взрывов на вершине сопки. Рабочие прекращают работу и прячутся в укрытие. Гремит взрыв, и над сопкой встает косматый султан серого дыма и пыли. Свистящие звуки обрываются ударом. Это падают камни. Недалеко от водослива, где по желтой сырой глине только что ходил каток, теперь редко стали возникать фонтанчики. Сирена замолкла. Каток опять двинулся, оставляя за собой дырчатые следы. Девушка в красной косынке пошла по глине, поливая ее водой из шланга. На плотину один за другим заходят несколько самосвалов и торжественно разворачиваются. Грохочет камень. Самосвалы уходят за очередной порцией...»

Успешно работал коллектив гидростроительного управления треста «Уралспецстрой», весной 1962 года он закончил сооружение плотины шламохранилища. – и узенькая Выя стала широким водоемом, тем самым первым, который необходим будущему предприятию.

А гидростроители занялись второй, белее мощной плотинной. Она тоже очень нужна. И не только для того, чтобы создать новый крупный водоем. Ведь между карьером, где станут добывать железную руду, и корпусами горно-обогадательного комбината – глубокая впадина. Выйская плотина пересечет ее и откроет путь для железнодорожных составов с рудой.

Работали по-ударному. Рассчитывали, что весной следующего, 1963 года Выйское хранилище станет заполняться водой. За очистку затопляемой зоны горячо взялись все качканарцы. В июне и июле на воскресники выходили тысячи человек. Но постепенно общественная активность пошла на спад, и трест «Качканаррудстрой» предложил Азиатскому леспромхозу вырубить деревья и кустарники на площади около 150 гектаров. Стройуправлению №6 необходимо было убрать валежник и окончательно расчистить 45 гектаров. «Но людей до сих пор нет. Леспромхоз направил сюда 90 человек, а надо вдвое больше. Можно ли при этом ждать хороших результатов? – за-

давалась вопросом газета «Уральский рабочий». – Когда строилась плотина шламохранилища, спиленные деревья не вывезли. Руководители треста обещали летом выловить их с помощью катеров, но не сделали этого. В результате много срубленных деревьев затонуло. Странно, что за это никто не понес наказания. Неубранный лес и кустарник не только засорят и загрязнят пруд, но и забьют донный водоспуск, что может привести к большой аварии на плотине Выйского гидроузла». «Не сдерживайте гидростроителей!» – призывал «Уральский рабочий» зимой 1962 года, указывая и на другие проблемы, сдерживающие темпы строительства.

Да, для задержания вод весеннего паводка на Выйской плотине предстояло сделать еще немало, чтобы в итоге соединить железнодорожные пути левого побережья с правым. Это было сделано 14 марта 1963 года. В этот день через плотину прошел первый тепловоз, сделавший пробный рейс. А когда закончатся все мелкие работы, откроется регулярное движение составов по маршруту карьер – комбинат. Дорога к качканарской руде открыта. Газета «На стройке Качканара» благодарила бригаду дорожников Н.Шустова, комплексную бригаду Наумченко, всех строителей, механизаторов, взрывников и приводила несколько цифр, показывающих огромный труд этих людей. Забетонирован «зуб» длиной 440 метров, ушло 3000 кубометров бетона, уложено суглинка в тело плотины 100 тысяч кубометров, в перемычку плотины уложено 450 тысяч кубометров скального грунта. Полностью готов донный водоспуск, представляющий собой тоннель длиной около 250 метров; его высота – восемь, ширина – три метра; внутри свободно может работать автокран; 10 тысяч кубометров бетона и арматуры ушло на это сооружение.

Далее строителям предстояло закончить бетонирование двух башен высотой 18 и более 40 метров. А впереди – строительство вторых очередей шламохранилища и Выйской плотины. Кроме того, предстояло построить еще и третью плотину. На это ушли годы. Выя видела, как с течением времени меняется и ее течение. Ее, спокойную таежную реку, сначала удивил и напугал грохот стройки. Этот грохот не умолкал ни днем, ни ночью. Шоферы, бульдозеристы, экскаваторщики перешли на «казарменное» положение. В тепляках, тесовых избушках тесными рядами выстроились кровати. Машина с надписью на кузове «Техпомощь» доставляла сюда из столовой обеды и ужины. Работа кипела. И вот, догадывается Выя, приближается что-то очень важное. Вот, переваливаясь с боку на бок, вылезает на гору «МАЗы»; устало положив хоботы на кучу камней, замирают экскаваторы, будто желая убедиться,

не осталось ли каких огрехов; пятится с плотины бульдозер и пристраивается в шеренгу машин, развернутых широким фронтом к ней, к реке, которая на глазах людей становилась морем.

А люди все прибывали, желая посмотреть на это море у подножья горы. Грянула музыка. Подъемный кран подхватил белый катер и бережно опустил на воду. На носу его заколыхался морской вымпел, который еще совсем недавно обдували соленые ветры Балтики. В Качканар его привезли демобилизованные матросы и бережно хранили до этого радостного дня. Парни в матросских бушлатах и бескозырках заняли места у штурвалов. Заурчали моторы, и катера, развернувшись, стремительно понеслись вдоль плотины, совершая круг почета. А вслед им неслось громкое «ура!»

Люди волновались. Волновалась-плескалась и Выя, чувствуя, что становится все шире и глубже. Тогда она еще не знала, что будет воспета в стихах уральским поэтом Львом Сорокиным.

Речка Выя

Здесь под схватки ножевые
Мыли золото-песок.
Речка Выя,
Речка Выя
Превращалась в ручеек.

С каждым днем она мелела,
Как старателей дела,
Но, как в мыле,
В пене белой
В наше время протекла.

Вые мощную плотину
Подарили сто ребят,
Чтоб крутила им машины
И поила комбинат.

Время пробует на вечность
Берега, плотину, дно.
Даже маленькую речку
Морем делает оно.

Выя становилась все шире и глубже, да и мысли ее стали более глубокими. Она поняла, что на ее берегах начинается новая жизнь. Раз появились моряки – значит, она уже не река, а море.

Было немного грустно, что в этих краях не стало больше речки Выи. Но рожденные водоемы хранят не только ее воду, но и ее имя – и это радует. Верхневыйское водохранилище разлилось на 180 гектаров, из которых 34 гектара находятся в соседнем Пермском крае. А Нижневыйское водохранилище – это 562 гектара, в том числе 44 гектара – на пермской территории. Глубина – 10-15 метров, а в районе плотины – 40 метров. Нет, не зря этот водоем, который начал заполняться лишь в 1966-67 годах, романтики-первостроители назвали качканарским морем, где теперь любят отдыхать качканарцы. А водоем, созданный в верхнем течении реки, снабжает горожан питьевой водой. И Выя гордится своим новым предназначением. Она благодарна людям, которые пришли однажды в тайгу и вдохнули жизнь в маленькую речку Выю, а она вдохнула жизнь в гигант-комбинат и в светлый современный город. Имя ему дала гора, о которой речка Выя не знала, не ведала. А теперь эта гора отражается в зеркале качканарского моря.

Открытая книга тайги и труда

Так в одном из своих стихотворений Людмила Андреева назвала качканарский музей. Фундамент – бутобетонный, кладка – шлакоблочная, чердачные перекрытия – деревянные, кровля – металлическая. Вот такой скромный одноэтажный дом. Памятником архитектуры не является. Но его стены бережно хранят качканарскую память.

Как же получилось, что это здание, рожденное в 1961 году для пятого строительного управления, через сорок лет стало музеем? Воля истории? Судьба? Желание качканарцев? И то, и другое, и третье. Да где же и быть музею, если не у самых истоков Качканара? Здесь начиналась биография города юности. Именно здесь тайга встретила юных романтиков – и лес расступился перед ними, чтобы со временем стать парком, музеем под открытым небом.

Именно сюда в середине 80-х годов привела я ребят из Алапаевска. Они, советские школьники, решили дать своему пионерскому отряду имя Я.М.Свердлова. И чтобы отстоять, защитить такое право, ребята приехали в наш город, где есть улица Свердлова и горно-обогатительный комбинат имени Я.М.Свердлова. И вот мы с пионерами в парке Строителей читаем «открытую книгу тайги и труда». Первая строка этой книги, написанная на невысокой тумбе, говорит о том, что 27 мая 1957 года на этом месте начинался город Качканар. А рядом с тумбой главный экспонат музея под открытым небом – три белые бетонные палатки как память о трудовом подвиге первостроителей и их палаточном городке.

Вот он, этот городок (показываю старую фотографию) – два десятка белых брезентовых палаток. Мысленно проходим с экскурсантами по городку, заглядываем в палатки. В каждой из них два десятка кроватей и печка-буржуйка. Она весело потрескивала, чтобы согреть ребятам душу и тело, чтобы в морозную ночь их спины не примерзали к брезентовым стенам жилища. Такое случилось. Случались в палатках и пожары. А на улице тоже была печь, не буржуйка, самая настоящая, большая–пребольшая печь. Давайте подойдем к ней, приложим ладони к ее теплым кирпичным бокам, вдохнем аппетитный запах из кастрюлек и чугунков на горячей плите. А потом заглянем в столовую под навесом, похожую на покосный стан с длинными дощатыми столами и такими же длинными скамейками. Давно уже нет ни печки, ни столовой.

А мы подошли к следующему экспонату музея-парка, к танцевальной площадке. В пору первостроителей она была деревянной. Свежие доски сверкали своей белизной на зеленом травянистом

поле. От палаток тянулись деревянные тротуары. Новенькие, они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки. По вечерам здесь играла гармошка, звучали песни и в танцах кружились пары.

Продолжаем путь по периметру парка. Вот за прозрачной оградой скромный одноэтажный дом, которому суждено будет стать музеем. А пока это контора строителей-отделочников. Дальше на высоком постаменте бюст Ленина. Да и как же без этого памятника: ведь город юности в уральской тайге построил Ленинский комсомол!

Далее мы видим деревянную эстраду и скамейки в несколько рядов. А еще большое полукруглое, в виде ангара, здание, примыкающее к парку. Вот примерно в этом уголке парка, вернее – в палаточном городке первостроители смотрели кино. Сначала – под открытым небом. О том, как это было, рассказал уральский поэт Лев Сорокин.

Качканарское кино

Когда сказать о честности мне надо,
О первых качканарцах говорю...
Зарылись в темень горные громады,
Закрыв собой вечернюю зарю.

Все складочки расправив на экране,
Механик зычно объявил звонок.
И качканарцы ждут, чтоб на поляне
Застрекотал кузнечиком движок.

А фильм сегодня о делах сердечных!
Ну а вокруг не стены, а леса
И звездами прибитые навечно,
Мерцающие низко небеса.

Со всех сторон входи – и в кинозале,
Какой захочешь, занимай пенек.
Но только все билеты покупали
И сдачу брали, кто какую мог.

Кассиры сами, сами контролеры –
Так кто же здесь способен на обман?
Из-за лесов заглядывали горы
На светлый оживающий экран.

Ворчал беззлобно за спиною кто-то,
Что кинофильм опять безбожно стар.
Сгребал механик выручку без счета:
Чего считать? Ведь это – Качканар!

Но до конца сеанса парень рядом
Держал билеты, смятые давно...
Мне говорить о честности не надо:
Я помню качканарское кино!

Потом кино смотрели в клубе, сооруженном из двух палаток, а позднее – под куполом просторного ангара, ставшего впоследствии спортивным залом. А в 1963 году открылся настоящий кинотеатр «Юность» – красивый, просторный, с двумя зрительными залами. Он буквально в нескольких шагах от парка.

Мы с моими экскурсантами вновь подходим к каменным палаткам, покидаем парк и оказываемся на площади. Прямо перед нами «Юность», а за спиной здание городской администрации. Поднялись по ступенькам, остановились у входа. Оглядываем площадь, которую я тоже назвала бы экспонатом нашего музея под открытым небом. Сейчас здесь административный центр. А в первые качканарские годы, без этого современного здания, площадь была еще больше – не площадь, а стадион, отделенный от проезжей части невысокой кирпичной стеной. В зимнее время здесь был хороший каток! Сейчас о нем ничто не напоминает, он остался лишь в памяти первых качканарцев. Зато венчающая площадь высокая стела – яркое напоминание потомкам о трудовом подвиге первостроителей: на стеле орден Трудового Красного Знамени, которым награждена комсомольская организация Качканара за строительство города и горно-обогатительного комбината.

Экскурсия на комбинат предстояла моим гостям завтра. А сегодня от площади, от этого ордена на стеле мы прошли по улице Свердлова, поднялись на гору Долгую. Отсюда, от телевышки, ребята увидели тайгу, упирающуюся в горизонт; гору Качканар и «море» у ее ног; и наш город – светлое ожерелье Долгой горы. Вместе с домами мы обогнули ее и, спустившись с другой стороны, вышли к кинотеатру «Юность» и к площади.

Это было в середине 80-х годов прошлого века. С тех пор многое изменилось. Кинотеатр, построенный в прекрасное время, когда высоко ценились духовность и культура, превратился в торговый центр «Кировский», который поглотил оба зрительные зала и предлагает теперь качканарцам пищу для желудка. В парке Строи-

телей пролегли асфальтовые дорожки. По одной из них, самой широкой, в праздники и в будни идут мои земляки к заветному месту. Там, где раньше на постаменте возвышался бюст Ленина, теперь находится мемориал, увековечивший память качканарских мальчишек, погибших в Афганистане и Чечне. Неподалеку – военная техника как напоминание о войнах в мирные дни. А наша площадь, одетая недавно в мелкую плитку, стала почти что красной.

Нет, не случайно административное здание выросло на этой площади, рядом с парком, где когда-то под сенью вековой тайги в летний зной и зимнюю стужу, в бытовом неуюте и дерзновенных мечтах Качканар начинал свою биографию, свою историю, свидетелем и участником которой был скромный одноэтажный дом, на фасаде которого теперь написано: «Качканарский историко-краеведческий музей».

Решение о его создании было принято исполкомом городского Совета народных депутатов 1 декабря 1991 года. А 8 октября 1992 года состоялось официальное открытие нашего музея как филиала Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. В этом статусе существовал он без малого девять лет, а с 1 июня 2001 года стал структурным подразделением городского Центра досуга. С тех пор его работа заметно оживилась. Большой интерес вызывает зал, где представлен животный и растительный мир нашего края. Никогда не пустует и выставочный зал. А в зале боевой славы проводятся уроки мужества, дни памяти, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и воинами-интернационалистами. Но главный зал музея – «Из истории города Качканара».

Вьется легкая к дому тропинка,
И встречает со скрипом крыльцо.
Вся история в строгих картинках
И ее молодое лицо.

Восторженно воспевают музей Людмила Андреева. Но экспонаты, эти «строгие картинки», к сожалению, пока еще очень слабо отражают славную историю Качканара, который начинался как Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

Качканарский музей. Салютуют года.
Ты открытая книга тайги и труда.
Качканарская летопись в сердце твоём.
Мы к тебе, стар и млад, за советом идем.

К сожалению, в этой «открытой книге тайги и труда» недостает еще многих страниц. А они ведь существуют, они написаны вдохновенным трудом строителей и горняков. И надо искать эти страницы, искать, пока еще живо героическое поколение, подарившее нам светлый город. Искать и постоянно пополнять «открытую книгу». Чтобы стар и млад, и особенно млад, чувствовал себя причастным к истории Качканара и был готов продолжать его летопись.

А летопись продолжается. Каждый день музей чувствует могучее дыхание Качканарского горно-обогатительного комбината: ведь ГОК начинается рядом. Буквально через дорогу от музея – рудовозный круг. Постоянно слышит музей мирные взрывы в карьерах и видит, как на дробильную фабрику по рельсам везут железную руду. И следует она дальше по отлаженной цепочке, сквозь воду и огонь, пока не станет агломератом и окатышами – качественной продукцией, так необходимой уральским металлургам.

Комбинат работает. Город живет. История продолжается. И пополняется новыми страницами «открытая книга тайги и труда»...

А. ФАДЕЙЧЕВ

Родился в 1935 году в городе Ташкенте. В 1958 году окончил Свердловский горный институт им. В.В. Вахрушева по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых», горный инженер-геолог. Работал главным геологом объединения Уралруда Минчермета СССР, начальником группы лицензирования недропользования Уральского комитета по геологии и использованию недр, главным геологом группы лицензирования Баженовской экспедиции Комитета природных ресурсов Свердловской области. В настоящее время – доцент кафедры Инженерной экологии Уральского государственного

горного института. Крупнейший специалист в области геологии и разведки месторождений полезных ископаемых, экономики минерального сырья, правовых вопросов пользования недрами и экологии, кандидат геолого-минералогических наук.

В 1959-1966 гг. работал в Качканарской геолого-разведочной партии Тагильской экспедиции Уралгеолуправления Мингео СССР. За исследование западной залежи Гусевогорского месторождения присвоено звание «Первооткрыватель месторождения СССР».

КАЧКАНАР

(ВОСПОМИНАНИЯ ГЕОЛОГА)

От автора

Мысль написать о Качканаре пришла ко мне давно. Не потому, что хочется увековечить свое имя в памяти ныне живущих качканарцев и их потомков, а потому, что город Качканар – это город юности, в частности, город моей юности, начала моей трудовой деятельности. В возрасте зрелом и преклонном приятно вспомнить людей, которых знал, с которыми работал, а впоследствии время от времени встречался. А еще и потому, что Качканарский горно-обогатительный комбинат, разрабатывающий Гусевогорское месторождение беднейших вкрапленных титаномагнетитовых руд, является одним из уникальных горнодобывающих предприятий мира.

Рожденный трудом и энтузиазмом десятков тысяч советских людей в послевоенные годы подъема народного хозяйства, оснащенный самой современной мощной техникой, вооруженный передовыми научными достижениями, он и по сей день является флагманом горных предприятий России.

Предлагаемые ниже заметки не претендуют на какое-либо систематизированное описание истории промышленного освоения Качканарских месторождений и развития сырьевой железорудной базы на Среднем Урале. Об этом написано и еще будет написано в будущем много больших и серьезных исследований. Это своего рода фрагменты, отрывки, описания различных эпизодов из моей жизни и работы, связанные с Качканаром. Это и не серьезные мемуары, а личные субъективные воспоминания, нередко с оттенком юмора, сюжетно не связанные между собой.

Некоторые из них мы вспоминали при встречах со старыми друзьями-качканарцами «за чашкой чая». Что-то из них уже забылось, кое-что еще осталось в памяти. Может быть, не всё было точно так, но главное передано верно. Поэтому упоминаемые в записках реальные лица, если могут, пусть извинят автора за допущенные ошибки и искажения. Тем более что некоторые эпизоды я излагаю по рассказам других очевидцев. Фамилии действующих лиц в отдельных эпизодах, которые могут показаться им обидными, я умышленно изменил, о чем каждый раз даются ссылки в тексте.

Если кто-то узнает в них себя – хорошо, не узнает – тем лучше. Не могу не упомянуть о тех, кого уж ныне нет в живых. По традиции о них принято говорить «или хорошо, или ничего». По-моему это не совсем правильно. Соблюдая такт и уважая память о них, нужно все же говорить правду. Как говорится, что было – то было. И еще: в настоящих заметках не приводится характеристика упоминаемых лиц – люди это достаточно известные. А кто захочет узнать о них поподробнее, может воспользоваться справочной литературой или расспросить людей, их знавших.

Разведка Качканара

Качканарские месторождения издавна привлекали внимание благодаря огромным площадям оруденелых пород, измеряемых квадратными километрами, выходящих на дневную поверхность. Скальные выходы руд были известны вогулам, населявшими эти места еще до ХУП века.

В отличие от традиционных для Урала месторождений богатых магнетитовых руд гор Магнитной, Высокой, Благодати, представленных компактами залежами с содержанием железа более 40 и даже 50%, качканарские руды представлены бедными вкрапленниками титаномагнетитов в пироксенитах с содержанием железа менее 16%. Препятствиями для их разработки были тугоплавкость

титаносодержащих руд, а главное – чрезвычайно низкое содержание в них железа. Без совершенных обогатительных установок получение товарных концентратов в промышленных масштабах было невозможно.

Картина радикально изменилась лишь в середине XX века, когда в Советском Союзе была создана новая мощная горнодобывающая и обогатительная техника: эффективные магнитные сепараторы и высокопроизводительные дробилки и мельницы. Интерес к Качканару повысился ещё и в связи со значительной выработанностью богатых железорудных месторождений, а также из-за расширения областей применения ванадия, содержащегося в качканарских рудах. Можно считать, что настоящая история геологического изучения и промышленного освоения титаномагнетитовых руд качканарского типа начинается после Великой Отечественной войны. Крупномасштабные геологоразведочные работы были начаты уже в 1946 году.

Все геологоразведочные работы в СССР и РСФСР производили государственные геологические организации, входившие в систему Мингео СССР. Работы велись за счет средств государственного бюджета и достаточно эффективно. По свидетельству бывшего министра геологии Союза Е.А. Козловского, на каждый рубль, вложенный в геологическую отрасль, тогда получался прирост запасов полезных ископаемых стоимостью в 5 рублей. Немногие отрасли народного хозяйства могут похвастаться рентабельностью в 500%! Этому способствовала солидная научная база и большой практический опыт работы советских геологов.

Геологоразведочные работы подразделялись на 5 стадий: геологическая съёмка, поиски и оценка месторождений, предварительная разведка, детальная разведка и эксплуатационная разведка. После открытия месторождения наиболее трудоёмкой являлась детальная разведка, которая выявляет промышленные категории запасов А, В, С1, определяет их балансовую принадлежность и промышленную значимость. На особенно крупных объектах зачастую детальная разведка проводится в несколько этапов. При этом, несмотря на большие затраты на стадии детальной разведки, при начале строительства горного предприятия требуется проведение дополнительных геологоразведочных работ, которые получили название доразведки.

Первый этап стадии детальной разведки Качканара охватывает период с 1946 по 1952 год (Рупасова З.В., Алешин М.И., Тимохов К.Д.), когда на горах Большая и Малая Гусевы были выявлены и разведаны залежи Главная, Северная, Южная и Промежуточная 1

с суммарными запасами промышленных категорий $A+B+C1 = 1,2$ млрд. т и категории $C2 = 1,6$ млрд. т, составившими Гусевогорское месторождение. В этот же период было разведано и Собственно-Качканарское месторождение, расположенное на восточном склоне горы Качканар, с запасами руд, аналогичных гусевогорским, в количестве 2,7 млрд. т.

Разведка производилась бурением колонковых скважин до глубины в среднем 250-300 м по сети 200 x 200 м для запасов категории $C1$, 100 x 100 м – категории B . Поднимаемый керн анализировался на железо, ванадий, титан. При размещении скважин на местности учитывались данные магнитометрической съёмки масштаба 1:5000, которой была покрыта вся площадь Качканарского рудоносного массива /Б.И. Соколов, 1958 г./.

Второй этап разведки совпал с началом горных работ на Гусевогорском месторождении и строительством Качканарского ГОКа. В самом начале строительства Качканарского ГОКа потребовалось уточнить конфигурацию уже известных залежей, проверить площади, предназначенные под застройку, на безрудность. Инициатива исходила от горняков, в значительной мере от бывшего главного инженера строящегося ГОКа С.Л. Мясника. Ими была высказана идея объединения Главного и Северного карьеров в единый гигантский суперкарьер при условии, если под безрудными толщами горы Большая Гусева залегают руды. Доразведка Гусевогорского месторождения охватывает период 1959-61 гг. (Фадеичев А.Ф., Алешин Б.М., Фадеичева Р.Н.).

За этот период были удвоены запасы Южной залежи, утроены залежи Промежуточной 1 и в 4 раза увеличены по Северной залежи. Кроме того, была выявлена и частично разведана ранее неизвестная Западная залежь, расположенная в межгорной котловине между горами Качканар и Гусевыми, проявляющаяся в форме слабой магнитной аномалии. А вот соединить Главную и Северную залежи не удалось: в промежутке между этими залежами выявлено два изолированных участка оруденения, получивших название Промежуточных залежей II и III. Суммарные запасы категорий $A+B+C1$ по итогам доразведки составили 2,5 млрд. т плюс запасы категории $C2$ 3,0 млрд. т вдвое превысили ранее оцененные запасы. В этот период на государственный баланс были поставлены запасы ценного легирующего металла ванадия, содержащегося в виде примеси в железных рудах. Кроме того, вместе с геологической службой ГОКа были детально изучены петрографический состав и структурно-текстурные особенности руд, влияющие на их обогатимость.

По итогам доразведки автору настоящих записок и Б.М. Алёшину было присвоено высокое звание «Первооткрыватель месторождения СССР» с вручением соответствующего диплома и нагрудного знака. Интересно отметить, что по каким-то причинам полагающаяся первооткрывателям премия нам не была выплачена. Мы горды званием, а также тем, что наши фамилии в числе прочих выбиты на мраморной доске вестибюля станции Геологической екатеринбургского метро.

Продолжением этапа доразведки можно считать завершение разведки Западной залежи, выполненное в 1975-76 гг. (Алешин Б.М.), когда по ней был получен прирост запасов категорий А+В+С1 0,5 млрд. т с одновременным уменьшением категории С2 на 0,3 млрд. т.

На третьем этапе доразведки Качканара (1985-87 гг. Полянский И.Г, Майборода) проводились работы по доразведке Главной залежи, запасы промышленных категорий которой были увеличены до 1,0 млрд. т против первоначальных 0,6 млрд.т за счет перевода из категории С2 на флангах и глубоких горизонтах залежи. Особенностью этого этапа было детальное изучение обогатимости руд и подсчет их количества по сортам в соответствии с классификацией, принятой на Качканарском ГОКе. Кроме того, были подсчитаны и поставлены на баланс породы вскрыши Главной залежи в качестве строительного камня. В этот период проводилась также доразведка восточного фланга Собственно-Качканарского месторождения с приростом запасов около 1,0 млрд.т.

В последующие годы масштабных геологических исследований на Качканаре не проводилось. Геологоразведочные работы, отвечающие стадии эксплуатационной разведки, проводятся постоянно в объемах, достаточных для обеспечения нужд текущей добычи.

Первое знакомство с Качканаром

1958 год. Я, молодой специалист, геолог, окончивший Свердловский горный институт, и при этом еще молодожен, вместе с женой Руфиной направляемся на работу на Алтай, несмотря на нерешительные протесты родителей, так как посчитали, что на Урале геологам делать нечего: уже все открыто. Однако через год под давлением семейных обстоятельств возвращаемся на Урал и направляемся в Качканарскую геологоразведочную партию. Так я впервые услышал слово «Качканар» Нужно сказать, это наименование геологоразведочная партия унаследовала от названия Кач-

канарской геологоразведочной экспедиции, проводившей в 1946-52 гг. разведку Гусевогорского, а затем, собственно Качканарского месторождений титаномagnetитовых руд.

В 1959 году она вновь начинала работы по доразведке Гусевогорского месторождения, сформировав для этой цели небольшой Гусевогорский отряд. Основной же объем геологопоисковых работ партия проводила на медь и бокситы. Мне была предложена должность участкового геолога, а жене - техника-геолога на буровых работах. В Уралгеолуправлении (г. Свердловск) начальник отдела черных металлов К.Е. Кожевников сказал мне: «Сначала приедешь на станцию Лая, а затем оттуда – на станцию Выя», – что я принял было за шутку. На станции Выя меня встретил старший геолог Качканарской ГРП Б.М. Алешин, годом раньше меня окончивший наш институт, который, можно сказать, принял эстафету разведки Качканара от своего отца, известного геолога, исследователя месторождений черных металлов Урала, первооткрывателя Качканарского месторождения М.И. Алешина (1905-1969). В 1960 году Алешин-старший приезжал к нам в партию консультировать по вопросам подсчета запасов руд Гусевогорского месторождения.

Мы с женой отправились работать в пос. Валериановск, где устроились жить на частной квартире. Вместе с Т.Я. Пьянковой и Н.П. Дементьевой мы вели документацию и подготовку геологических материалов по доразведке.

Начало работы запомнилось мне заснеженной горой Большая Гусева. Холодная зима. Керн, разложенный у буровых вышек. Я иду на лыжах из поселка Валериановска, а вокруг меня бегают зайцы. Десятки зайцев! Отбегут метров на двадцать-тридцать, остановятся и смотрят. У меня только лыжные палки – я для них безопасен.

Работали несколько месяцев. Руда в скважинах чередовалась с пустой породой. Города Качканара тогда еще не было. Был поселок барачного типа на горе Долгой. Площади будущих сооружений комбината казались огромным котлованом, утыканным стальной арматурой и железобетоном. Карьера также не было. На Главной залежи начинались вскрышные горнокапитальные работы по проходке въездной траншеи. Мы ходили по площади Главной залежи не только посмотреть на ход горных работ: на ее склонах было огромное количество костяники, которую не считают за ягоду. Ее можно было собирать ведрами, при смешивании с сахаром получалось вкусное красное желе. Еще поражало обилие и размеры грибов в окрестных лесах. Набрать ведро грибов в разгар сезона было делом пятнадцати-двадцати минут, а шляпы некоторых красноголовиков закрывали сверху ведро целиком! Интересным было то,

что грибы редко были червивыми. Вероятно, сказывалось опыление лесов дустом, проводимое с вертолета для борьбы с энцефалитным клещом. Как это отразилось на здоровье населения – неизвестно.

У дирекции строящегося ГОКа было полно хлопот: торопить проектировщиков, доставать оборудование и материалы, строителей, подрядчиков и субподрядчиков, подгонять и контролировать.

Жизнь на стройке кипела и бурлила. В первые годы на Качканар, объявленный ударной комсомольской стройкой, приехало много молодежи. По уровню рождаемости город был на первом месте не только на Урале, но и, пожалуй, в РСФСР.

Для нас побежали-помчались трудовые будни, как вдруг – приглашение к руководству строящегося Качканарского ГОКа доложить о том, как идет доразведка. Директором ГОКа тогда был В.П. Дерягин, а главным инженером комбината С.Л. Мясник. Именно последний выдвинул идею провести доразведку горы Гусевой, чтобы отрабатывать Гусевогорское месторождение одним гигантским суперкарьером, охватывающим Главную и Северную залежи. Наша задача как геологов состояла в том, чтобы оценить рудо-носность и подсчитать запасы руд в промежутке между этими залежами. Проектировщики и строители торопили, а у нас, геологоразведчиков, денег на проведение работ выделялось мало.

На техсовете, заслушав мой доклад, С.Л. Мясник сердито насупился и, обратившись ко мне, важно сказал: «Вы своими увертками и проволочками поставили наш комбинат на четвереньки!» (Было сказано другое, менее приличное слово, хотя на этом совещании присутствовали и женщины.) Я растерялся, так как никогда раньше в официальной обстановке не слышал таких выражений. Но собравшись с духом, отвечал: «Мне очень жаль, что такая маленькая организация, как наша, поставила всесоюзный строящийся гигант в такую некрасивую позицию!». В кабинете раздался дружный смех. Главный инженер тоже улыбнулся и сказал: «Ладно, молодой человек, вы не обижайтесь, но ассигнования на разведку нужно увеличить». И я поехал просить деньги в Свердловский совнархоз. В то время после разоблачения «культа личности И.В. Сталина» Н.С. Хрущев проводил смелые эксперименты в промышленности: раздал власть и ресурсы по республикам и областям путем организации Совнархозов, что оживило местные инициативы. Я убежден, что не будь тогда Совнархозов, не было бы и Качканара.

В Свердловске образовалась целая группировка энтузиастов строительства комбината на базе крупных запасов неслыханно бедных титаномагнетитовых руд, из которых мне особенно за-

помнились упоминавшийся выше геолог М.И.Алешин, главный инженер института «Уралгипроруда» горняк Л.Н. Цимбаленко (1912-1978 гг.), сотрудник института «Уралмеханобр» обогатитель Г.И. Сладков (1906-1990 гг.). Преодолевая жесточайшее сопротивление скептиков, они сумели убедить партийное и хозяйственное руководство области и Союза ССР в целесообразности строительства комбината; в 1956 году Минчермет СССР издал приказ о создании дирекции строящегося Качканарского ГОКа, а в 1957-м началось его строительство.

Если «родителями» Качканарских месторождений можно считать достаточно большую группу геологов, то «отцами» – зачинателями Качканарского ГОКа без преувеличения были Л.Н. Цимбаленко и Г.И. Сладков, особенно первый. Не имея семьи, прожив жизнь аскета, он все силы отдал проектированию комбината, и на смертном одре последними его словами были: «В жизни я допустил одну большую ошибку – нужно было бы заложить Качканарские фабрики на 20 метров выше по рельефу, сколько миллиардов рублей было бы сэкономлено!».

По моему мнению современному руководству Качканарского ГОКа, городским властям Качканара да и руководителям Свердловской области следовало бы подумать об увековечении славных имен Л.Н. Цимбаленко и Г.И. Сладкова, хотя бы назвав их именами улицы в городе Качканаре.

В 1959 году в Свердловском совнархозе я доложил первые результаты доразведки, и начальник горного отдела И.М. Демихов (1901-1996 гг.) пообещал выделить дополнительные ассигнования. Он сдержал свое слово, деньги были выделены.

Вопрос выделения средств всегда был достаточно сложным. Прошло всего 12 лет после окончания Великой Отечественной войны, страна восстанавливала разрушенное хозяйство, и всюду требовались деньги. Тем более они были дефицитными в 1946-52 годах, когда впервые проводилась разведка руд Качканара.

Незадолго до смерти И.В.Сталина вновь начались репрессии. Как рассказывал К.Е. Кожевников, в самый разгар разведочных работ на собственно Качканарском месторождении его, как руководителя Уралгеолуправления по черным металлам, однажды пригласили на Ленина, 17 – там находилось управление госбезопасности. Молодой человек в военной форме задал ему вопрос: «Почему Вы закапываете в землю такие большие деньги? Разве нет других более важных и срочных объектов?». Кожевников объяснил это необходимостью получения опережающих приростов запасов железных руд для послевоенного подъема промышленности. Но не

убедил. Его вызывали еще несколько раз. В конце-концов он рассердился и сказал: «Хотите посадить? Сажайте!» На что ему ответили: «А вот когда будет надо, тогда и посадим!». С этого момента Константин Ерофеевич потерял покой. Жена приготовила ему наварочку с сухарями, комплект белья и кружку с ложкой. Каждую ночь они прислушивались и выглядывали в окно, не приехал ли за ним «черный воронок»? Но со смертью Сталина претензии прекратились.

Между тем, с высоты сегодняшнего дня видно, что вопрос «органов» ведущему геологу был правомерным. Разведанные запасы собственно Качканара пролежали в недрах более полувека. Было допущено омертвление значительных государственных средств. Но, оказывается, нет худа без добра. Сегодня Россия еще держится только ресурсами недр, подготовленными за годы Советской власти.

В 1962 году завершился 1-й этап доразведки Гусевгорского месторождения. К сожалению, объединить Главную и Северную залежи не удалось: промежуток между ними оказался слаборудным. Здесь были выявлены лишь небольшие по качканарским масштабам залежи Промежуточная II и Промежуточная III с запасами около полутора миллиона тонн каждая. Однако, в результате доразведки были значительно расширены рудные площади залежей Северной, Южной и Промежуточной I. Кроме того, в котловине между горой Качканар и Гусевыми горами при проверке бурением магнитной аномалии была выявлена ранее неизвестная залежь Западная с запасами руды около 800 млн. т. Суммарные запасы руд Гусевгорского месторождения были увеличены с 1,2 до 2,5 млрд. т.

За открытие Западной залежи и коренную переоценку месторождения Б.М. Алешину и автору этих заметок было присуждено высокое звание «Первооткрыватель месторождения СССР». Многие геологи считают это самой высокой государственной наградой.

М.М. Горшколепов. Административно-командная система

Итак, завершена доразведка Гусевгорского месторождения. Подсчитаны и утверждены запасы руд в Государственной комиссии по запасам СССР. (Я был главным автором отчета с подсчетом запасов). Полным ходом идет строительство комбината. А я, старший геолог Качканарской ГРП, в то время базирующейся на станции Выя, занялся другими объектами: поисками меди, бокситов, золота. Как вдруг поступило приглашение приехать в г. Сверд-

ловск к руководству Уралгеолуправления. Начальник Управления А.А. Корольков сказал мне следующее: «В связи с реорганизацией Управления народным хозяйством организован трест «Уралруда», которому нужен главный геолог. Мы предложили Вашу кандидатуру. Сходите к ним на собеседование».

Небольшой руководящий аппарат треста размещался в Доме промышленности на ул.Мамина-Сибирияка. Войдя в высокий холл с красивыми мраморными колоннами и золочеными лепными потолками, поднялся по лестнице на 3-й этаж. В кабинете меня приняли сразу трое. Один из них, средних лет красавец мужчина с лицом римского императора, видимо главный, обратился ко мне: «Вас рекомендовали нам как опытного, способного и энергичного геолога. Мы предлагаем Вам возглавить геологическую службу треста «Уралруда». Двое других, очень солидные и важные, внимательно меня разглядывали. В одном из них я узнал И.М. Демихова из горного отдела бывшего Совнархоза, у которого я просил деньги на доразведку Качканара.

Я растерялся. Удивила смелость руководителей предложить мне, молодому человеку, не известному им специалисту, столь высокую должность. К тому же у меня была интересная работа в полевой партии, на выходе было несколько геологических отчетов. Я с сомнением пожал плечами, сказав, что в общем-то не знаком с рудничной геологией и не уверен, что справлюсь с работой в масштабе всего Урала, включая предприятия Свердловской, Челябинской и Пермской областей. Мои сомнения им, похоже, даже понравились; они стали настаивать, обещали помочь. Так я впервые встретился с управляющим трестом М.М. Горшколеповым и его замом по кадрам Д.Г. Складаровым. Я попросил месяц на раздумье.

Вопрос мой решила теща, которая сказала: «Как ты думаешь, сколько раз в жизни тебе еще будут делать подобные предложения? Подумай также и обо мне и вашей дочке, которую я одна здесь ращу, в то время как вы работаете в поле». И я стал главным геологом треста.

Остановлюсь поподробнее на личности Михаила Матвеевича Горшколепова. Родившийся в 1910 году в семье крестьянина в Донбассе в 1935 году, он получил диплом горного инженера и работал на Дальнем Востоке, на Севере, в Казахстане, на Южном Урале, поднимаясь по служебной лестнице. В 1957 году М.М. Горшколепов как крупный специалист, хороший организатор производства назначается заместителем начальника Управления черной металлургии Средне-Уральского совнархоза. После упразднения совнархозов он возглавил трест «Уралруда».

В течение последних 15 лет Качканарский ГОК был одной из главных забот Горшколепова, можно сказать его любимым детищем. Строительству, работе комбината, укреплению его кадрами всегда уделялось самое большое внимание. Нужды Качканара для «Уралруды» были приоритетными и удовлетворялись в первую очередь, а часть работников ГОКа была переведена в аппарат управления треста.

М.М. Горшколепов был одним из ярких типичных представителей советской административно-командной системы, руководителем сталинского типа, далеко не самым худшим. Он умело сочетал волевой административный нажим с демократичным учетом самых различных мнений и суждений, как инженер обладал огромным опытом руководства горным производством, как руководитель – дипломатическими способностями.

В годы подъема народного хозяйства главным рычагом было централизованное планирование. План был нашим божеством. От его выполнения зависело всё: премии, награды, продвижение по службе. За невыполнение плана снимали с работы и выгоняли из партии. Поэтому нередко приходилось стучать кулаком. Но догматически толкуемый феномен плана применительно к горному делу принес много вреда, был ущербен. Руководители центрального аппарата министерств и ведомств из года в год требовали постоянного улучшения технико-экономических показателей производства. Существовала порочная практика планирования «от достигнутого». К примеру, если ты в прошлом году добыл 1 миллион тонн руды, то в следующем должен дать уже полтора, а еще при этом снизить себестоимость добычи. И это невзирая на истощение запасов руд, увеличение глубины разработки, снижение природного качества руд.

Ежегодно в Главке нам давали дополнительное задание. Завершил год, проснулся в новом году – получай повышенный план, так как за прошлый год ты должен был стать умнее. Иначе как мы можем обеспечить успешное строительство социализма? В этих условиях лучше других жилось молодым развивающимся предприятиям с еще неисчерпанными запасами минерального сырья; в числе таких предприятий был и Качканарский ГОК. Разработка годовых и пятилетних планов, контроль за ходом их выполнения были главнейшей задачей аппарата управления всех уровней.

Главный геолог треста, в качестве дежурного диспетчера по ночам, я, порой, «допрашивал» работников подведомственных предприятий о причинах невыполнения плана, вникая в мельчайшие детали, не относящиеся к моей специальности, – до состояния

железнодорожных путей на горизонтах карьеров и марки смазки подшипников дробилок на обогащительных фабриках. Все это для того, чтобы доложить руководству треста, а затем сообщить в Главк и Министерство.

Порой дело доходило до абсурда, давались самые нелепые объяснения причин срыва плана. Не имея физической возможности для всеобъемлющего контроля огромного производства, разбросанного по всему Уралу на тысячи километров, мы принимали на веру доклады диспетчеров предприятий, которые не всегда давали объективную картину. Они старались подать информацию, за которую можно было получить наименьшую нахлобучку от вышестоящего начальства. И в почете оказывались не те, кто говорил горькую правду, а кто умел более правдоподобно и гладко доложить наверх.

Северная или Западная?

Итак, Качканарский ГОК вступил в строй и набирал производственные мощности, увеличивалось производство концентрата. В 1965 году была введена в строй аглофабрика, в 1966-м – вторая очередь обогащительной фабрики. Требовалось все больше и больше сырой руды, и Главный карьер уже не справлялся с необходимым объемом добычи. В резерве у горняков были две крупные залежи: Северная с запасами руд промышленных категорий 1,2 миллиарда тонн и Западная с запасами в 800 миллионов тонн. Какую вовлечь в отработку в первую очередь?

У каждого варианта есть свои плюсы и минусы. Такие моменты периодически возникают на горных предприятиях. И правильный выбор на долгие годы определяет будущую работу, дальнейшую судьбу предприятия.

По опыту я знал, что кроме объективных факторов на выбор большое влияние оказывали субъективные: дань моде, личные пристрастия специалистов, близость к начальству и, конечно, компетентное или не очень мнение начальников различного уровня. Так, в период увлечения строительством мощных шахт по примеру Кривбасса на Бакальских рудниках была спроектирована и построена шахта «Сидеритовая», которая работала плохо, давая низкосортную руду с большими потерями сырья. Впоследствии выяснилось, что вместо шахты гораздо экономичнее, эффективнее и проще было бы расширить и углубить уже действующий Ново-бакальский карьер.

Для Качканара выбор был принципиальным. Что выгоднее? Начать разработку Северной залежи с ее огромными рудными площадями и запасами, почти готовыми к выемке, но рудой более труднообогатимой и бедной железом и ванадием по сравнению с рудами Западной залежи, или – Западной, с лучшими рудами, но зажатой в межгорной котловине и требующей предварительного проведения больших вскрышных работ? Мнения специалистов разделились примерно поровну. Производственники, исходя из соображений быстрого и легкого увеличения добычи, были за Северный карьер, проектировщики и экономисты – за Западный. Обе стороны спорили между собой, изыскивали все новые и новые аргументы в пользу своего варианта. И как нередко случается, спор по техническим вопросам постепенно превратился в соревнование личных пристрастий, в спор амбиций, доходящий до обвинений в некомпетентности и даже взаимных оскорблений.

Руководители различных уровней тоже не оставались в стороне. Помнится, за Западный карьер выступали главный инженер проекта института «Уралгипроруда» Б.С. Шерман, начальник технического отдела Качканар-ского ГОКа В.В. Вертеев, главный геолог П.И. Самойлов. А вот заместитель начальника техотдела В.В. Власихин, начальник производственного отдела комбината А.М. Соколов и директор Е.А. Кандель – за Северный.

И в тресте «Уралруда» по этому вопросу произошел настоящий раскол: производственный отдел – за Северный, технический – за Западный. Руководство треста колебалось и долгое время не могло принять решение, которое затем должно было получить одобрение Главруды Минчермета СССР и принять законную силу.

Я находился в самой гуще борьбы, и противники пытались перетянуть меня каждый на свою сторону. В конечном счете, изучив имеющиеся материалы и аргументы противоборствующих сторон, я примкнул к лагерю «западников». Решающим аргументом было более высокое качество руды Западной залежи. Кроме того, я полагал, что более легкодоступная Северная залежь будет все равно вовлечена в ближайшем будущем, а если сейчас не начать работы на Западной, то впоследствии при напряженном плане вовлечь ее в эксплуатацию будет нелегко. Путь наименьшего сопротивления, погоня за сиюминутной выгодой не всегда самый верный путь.

А вот моя ближайшая сотрудница по техотделу главный маркшейдер треста А.Д. Кузерица не разделяла моей точки зрения и настаивала на «северном» варианте. Мы даже одно время стали испытывать взаимную неприязнь на этой почве. Помирил нас следующий забавный случай. В разгар рабочего дня, когда техотдел

в полном составе (5 человек) «работали с документами», в дверь вежливо постучали, и на пороге появился молодой человек с потертой велюровой шляпой земного цвета. «Шляпу не купите? – спросил он. – Не дорого, отдам за пятерку». Пятерка тогда «тянула» на 8 долларов, а бутылка коньяка 3 звездочки стоила 4 руб. 12 коп.

Мы пожали плечами, и продавец закрыл дверь, а через полчаса секретарша «Уралчермета», расположенного этажом выше, заглянула к нашей машинистке и сказала, что у их генерального директора украли зеленую велюровую шляпу. «Так вот же молодой человек недавно предлагал нам ее купить!» – воскликнула та. «Чего же вы его не задержали?». «Ну ведь мы не думали, что это шляпа генерального директора ...» Вскоре Кузериная пошла к начальнику нашего отдела Н.Д. Рацковскому, чей кабинет был напротив, через коридор. Начальника на месте не оказалось, дверь была не заперта, а на вешалке висел новый болоневый плащ. Тогда плащи из пропитанной капроновой ткани считались последним пискom моды (в Италии, говорят, в то время их носили лишь уборщики мусора). Она взяла плащ начальника и спрятала в наш шкаф. Через минуту на пороге возник начальник с перекосенным лицом: «Сволочи, плащ сперли!» Ответом ему был дружный смех. «Что тут смешного? У меня плащ украли, а вам смешно», – и он захлопнул дверь. Пришлось нам вдвоем идти его успокаивать.

Осенью 1967 года нужно было составить и утвердить в Москве программу горных работ на 1968 год, а решение все еще не было принято. С Качканара нам привезли протокол дирекции в пользу строительства Северного карьера. В тресте «Уралруда» было проведено несколько совещаний, был подготовлен протокол техсовета с подробным изложением всех точек зрения. Оставалось лишь вписать наименование вводимого в строй карьера. Наша делегация специалистов с представителями Качканарского ГОКа уже уехали в Москву на рассмотрение программы, а меня задержали на сутки, чтобы я привез решение треста.

Билет у меня лежал в кармане, уже нужно ехать в аэропорт, а протокол все еще не подписан. М.М. Горшколепов вызвал меня и в раздумье сидел над протоколом. «Ты за какой карьер?» – спросил он меня. «Западный», – отвечал я и объяснил почему. «Так... – сказал он. – Принимается решение о первоочередном строительстве Западного карьера». Нужно сказать, что против принятия этого решения была еще одна чисто формальная зацепка. В разработанных ранее обосновывающих проектных документах Западного карьера не было. Поэтому для обеспечения финансирования строительства пришлось схитрить: Западный карьер назвать Западным участком Северного карьера.

Когда я появился в Главке, заседание уже шло полным ходом. Прямо на пороге меня спросили: «Северный?». «Нет, Западный». Наступило гробовое молчание. Оказывается, здесь уже доложили, что принято решение в пользу Северного карьера, и когда прочитали протокол треста, главный инженер главка пришел в недоумение, но не стал отменять решение треста. Так возник второй – Западный карьер. Что касается Северного, то и он стал строиться вскоре, чуть ли не одновременно с Западным, но уже безо всяких коллизий.

Директора Качканара

Когда читаешь исторические обзоры, юбилейные издания, мемуары, все герои повествований обычно характеризуются положительно. Это естественно, но не совсем соответствует истине. Встает вопрос: за что же тогда снимали руководителей? За историю Качканарского ГОКа до начала «перестройки» там сменилось 8 директоров и главных инженеров. Всех их я знал лично, неоднократно встречался в разной обстановке. А с Н.Я. Ереминым и бывшим главным инженером ГОКа В.М. Захаровым поддерживал дружественные деловые связи и до последнего времени. Все они достойные, уважаемые люди, обладающие незаурядными качествами. Написать о каждом из них нет никакой возможности, да, наверное, и не нужно.

Вспомню лишь несколько случаев с М.Г. Толочко, с которым у меня было больше всего трений, после того, как в 1969 году был снят с работы Е.А. Кандель. Не берусь судить заслуженно, или нет. Помню лишь, что тогда Качканарскому ГОКу давали очень высокие плановые задания, в то же время горные дела были запущены. Директор стал конфликтовать с вышестоящими начальниками. А недаром говорить: спорить с начальством, что против ветра плевать. «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак» – эта формула была и остается верной на все времена.

Лично у меня о Канделе остались самые теплые впечатления. Высокий, симпатичный, богатырского сложения, он был, пожалуй, самым демократичным из всех директоров, в то же время смелым в принятии решений. Показателен эпизод с ремонтом охладителя на аглофабрике. От высокой температуры агломерата стали лопаться сварные швы конструкций. Было решено заменить сварку клепкой. Двух специалистов по клепке нашли аж в Орске и привезли на Качканар. Те поставили условие: работу выполним, но за каждую

заклепку – платите рубль. Тонкость заключалась в том, что нужно было поставить около 10 тысяч заклепок, что обошлось бы комбинату в стойстоимость двух легковых автомашин! А по существующим расценкам, как ни ухитрялся старший механик Н.Л. Спиркин, натянуть оплату по наряду более 20 копеек за одну заклепку не удавалось. Тогда директор, не взирая на возражения нормировщиков и бухгалтеров, единолично дважды подписал каждый наряд и обязал оплатить работу. Охладитель работает и по сей день.

И вот вместо Е.А. Канделя назначается М.Г. Толочко, работавший до этого начальником производственного отдела Новокриворожского ГОКа.

Приход нового директора встретил сопротивление в обкоме КПСС и на Качканаре, для которого он был «варягом». Но «давнунли» министерство и ЦК партии, уменьшили план по Качканару, и комбинат заработал ритмично; работники стали получать премии и смирились с новым директором. Поддержало нового директора и руководство треста «Уралруда». Однажды в моем присутствии в гостиничном номере Качканара Толочко стал жаловаться Горшколепову, что ему трудно: на него жалуются, жмут и давят со всех сторон. На это вышестоящий начальник ответил ему: «Держись. Я тебя защищу. Ты только не воруй!».

Причины выдвижения на столь высокий пост с достаточно скромной должности не ясны. В ту пору произошла украинизация руководства Минчермета. Достаточно было посмотреть справочник по министерству – там почти не было русских фамилий. Я еще тогда удивлялся, почему это только именно украинцы так способны управлять металлургией? Однажды на заседании техсовета мы с главным геологом главка (кстати, тоже украинцем) подсчитали национальный состав участников заседания. Оказалось, что из присутствующих 16-и человек было восемь украинцев, два немца, один цыган, четыре еврея и только один русский, да и тот под вопросом. Пишу это не для того, чтобы «посеять национальную рознь», а констатирую факт. Кстати сказать, Толочко не был националистом, после недолгой работы на Качканаре он стал его горячим патриотом.

Однажды на Качканар из Москвы приехали два высоких геологических начальника, оба выходцы из Кривого Рога. Я вместе с ними был у Толочко. Видимо, желая польстить директору, они стали высказываться в том духе, что украинцы, а в особенности криворожане, могут особенно успешно работать. Со свойственной ему грубоватой прямоотой Толочко возразил: «Это ерунда! Я одного качканарца не отдам и за 10 хохлов! Им нужно «создать условия»,

чтобы они шевельнули хоть пальцем, а здесь человек из последних сил приползет, чтобы работать, не считаясь с силами и временем!». Гости были явно обескуражены.

М.Г. Толочко был волевым руководителем и круто взялся «наводить порядок». О его деяниях порой ходили легенды, как о Ходже Насреддине.

Однажды начальник фабрики обогащения пожаловался на нехватку ремонтного персонала в ремонтных бригадах. Новый директор, которого еще плохо знали в лицо, надел потрепанный брезентовый плащ и ночью пошел на фабрику. Работа шла в обычном режиме. В огромном, наполненном железными конструкциями пространстве крутились гигантские шаровые и стержневые мельницы, насосы качали пульпу и воду, магнитные сепараторы отделяли концентрат от хвостов. Мигали лампочки на схеме цепи аппаратов в диспетчерской, где собрались дежурные слесари и мастера смены и играли в домино. М.Г. Толочко попросил пустить его поиграть «на высадку». После нескольких «пулек», в 3 часа ночи он позвонил, поднял с постели начальника фабрики и попросил прийти и заменить его, т.к. у него устала рука «забивать козла». После этого он еще снял численность обслуживающего персонала по фабрике.

В 1973 году праздновалось 10 лет пуска Качканарского ГОКа. После официальной части был организован банкет на базе пионерлагеря в лесу за Северной залежью. Первый тост провозгласил директор М.Г. Толочко. Он попросил каждому из участников банкета налить по граненому стакану водки сказал, что первый нужно выпить до дна и сам подал пример. Я тоже был на том банкете. Вторично наполнили те же стаканы. Директор объявил: «Как говорит моя жена – учительница, повторенье – мать ученья!». И в третий раз он сказал: «Бог троицу любит!». Предупредив при этом, что АХО поручено проследить, чтобы каждый выпил до дна. А кто схалтурит, тот пусть не обижается, если у него не будет премии по итогам работы за месяц. Что это была не пустая угроза, можно было судить хотя бы по тому, что АХО каждое утро разливало свежую крепкую заварку в графины по отделам управления комбината, т.к. Михаил Григорьевич где-то вычитал, что крепкий чай выводит радионуклиды.

Самое интересное было то, что на банкете сам директор пил стаканами чистую воду. Он был гипертоником. Зато после третьего стакана в зале поднялось невообразимое веселье, а некоторые, особенно послушные и наименее закаленные, попросту отключились.

А в одно из празднований годовщины революции Толочко приказал начальникам цехов создать сводный духовой оркестр Качка-

нарского ГОКа. Каждый цех должен был выставить по две трубы. А кто не выставит, будет дудеть сам. Из-за плохой организации и сжатых сроков репетиций сводный духовой оркестр так заревел на улице, что безобразие было прекращено личным вмешательством председателя горисполкома.

В заключение этого раздела интересно отметить, что за 33 года с момента пуска Качканарского ГОКа сменилось 5 директоров, причем трое из них проработали ровно по 7 лет: Е.А. Кандель (1962-1969 гг.), М.Г. Толочко (1969-1976 гг.), В.В. Власихин (1976-83 гг.), а дольше всех на посту директора находился Н.Я.Еремин (1983-1995 гг.).

Когда же на смену плановой социалистической экономике пришли «перестройка» с «ускорением», еще 6 директоров сменилось за уже 7 лет. Ускорение очевидное.

Геологическая служба. П.И. Самойлов

В 1960 году второй по счету директор ГОКа Н.С. Ефремовцев пригласил на работу П.И.Самойлова, работавшего ранее в Тагильской экспедиции старшим геологом.

Без преувеличения можно сказать, что именно Самойлов сформировал, организовал и, можно сказать, воспитал геологическую службу Качканарско-го ГОКа. Очень грамотный специалист, геолог с широким кругозором, глубокими научными знаниями, пытливым умом исследователя и, вместе с тем, высокой оперативностью в работе, он отличался тяжелым характером. Геологи и специалисты других служб нередко жаловались мне на его излишнюю требовательность, резкость, придиристичность, обидчивость и капризность. Будучи сам настоящим трудоголиком, он требовал того же от своих подчиненных, в большинстве женщин, обремененных семейными обязанностями, что, конечно, им не могло нравиться. О его отношениях с подчиненными красноречиво говорил плакат, висевший в его кабинете: «Кто хочет работать – ищет средства, кто не хочет – ищет повод!» В этом как бы заключались недоверие и упрек к своим ближайшим сотрудникам.

Неоднократно мне приходилось одергивать Самойлова, мирить его с заместителями и рядовыми геологами. Более того, главный геолог комбината ухитрился перессориться со многими специалистами проектных, научных институтов и геологоразведочных организаций. Я как старший геолог Качканарской ГРП также получил от него немало претензий и нареканий как обоснованных, так и необоснованных. Поэтому, когда меня назначили главным гео-

логом треста «Уралруда», то есть непосредственным начальником П.И. Самойлова по геологической линии, многие геологи Качкана-ра обрадовались и считали, что я сведу с ним счеты и немедленно избавлюсь от него.

Но Самойлова ценили как специалиста, обеспечивавшего бесперебойную работу комбината. Он бессменно работал на своей должности при пяти директорах. Вместе с В.В. Стахановым и Е.Д. Усковым он разработал и внедрил классификацию руд по обогатимости, проводил доразведку флангов месторождения и тематические работы, без отрыва от производства успешно защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. О том, что претензий к нему, как к работнику, не было, говорили мне все директора. Лишь однажды М.Г. Толочко пришел с требованием уволить Самойлова из-за того, что он... заикается, и его доклады очень трудно и неприятно слушать на оперативках. В то же время директор подтвердил, что специалист он хороший и по производству к нему претензий нет. Мы посчитали претензию директора недостаточной для снятия с должности Самойлова, и тот остался главным геологом. А докладывать на оперативках Толочко поручил его заместителю А.Д. Кононову.

Следует отметить, что геологическая служба на горных предприятиях всегда находилась в подчиненном, униженном положении. В системе сложившихся производственных отношений более важен и уважаем тот, кто дает конечную продукцию, выручку, прибыль. Так, металлурги, получая львиную долю прибыли, всегда обижали горняков, «отстегивая» (как сейчас принято говорить) им столько средств, чтобы только кое-как поддерживать горное производство. «Была бы печка, а руду накопают» – говорил один из заместителей Министра черной металлургии. В действительности все обстоит как раз наоборот: была бы руда, а печку можно построить! Горняки, в свою очередь, ущемляли рудничных геологов, считая эту службу второстепенной, вспомогательной. Геологам всегда занижали численность работающего персонала, устанавливали минимальные оклады, в последнюю очередь выделяли жилье. Зато, когда не выполнялся план, претензии, как правило, в первую очередь адресовались геологам: дескать, не подтвердилась руда, оказалось ниже планового качество и т.д. Свои организационные и технические просчеты и грехи удобнее всего списывать на природу, на недостаточную изученность месторождения. Последнее, конечно, тоже бывало, но не в таких масштабах. Характерно, что геологи никогда не пробивались в руководители горных предпри-

ятий: директорами были горняки, маркшейдеры, обогатители, механики, но не геологи.

У геологов предприятий и у меня как главного геолога вышестоящей организации уходило много времени, сил, нервов на то, чтобы доказывать свою правоту, защищать подчиненных от необоснованных обвинений и нападок. В частности, анализ выполнения недельно-суточных планов по добыче руды на Качканарском ГОКе почти всегда показывал, что причинами отклонений было не неожиданное исчезновение руды, а технологические и технические факторы (отставание вскрышных работ, несогласованное изменение направлений работ по добыче и т.п.). Производственники же пытались доказать обратное. «Карьер – не аптека, геолог – не бог», – была любимая поговорка у горняков.

Подчиненное положение геологов было узаконено свыше. Существовали инструкции по «геологическому обслуживанию» горных предприятий. С таким положением было не согласно подавляющее большинство рудничных геологов. «Мы не проститутки, чтобы кого-то обслуживать», – возмущался зам. начальника Геологического управления Минчермета СССР М.Л. Скобников. Возглавив руководство геологической службой предприятий треста «Уралруда», я исключил термин «обслуживание» из инструкций, заменив его «Положениями о геологической службе» предприятий.

К чести П.И. Самойлова нужно сказать, что он всегда энергично и аргументированно защищал интересы геологической службы комбината.

Механик и маркшейдер

В приемной директора привычно толпился народ. Молодая красивая секретарша (кажется, ее звали Люда Воробьева) не разрешала никому даже близко подойти к двери директора комбината. Вдруг какой-то работник комбината торопливо вбежал в дверь и спросил: «Что там у директора?». «Там Литвиненко и Бут» – ответила секретарша. «За что его, беднягу?!». Присутствующие захотали, а девушка покраснела и сказала: «Вы меня не правильно поняли. Там механик Литвиненко и маркшейдер по фамилии Бут. Разве могла бы я сказать то, о чем вы подумали!».

Случай анекдотичный. Но в лексике производственников нередко употребляются неприличные выражения. Матерщина нередко считалась признаком «демократизма», и «волевые» руководители

пользовались ей без стеснения. Причем, она культивировалась и насаждалась «сверху», из Министерства, Главка, и даже ЦК партии. Некоторые начальники «упражнялись» на подчиненных, изоощряясь в матюках, соревновались, кто лучше «залезет под кожу», «проберет до печёнок» и заставит «харкать кровью». Особенно ценился тот руководитель, от которого люди выходили шатаясь и держась за сердце, шли как слепые, не разбирая дороги. А если кого-то выносили с инфарктом, то такому начальнику вообще не было цены. Бумага не стерпит то, что я слышал на одном совещании, когда главный инженер главка распекал подчиненного, который что-то недостаточно бойко отрапортовал. Самыми мягкими выражениями были: «Козел ты долбанный, скотина скребущая, да я тебя сейчас выброшу в окно! (Присутствующие на совещании с опаской поглядывали на огромное окно высотного здания, находящееся на 8-м этаже). Да я тебя сейчас так сделаю – уродом отсюда выйдешь!». Распоясавшийся высокопоставленный хулиган полагал, что, «напущая холоду», он способствовал улучшению организации производства, укреплению трудовой дисциплины, явно любуясь собой и упиваясь своей властью.

На самом деле такой стиль руководства воспитывал лишь неприязнь, склоки, пассивность, угодничество и подхалимство. Получивший взбучку начальник приезжал к себе на место и раздавал полученные «плюхи» подчиненным, а те «разряжались» уже на рядовых сотрудниках. Взаимные претензии, склоки и хамство именовались «требовательностью к себе и подчиненным». Причем, занимались этим не только руководители «от сохи», но и «рафинированные интеллигенты», ныне вдруг обнаруживающие свое дворянское происхождение. Были, правда, и самокритичные высказывания: один уважаемый заместитель министра, сам большой крикун и матерщинник, выговаривал слишком ретивым подчиненным: «Если бы вопросы решались криком, то нами бы правили ослы».

А вот деликатные руководители выглядели «белыми воронами», считались слабыми, хотя дело у них шло отнюдь не хуже, чем у заядлых матерщинников, раздававших зуботычины.

Уже почти привыкший к крутым нравам, однажды я был приятно удивлен поведением начальника Уралгеолуправления, который звонил своему подчиненному начальнику экспедиции и говорил: «Ты Владимир Федорович, не обидишься, если я тебя на этот раз лишу премии за месяц? План ты ведь не выполнил». «О чем речь, – отвечал провинившийся, – не заслужил, так обижаться мне надо только на себя ... Постараюсь исправить положение...»

Платина Качканара

Платиноносность района горы Качканар известна издавна. Россыпи рек Иса, Выи, Туры разрабатывались еще до революции и были очень богатыми. В поселке Валериановске у подножья Гусевых гор – восточных отрогах Качканарского массива, изверженных горных пород в россыпи реки Выи были найдены два самых крупных самородка платины в истории весом около 5 кг каждый! Поэтому с пуском комбината ожидалась возможность попутного извлечения этого драгоценного металла. При переработке огромных масс руды даже при низких содержаниях платиноидов, составляющих десятые доли грамма на тонну, выход платины был бы достаточно ощутимым.

Однако все оказалось намного сложнее. Дело в том, что, как установили ученые геологи при специальном углубленном изучении, платиноиды (в основном палладий) присутствуют в руде в тонкодисперсном виде, связаны с сульфидами и не извлекаются существующими методами обогащения. Установленные на обогательном тракте ловушки для крупного металла дали его в ничтожном количестве. В недрах распределение платиноидов крайне неравномерное и практически не изучено. Предполагается, что они образуют редкие крутопадающие обогащенные зоны, связанные с подъемом сульфидных растворов. Проведенными технико-экономическими расчетами было установлено, что себестоимость платины, которую можно извлечь из руд Качканара, на порядок (в десять раз!) превышает цену этих металлов на лондонской бирже.

Но интерес к платине Качканара сохраняется до сих пор. У меня где-то были несколько крупинки платины, которую я сам нашел в окрестностях пос. Валериановска в Хищнической ложке. Об этом ложке, разрабатываемом в царские времена, рассказывают легенды. Говорят, платиноносность его была столь высокой, что старатели, сбиваясь в группы, ночью нападали на охрану, нагребали по мешку песков, промывали – и это было выгодно, несмотря на смертельную опасность такого промысла. Ныне россыпи этого ложка перебиты десятки раз. И естественно, когда я туда пришел однажды летом со старательским ковшом, то ничего не намыл. Однако я не бросил своей затеи. Пошел вверх по ложку, где воды не было, и в днище его сухого русла стал отламывать куски коренных пород. В щелях и трещинах их были примазки бурой глины. Когда я растер глину пальцами и промыл, то нашел искомое, несколько угловатых зернышек платины! Любопытство мое было удовлетворено, платиноносность окрестных россыпей подтверждалась.

А вот промышленной платины из коренных руд при добыче их Качканарским ГОКом я не видел. Правда, однажды приехал с Качканара один человек с рацпредложением по извлечению платины. Он попал на прием к управляющему трестом М.М. Горшколепову. Тот немедленно вызвал меня и спросил, что я знаю о платине Качканара. Я рассказал. Управляющий показал мне на рационализатора и сказал: «А вот он привез целый мешочек платины, намытый им из шлама обогатительной фабрики!». Человек достал мешочек весом около килограмма и высыпал его содержимое на стекло. Взору предстала кучка серых крупинок с остроугольными краями, с раковистым изломом, не похожих на платину. Но рационализатор уверял, что это настоящая платина, так как она очень тяжелая. Я предположил, что это – сколы сплава вольфрама и кобальта (победита), которыми армируются шарошки долот на буровых эксплуатационных работах в карьерах. «Нет, ты докажи!» – потребовал от меня Горшколепов. На что я сказал, что нужно сделать химический анализ материала. «А, впрочем...» – я пошел и принес мощный магнит, который приблизил к порошку на стекле. Почти весь материал подпрыгнул и прилип к магниту, а на стекле осталось несколько серебристых мелких зернышек. «А вот это и есть платина!» – воскликнул я. Человек забрал свой мешочек и больше не появлялся. А проблема качканарской платины – проблема будущего. Не исключено, что она будет добываться и из накопленных в огромных количествах отходах обогащения.

Качканар – гора суровая

О красотах горы Качканар и ее окрестностей можно много говорить и писать. Хотя лучше всего один раз увидеть, чем сто раз услышать, но не каждому такое доведется. Мне посчастливилось бывать на его склонах и вершинах неоднократно.

Горный массив Качканара с абсолютной отметкой вершины +881,5 м расположен на севере Среднего Урала вблизи географической границы континентов Европа-Азия. Его северные и восточные отроги представляют собой гряду менее высоких гор (горы Еловая, Еловая Грива, Малая и Большая Гусевы, Веселая), образующих кольцевую структуру. Скальные выходы этих гор, сложенные рудными и безрудными пироксенитами и габбро, имеют причудливые формы и окружены россыпями каменных валунов, некоторые имеют размеры с добрую деревенскую избу. От подножий и до самых вершин горы заросли густым таежным лесом: сосной, пихтой, елью, лиственницей с примесью березы, осины, рябины, липы.

Не знаю, как сейчас, но в 60-70-е годы на вершине Качканара нередко встречался кедр с шишками, полными вкусных орехов. Мы залезали на кедры и срывали шишки руками.

Несмотря на относительно небольшие высоты, вершины гор были труднодоступными из-за отсутствия дорог и тропинок, бурелома, каменных развалов с окнами хрустально чистой родниковой воды. Малочисленное население района не распугивало и не уничтожало дичь, которая в изобилии водилась в окрестностях (вплоть до медведей).

Как-то известный геолог института геологии и геохимии АН СССР В.Г.Фоминых, приехавший на месяц в командировку, желая подделаться под простолюдина, обратился к жителю посёлка Валериановска с просьбой снять ему какую-нибудь «берлогу». Дело было зимой, и тот местный житель, охотник, согласился «продать» берлогу за 100 рублей. «Я тебе покажу, а там ты

уж сам стреляй ...» – сказал он. «В кого стрелять?» – удивился Фоминых. «В каво, в каво – в хозяина, конечно», – удивился в свою очередь «продавец» берлоги. «А зачем?»... Диалог двух непонятливых продолжался, пока не выяснилось, что охотник предлагал геологу настоящую медвежью берлогу на горе Луковой, а не квартиру на постой в посёлке Валериановске.

Для качканарского горно-таежного ландшафта характерна высокая влажность. Вершины и склоны гор часто закрыты тучами, по лесистым логам ползут туманы, многочисленные ручьи стекают по заболоченным склонам, давая начало речкам Гусевым, Ису и Вые.

В один прекрасный летний день начала августа ко мне обратились преподаватели нижнетуринской школы с просьбой сводить учеников 5-6 классов в геологический поход на вершину Качканара. На что я легкомысленно согласился.

Рано утром, выехав из Нижней Туры, ребята к 10 часам были уже в посёлке Качканаре, где я их поджидал, и мы сразу выступили в поход. Школьников, мальчиков и девочек примерно пополам, было около 30 человек. Сопровождала их молоденькая учительница географии. Одеты они были легко, не по-туристски, в легких туфлях, сандалетах, курточках и рубашках с короткими рукавами, чуть ли не в маечках. Я был экипирован немногим лучше – в своем обычном костюме и обуви, с геологическим молотком в руках. У каждого было немного продуктов, термосы с чаем, коробок спичек и соль на всю группу. Я с сомнением смотрел на «альпинистов» и хотел было отказаться от похода. Но день был солнечный, ясный и теплый. Ничто не предвещало сложностей. К тому же учительница и дети стали подозревать меня в трусости, и я опять легкомысленно согласился.

Маршрут я наметил таким образом: поднимаемся с юго-востока на вершину горы Качканар, там делаем привал, отдыхаем, подкрепляемся, затем спускаемся по северо-западному склону горы в долину реки Ис к поселку Косья, где ночуем в помещении школы. На следующее утро нас забирает автобус из Нижней Туры. Длина маршрута – около 20 км, время в пути – 5-6 часов. Идем без дорог, напрямую, ориентируясь по компасу и солнцу. По пути рассматриваем обнажения горных пород, я рассказываю о геологии и минералах, собираем образцы руды.

Я провел краткий инструктаж по мерам безопасности в геологическом походе, переписал всех участников в тетрадь, и мы выступили. Шли сначала бодро и весело, ребята забегали вперед, возвращались, смеялись, в общем, резвились, как могли, несмотря на мои просьбы не спешить, беречь силы. Слушали меня по-разному. Некоторые внимательно, раскрыв от удивления рты, другие рассеянно, третьи вообще стояли в стороне. После двухчасового подъема по склону напролом сквозь глухую чащобу с перелезанием через валежины, россыпи камней, покрытых мокрым скользким мхом, энтузиазм заметно упал. Я собрал группу и спросил, что будем делать. Может быть, вернемся назад, так как было уже ясно, что мы не готовы для такого похода. Но общее мнение было – идти вперед.

Еще через час ходу скрылось солнце, и подул холодный ветер, стал накрапывать дождь, и хотя до вершины было еще далеко, решили продолжить поход: не хотелось 3 часа возвращаться обратно, не достигнув цели. Поднимаемся все выше, дождь все усиливается, не моросит, а уже льет холодными струями, промочив всех до нитки. Ноги разъезжаются и тонут в раскисшей почве, скользят на валунах и корягах. Все усиливается ветер, и вдруг – завыл, заревел, закружился вокруг, откуда-то сверху густо посыпал снег! Влажный, липкий, он слепил нас, падал на наши полуголые тела. Среди лета мы вдруг попали в настоящую снежную метель. Все замерзло и устало. Некоторые девочки плакали. Но самое страшное было впереди: под напором ветра вокруг нас стали падать деревья. То там, то тут с треском валились пихты и ели, у которых корни не идут вертикально вниз, как у сосен, а распластываются по почве. Шквальный порыв – и дерево валится, ломая сучья и ветви и вздымая к небу корни.

Я приказал всем сгруппироваться около меня и выбирал наиболее безопасный путь – подальше от одиноких деревьев на полянах, стремясь идти по ложкам, покрытым мелким кустарником и мелкоколесьем, хоть немного задерживающими ветер. Останавливать, делать привал, попытаться укрыться и переждать непогоду

было бессмысленно. Оставалось одно – идти вперед сквозь буран по компасу. Но и компас на горе Качканар мог обмануть, стрелка крутилась, как бешеная, показывая север во всех мыслимых направлениях, притягиваемая выходами магнитных скал.

Магнитные свойства руд хранят в себе еще много загадок. Интересен, например, такой факт: выходы железных руд магнетитов на горах Высокой и Магнитной были сильно магнитными (такими сильными, что, по преданиям, «вытягивали гвозди из обуви пастиухов»). Столь же сильно магнитными являются и выходы титаномагнетитовых руд на вершинах Качканара и рудные валуны в долинах водотоков. А вот куски массивной руды, добытые из глубоких горизонтов карьеров – слабомагнитны. Чем это объяснить? Намагничиванием полем Земли при перемещении валунов по склону, а может быть мощными импульсами магнитного поля при ударах молний на вершинах гор? Неизвестно. Специалисты-геофизики, которым я задавал этот вопрос, лишь пожимали плечами.

Из-за ненадежных показаний компаса, ориентируемся по рельефу, идем прямо вверх, навстречу бегущему водотоку глубиной уже по колено, а вершины все нет и нет. Я знал, что на вершине есть тропа, идущая на западный склон Качканара. Но как ее найти среди снежной круговерти в сумерках, среди хаотического нагромождения скал? Тогда я решил: не поднимаясь на самую вершину, обойти ее с юго-запада по горизонтали и затем спуститься вниз.

Еще час ходу. Все понимали нависшую опасность, настоящую, реальную опасность для жизни. Подтянулись, перестали хныкать и плакать и мужественно продолжали идти. Я боялся только одного: чтобы никого не зашибло деревом, чтобы никто не сломал или не вывихнул ногу. Шли след в след, медленно, осторожно, молча и сосредоточенно смотря под ноги. Каждый контролирует соседа. Поддерживали, успокаивали и подбадривали уставших. Время от времени останавливались и проверяли все ли здесь.

Приближался вечер, начало смеркаться, снежный буран сменился дождем. Наконец, вот он – западный склон горы, хаотически заваленный скалами. Мы идем уже не вверх, а вниз зигзагами, по густо заросшему лугу, по мчащемуся обгоняющему нас бурному мутному водотоку. И уже в сумерках замечаем впереди огоньки поселка Косьи. Спускаемся вниз, и только здесь вдруг прекращается дождь и ветер. За горой тишина и относительно тепло. Разыскали школу, пустующую во время летних каникул, выжимаем одежду, пьем чай и холодные, продрогшие засыпаем прямо на полу мертвецким сном до утра. Мы шли около 11 часов вместо 6, в труднейших условиях. Чудо, что все пришли живыми и без травм!

Утром за нами приехал автобус. Я спрашивал потом у преподавателя. Оказывается, после этого похода никто даже не простудился! Видимо, защитил ребят от болезни сильнейший стресс. Но я зарекся водить кого-либо в геолпоходы. Во всяком случае, вряд ли я пробудил к ним любовь у моих школьников.

Качканарские юбилеи

К юбилеям можно относиться по-разному. Кто-то их любит, кто-то отвергает напрочь. Я отношусь к ним положительно. Если это юбилей человека, то не так уж много в жизни поводов для торжества: свадьба, 50 лет, 60 лет и – всё... 70 – уже не у всех, а 80 празднуют немногие и без официальных церемоний.

Юбилей предприятия – это еще более важное мероприятие, время оглянуться на пройденный путь, поговорить о будущем, принять поздравления и вручить награды достойным... К юбилеям обычно приурочивают научно-практические конференции, художественная часть – концерты, затем неофициальная часть – застолье с хоровым пением участников, танцами.

Я как один из «старых качканарцев» с удовольствием бывал на некоторых из них. Приятно встретиться с бывшими сотрудниками-коллегами, вспомнить былое, поговорить, посмотреть, какие изменения произошли на производстве и в жизни, ну и, конечно, выпить и закусить, чем бог послал.

Я уже не работал в «Уралруде», когда на одном из юбилеев Качканара был со своим новым начальником. После официальной и торжественной части мы пошли на банкет. Богатый стол: разнообразная выпивка, вкусные закуски... Вдруг после 4-го и 5-го тоста мой шеф говорит мне: «Видишь, вон стоит бутылка хорошего коньяку. Возьми ее и поставь в карман моего пальто. Мне самому неудобно...». «Интересно, – говорю, – Вы думаете, что мне более удобно? Не лучше ли Вам самому попросить ее у директора, если уж так хочется?» На его просьбу генеральный директор М.А. Батуев взял нас под руки и повел в отдельный кабинет, где тоже был накрыт стол и сидели незнакомые нам важные люди с молодыми красивыми дамами. Любезно поговорив с ними и выпив по паре рюмок, мы вскоре выехали на своей служебной машине в Екатеринбург. Заветная бутылка была у шефа в кармане.

Особенно интересно и приятно встретиться с людьми, с которыми работал и был дружен и которых давно не видел. Однажды я, поехав на Качканар через станцию НТГРЭС, шел по улице с главным

гидрогеологом треста и инженером по новой технике. Закончился рабочий день, и из конторы Качка-нарской партии вышли работники и пошли домой. Увидев меня, они выстроились в ряд вдоль улицы, приветствуя. Я подошел с сопровождающими и каждому тепло пожал руку. Прохожие остановились и смотрели, они думали, что приехала какая-то делегация или высокое начальство. Мне было забавно и радостно от встречи. Вообще слово «Качканар» звучит для меня как пароль, как самая сладкая музыка в моей душе!..

Так вот, о юбилеях. Каждый из них – веха в истории предприятия, достоин быть отмечен отдельной памятной книгой, альбомом, выставками, фотографиями и т.п.

Последний раз я участвовал в юбилее, посвященном добыче миллиардной тонны руды. Подумать страшно – миллиард! Когда я гляжу на огромные чаши существующих карьеров, наглядно вижу вынутые сотни миллионов тонн горной массы – прихожу в восхищение и ужас от могущества человека, его разума, мощи современной техники. Когда иду по обогатительной фабрике, где бешено вращаются десятки мельниц, дробя в пыль руду и не видно ни одного человека, чувство нереального, фантастического охватывает меня. Будто я перенесся в какой-то инопланетный мир, бездушный безлюдный мир огромных автоматов такого масштаба, какого я не видел ни на одном из других горных предприятий.

Как сделать, чтобы этот технотронный мир служил человеку, а не подчинил его себе? Не отнял у человека его самое ценное, его сущность – добро, любовь, душу? Может для этого и нужны праздники, юбилеи?

Качканар и наше будущее

Не могу не рассказать о роли Качканара в моей научной работе. Занимаясь организацией геологоразведочных работ в системе треста «Уралруда», я руководил научными и тематическими исследованиями в области геологии и разведки эксплуатируемых месторождений. Накопился большой и интересный материал, требующий изучения и обобщения. За текучкой повседневных дел, чтобы не остановиться и не деградировать как специалист, каждый должен заботиться о повышении своей квалификации. Но трудно организовать самому, выкраивать время, отрывать его от отдыха и других повседневных дел. Поэтому появление у меня профессора А.Е. Малахова я посчитал за перст судьбы. Анисим Ефремович, бывший моим преподавателем в Свердловском горном

институте, а в последние годы работавший в Свердловском институте народного хозяйства, однажды пришел ко мне на работу и сказал: «Не стыдно, имея такие богатые фактические материалы, не заниматься их научным анализом?» И я занялся подготовкой диссертации на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук по проблеме состояния и развития железорудной базы Урала.

В состав треста «Уралруда» входили все железорудные предприятия Уральского региона, кроме рудников Тагило-Кушвинского района, ранее входивших в состав Нижнетагильского металлургического комбината. А самым крупным железорудным предприятием был (и остается сегодня) Качканарский ГОК. Разрабатываемые им титаномagnetитовые руды составляют более 80% от суммарного количества разведанных уральских запасов и прогнозных ресурсов железных руд. Несмотря на крайне низкое содержание полезных компонентов, железа, ванадия, титана, металлов платиновой группы, огромные запасы, легкая обогатимость руд в условиях применения мощной техники делают их добычу и переработку экономически выгодной. Подтвердить это и дать рекомендации по дальнейшему изучению титаномagnetитовых руд качканарского типа, проявления которых известны и в других районах Среднего и Южного Урала, входило в задачу моих исследований. Изучая эти вопросы, я пришел к выводу, что основой железорудной базы Урала в обозримом будущем являются именно руды качканарского типа. Перспективы прироста запасов богатых скарново-magnetитовых руд и бурых железняков на Урале, хотя и не исчерпаны, но ограничены, и эти руды будут играть вспомогательную роль.

О важном значении уральских титаномagnetитов некоторые геологи говорили еще в 40-50-е годы XX века (И.И. Малышев, Г.А. Браун). Я решил подкрепить свои идеи экономическими расчетами, основывающимися на анализе проектных и фактических показателей работы горнодобывающих предприятий.

Поскольку работа была геолого-экономического характера, а в Свердловске не было подходящего Ученого Совета для ее апробации, мне посоветовали обратиться в головной Институт ВИЭМС, находящийся в Москве. Скажем прямо, мою работу там встретили без энтузиазма. Во-первых, естественная реакция на «чужого», в то время, когда еще много «своих» стоит в очереди и хочет «остепениться». Но главное – выводы моей работы шли вразрез с официальным мнением Министерства геологии, где многие годы существовала ориентация на поиски и разведку традиционных для Урала богатых железных руд типа горы Магнитной и горы Высо-

кой. Для них выделялись средства, а приросты бедных железом титаномагнетитов не хотели рассматриваться всерьез.

«Хитрые уральцы предлагают нам вместо рюмки водки ведро воды», - образно высказался однажды начальник планово-экономического управления Министерства В.А. Перваго. Ему пытались возразить, что это не «вода», а «сухое вино», которое вскоре мы вынуждены будем потреблять вместо «вод-

Прежде, чем принять работу к рассмотрению на Ученом Совете ВИЭМСа по защите диссертаций, ее направили в специально созданную комиссию, состоящую из 3-х экспертов. После нескольких месяцев «напряженной работы» экспертов я встретился с каждым из них (они сидели в разных местах). Каждый эксперт в отдельности говорил мне, что он работу одобряет, а вот двое других – против! И при этом характеризовал своих коллег не с лучшей стороны. Вместе свести их не удавалось; время шло, и дело не двигалось. Через полгода я вынужден был обратиться к руководству института с вопросом, когда будет рассмотрение. Директор института Е.А. Козловский, который в будущем стал Министром геологии СССР, «цыкнул» на комиссию, и работу включили в план заседаний Ученого Совета. Предварительная защита прошла благополучно, были назначены официальные оппоненты и ведущее предприятие – институт «Уралгипроруда» – разослал автореферат; стали поступать отзывы.

И вот, наконец, «судный день» защиты. С утра у меня еще были дела в Минчермете, затем я пошел в ресторан «Россия» и заказал там банкет на 20 человек, оплатил аванс, причем по достаточно скромным масштабам. Договорился, что, если я «провалюсь», то банкет отменяется, и я оплачиваю лишь неустойку в размере 10% от стоимости заказа, и помчался на защиту.

Защита диссертации – дело очень ответственное, волнующее, даже страшное. Особенно там, где тебя никто не знает, где к тебе относятся скептически, с недоверием.

Зал заседания полон. Слышу разговор в кулуарах: кто сейчас защищается? Какой-то геолог с Урала. А, это там, где деньги гребут лопатой... Интересно, откуда взялось у москвичей такое мнение об Урале? Уровень нашей оплаты был выше, чем в Москве всего лишь на 15%, согласно поясному коэффициенту. Вероятно, о наших доходах они судили по романам Мамина-Сибиряка. Слышал я также и о том, что у нас такая глушь и дикость, что всё еще ходят в лаптях, а на улицах Свердловска можно запросто встретить медведя. О Качканаре вообще никто не слыхивал. Все это бодрости мне не добавляло.

Но защита прошла на удивление успешно. Я даже получил в свой адрес похвалы и комплименты. Затронутая мной проблема показала многим новой и интересной, а уровень ее решения достаточным для положительной оценки такой квалификационной работы как кандидатская диссертация. Присутствующие с интересом выслушали информацию о титаномagnetитовых рудах Урала и Качканарском ГОКе. Официально высказался против лишь один известный экономист, доктор наук. Он же голосовал «против».

Из 20 членов Ученого Совета «за» были 18 и только 2 бросили мне «черные шары». Вторым, как мне угодливо сказали сразу же после подсчета бюллетеней, был Ученый секретарь Совета. Кто-то ко мне подошел и спросил: «Хотите знать, кто голосовал «против» (это при тайном-то голосовании!)». Я ответил: «А зачем мне это знать?» На что мне сказали: «А вдруг Вы будете нашим начальником?». Дальновидные люди! Но я их успокоил, что в Москву переезжать не собираюсь. Но любопытствовал: «Почему был «против» секретарь Совета?». «А Вы, когда вошли в зал, то с ним не поздоровались отдельно». Я рассмеялся: я не знаю лично Ученого секретаря Совета, видел его первый (и последний) раз в жизни. А на всякий случай здороваться персонально с каждым из 60 незнакомых мне людей в зале заседаний было бы нелепо.

Неофициальная часть в ресторане «Россия» также прошла нормально. Меня тепло поздравили коллеги-геологи Минчермета, Мингео и официальные и неофициальные оппоненты и друзья.

Но, оказывается, приключения мои с диссертацией на этом еще не закончились. Прежде чем присвоить соискателю ученое звание, решение Совета должно быть утверждено Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР (ВАК), куда и направляются материалы защиты. Обычно эта процедура занимает 2-3 месяца. В моем случае прошло полгода, а о присвоении мне ученой степени – ни слуху ни духу.

Навожу справки через целую цепочку знакомых и узнаю, что мою работу в порядке контроля направили на отзыв «черному оппоненту». То ли захотели еще раз проверить ее научный уровень, то ли кто-то из «доброжелателей» постарался. В ту пору «черному оппоненту», специалисту, чье имя остается известным только ВАКу и тщательно скрывается от соискателей и руководителей Ученых Советов, чтобы не было давления, направлялись работы, авторство которых подвергалось сомнению. Чаще всего это были работы на соискание ученых степеней руководящих работников, подготовленные целыми научными коллективами, и представленные к защите руководителем от своего имени.

И опять побежали недели, месяцы... В одну из служебных командировок в Москву я решил явиться в ВАК, чтобы узнать о моей работе. Ведь в общей сложности прошло уже почти полтора года после защиты! С трудом прорвавшись в ВАК (а обычно надо было записываться за неделю), я очутился в длинном мрачном прокуренном коридоре, где стояла длиннющая очередь неудачников, подобных мне. Ни стула, ни кресла. Люди часами подпирали стены, переминались с ноги на ногу. Видимо, чтобы «жизнь не казалась медом». Настроение у всех подавленное, мрачное. По одному заходили в кабинет, а затем выходили, кто с просветленными лицами, но чаще с печальными, а женщины даже со слезами на глазах. В кабинете посетителей принимал работник ВАКа, выяснял нужду, и несколько девушек, сидевших тут же при нем, наводили справки и выдавали ответ.

Вышедшему передо мной пожилому человеку сказали: «У Вас умер «черный оппонент». «Что же теперь делать?» – растерялся посетитель. «Не знаю, наверное, будем подбирать нового...» «А у Вас что?» – обратился он ко мне. Тут выяснилось, что моя работа находится в Первом отделе, куда я немедленно и отправился.

Я шел по лабиринту коридоров, заставленных шкафами, полными диссертаций на соискание любых степеней всевозможных наук – от технических до философских. Как работало это контрольно-аттестационное учреждение, можно было удивляться. В одном из отделов дверь была открыта. Проходя мимо, я заметил, как лысый старичок в черных конторских нарукавниках схватил толстенный том и, швырнув его куда-то в угол, торжествующе пропел: «Завернуть! Завернуть!». «Вот гад, – подумал я, – где-то человек, десятилетия трудившийся над диссертацией, ждет, надеется, а такой вот старикашка, злорадствуя, швыряет его труд в угол! Может, и мою работу постигла такая же участь?».

Наконец, открыв тяжелую бронированную дверь, вхожу в Первый отдел.

Я всегда с некоторым страхом ходил по мрачным московским коридорам министерств и ведомств с высокими потолками, темными стенами, душным и прокуренным, казалось, насквозь пропитанным духом чиновного чванства и хамства к посетителям, просителям, нижестоящим и подбострастия и подхалимства к вышестоящему, к начальнику. Этот бюрократический дух казенного присутственного места, выращенный и воспитанный столетиями разного ранга чиновниками в борьбе за работу, положение, деньги, неистребим. Любой свежий человек, попадающий в эту обстановку, немедленно насквозь пропитывается им. Помню, как

я однажды навестил своего бывшего сослуживца, приехавшего работать в Москву на высокую должность, соответствующую рангу заместителя союзного Министра. Мы сидели у него в большом кабинете и беседовали на разные житейские темы, когда на пороге возник солидный седовласый мужчина с папкой «К докладу». Он, с почтением склонив голову, молча стоял не двигаясь. Прошло пять, затем десять минут... Мы разговаривали. Вошедший, не шелохнувшись, прижимал папку к груди и, подобострастно глядя на начальника, слушал наши разговоры. Мне стало неловко и я сказал хозяину кабинета: «Может быть, отпустить товарища, или попросить зайти попозже?». На что начальник мне ответил: «Ничего, этой мой помощник, пусть постоит, здесь так принято».

Оказывается, с диссертацией мне еще повезло. Из той же очереди страждущих некоторые получали ответ: «Где Ваша работа, мы не знаем. Будем выяснять. Заходите через месяц». Поэтому, «бородатый» анекдот о том, как один соискатель докторской степени разыскивал свою работу, видимо, был взят из жизни. А дело было так. После успешной защиты претендент на ученую степень доктора наук ждал утверждения ВАКа. В течение 2-х лет он каждый день с трепетом заглядывал в свой почтовый ящик, не пришла ли открытка с извещением об утверждении. Но, увы, желанной открытки не было. Бедняга исхудал и почернел. Его супруга даже обращалась к знакомому психиатру, который посоветовал, прежде чем прописывать транквилизаторы, попытаться все-таки выяснить причины столь долгого рассмотрения. Когда измученный ожиданием и почти потерявший надежду ученый муж приехал в Москву и обратился в ВАК, выяснилось, что его работа... в ВАК не поступала. После долгих и упорных поисков она была все-таки обнаружена. В связи с большой толщиной диссертации, машинистка одного из отделов подклады-вала ее себе на стул и благополучно сидела на труде страждущего соискателя... более двух лет!

Начальник Первого отдела в черном мундире со звездами, как у прокурора, взглянув на мое злое лицо, спросил кратко: «Докторская?». «Какая, к чертям, докторская – кандидатская! Полтора года нет сведений!», – отвечал я. Хозяин кабинета, покопавшись в картотеке, сказал: «По Вашей работе дополнительно получен положительный отзыв из Совета Наук о Земле. Разрешите Вас поздравить и вручить открытку-уведомление!». А через месяц в Институте ВИЭМС мне вручили диплом кандидата геолого-минералогических наук.

Вскоре я узнал и о причинах столь длительного рассмотрения моей работы (не даром говорится, что все тайное становится явным). Оказывается, когда мою диссертацию направили «черному

оппоненту» (фамилию мне называли), тот изучал ее полтора месяца; но с ним случился инфаркт. Работа еще сколько-то полежала у него, пока ее не отозвали. После этого ее направили другому «черному оппоненту». Тот ее рассматривал 3 месяца, а затем отказался давать заключение, так как посчитал себя недостаточно компетентным в рассматриваемых вопросах. Это еще больше насторожило ВАК: что это за работа такая, от которой у экспертов случается инфаркт? Тогда ее направили аж в Совет Наук о Земле, который одобрил мою работу.

С тех пор прошло уже почти 30 лет. И мне очень приятно, что мои предположения полностью подтвердились. Титаномагнетитовые руды Качканара с запасами более 6 миллиардов тонн являются единственной надежной сырьевой базой черной металлургии Урала. Если учесть еще неоцененные прогнозные ресурсы, запасы могут быть удвоены.

Эта точка зрения сегодня становится общепринятой. Она заложена в концепцию развития горнорудных предприятий Свердловской области до 2015 года, которой предусматривается дальнейшее расширение Качканарско-го ГОКа с доведением уровня добычи более 60 млн. т сырой руды в год, а за пределами 2015 года с вводом в эксплуатацию Собственно-Качканарского месторождения – 75-80 млн.т сырой руды в год!

Анатолий ИВАНОВ

Родился в 1936 году в поселке Двадцатый Исовского района Свердловской области. В пос. Старая Ляля закончил семилетнюю школу, а в Верхней Туре – ремесленное училище №19, где получил профессию кузнеца. До армии работал на Нижнетагильском металлургическом заводе. Служил на Дальнем Востоке, участвовал в строительстве военных и гражданских объектов. На Урал вернулся с хорошими трудовыми навыками. В Качканаре с января 1959 года. Закончил строительный техникум и успешно работал на предприятиях города.

ЛЮДИ, ВЛЮБЛЕННЫЕ В КАЧКАНАР**Нияз Шагиев**

Я хочу рассказать о человеке, которого в Качканаре незаслуженно забыли.

Нияз Ахметович Шагиев отдал десять лет своей жизни Качканару. Да каких лет! Это были годы самой активной работы на строительстве города и комбината. Прораб, главный инженер четвертого стройуправления и, наконец, главный инженер треста «Качканаррудстрой». Коллегия «Главсредуралстроя» единогласно утвердила его в этой должности в 1965 году. Это был человек, влюбленный в Качканар и свою работу, которой он отдавал всего себя, без остатка.

Вот как о нем в свое время говорил Михаил Харитонович Вохмянин, качканарец, Герой Социалистического Труда, бригадир монтажников «Востокметаллургмонтажа»:

«Хорошо помню прораба стройуправления № 4 Шагиева. Это стройуправление строило корпуса среднего и мелкого дробления, аглофабрику, насосную станцию оборотной воды. С Ниязом Ахметовичем всегда успешно, без всяких оперативных совещаний, решались любые вопросы, связанные с приемкой фундаментов под оборудование. Лучшего прораба в тресте «Качканаррудстрой» я не знаю».

Чтобы мое описание не было односторонним, я беседовал с людьми, которые Шагиева близко знали, вместе с ним работали. Говорят, он не был публичным человеком. Согласен. Невозможно представить Нияза Шагиева, который пустословит с трибуны и призывает

Нияз Ахметович Шагиев

идти навстречу решениям мартовского Пленума. Это не его стихия.

Грубый в обращении. Но к кому? По характеру требовательный, не терпел он разгильдяйства – может, это называть грубостью? Да, увидев в окно вагончика приближающегося Шагиева, все старались быстро покинуть вагончик, избегая грубых вопросов.

В конце 60-х годов на площадке завода ЖБК работала группа энтузиастов, которыми руководил главный технолог треста «Качканаррудстрой» Вадим Сергеевич Фомин. Отрабатывали технологии производства асфальта, древесностружечных плит и индукционной камеры для сушки шпунтовой доски. Шагиев часто приезжал на пло-

щадку, и по роду своей деятельности я с ним общался. Его задача была как можно быстрее закончить все работы и передать все три установки на баланс завода. Но так не получилось.

Наш завод был выведен из состава треста «Качканаррудстрой», и мы принимать отказались. Наш завод стал производить железобетонные конструкции, а не стройматериалы. Жалко было трудов – так все и заглохло. Время предпринимательства пришло только через 20 лет.

О Ниязе Ахметовиче Шагиеве у меня самые хорошие воспоминания, как о толковом грамотном инженере-строителе. В 1964 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Никто не ожидал, но в 1970 году вышел приказ по «Главсредуралстрою» об освобождении Шагиева от занимаемой должности. Начальником СУ-7 Нияз Ахметович отказался работать и подал заявление об увольнении.

Начальник главка Башилов не отпускал его – все-таки Шагиев был в главке на хорошем счету. Башилов предлагал Шагиеву место главного инженера в строительных трестах других городов, но Нияз Ахметович не согласился и обиженным уехал в г. Казань, даже не взял трудовую книжку в главке.

В Казани он последнее время работал управляющим большого строительного треста. До конца своей жизни Нияз Ахметович считал себя качканарцем, и мы обязаны помнить это.

Талантливый руководитель

6 марта 2011 года Игорю Федоровичу Вибергу исполнилось бы 75 лет. Окончивший УПИ инженер-технолог по стройматериалам, он почти 38 лет работал в Качканаре. Говорю почти, потому что он три года по направлению «Главсредуралстрой» работал в Нижнем Тагиле, но из Качканара не уезжал.

Впервые его «Главсредуралстрой» направил в Качканар на завод стройматериалов с инспекторской проверкой в ноябре 1963 года. Что-то непонятное творилось на заводе.

Прошло четыре года, как был создан завод, а директоров сменилось одиннадцать. Склады завалены сборным железобетоном, который не нужен тресту «Качканаррудстрой». Необходимо было разобраться и дать письменные соображения, что на заводе делать. На коллегии главка, заслушав отчет Игоря Федоровича о проверке Качканарского завода стройматериалов, неожиданно сказали:

– Вот ты теперь поезжай туда и налаживай работу на заводе, согласно тем рекомендациям, которые нам озвучил.

Так Игорь Федорович получил направление главка на директорство Качканарского завода стройматериалов с декабря 1963 года.

– Да, а что нам делать с бывшим директором завода? Он израсходовал фондовые материалы: цемент, металл – на ненужные изделия не только в тресте «Качканаррудстрой», но и в главе. Может быть, дело передать в суд – пусть разбираются?

– В суд не надо, разрешите, я этот железобетон продам, – сказал Игорь Федорович.

И с ним согласились. Нестандартные фундаментные балки и другой железобетон Виберг предложил автотранспортному предприятию в Тюмени. Так он впервые завязал дружбу с тюменскими предприятиями.

Игорь Федорович Виберг

Завод стройматериалов был в подчинении треста «Качканар-рудстрой» как подсобное планово-убыточное предприятие. От него требовалось производить бетон, раствор, железобетон, пиломатериалы, столярные изделия, плиты ДСП, асфальт. Так думали в тресте. Но по-другому видел завод Игорь Федорович. Отделить бетон, раствор и железобетон от всего остального – и назвать завод не «Стройматериалы», а завод бетона, раствора и железобетонных изделий: БР и ЖБК. И план считать только по этой номенклатуре.

Первый шаг был сделан. Второе. В 1965 году новый председатель Правительства А.Н.Косыгин начал проводить реформу. Если до этого предприятие получало деньги за выпуск продукции независимо, где она находится: на складах или уже продана потребителю, – то сейчас в основу будет браться план реализации. И деньги предприятие будет получать от реализованной продукции. На заводе это было блестяще выполнено.

Начальник планового отдела Л.Подкопаева и главный бухгалтер С.Черников были в этом деле, по словам самого Игоря Федоровича, хорошими помощниками и учителями для молодого директора. По-настоящему завод вздохнул, когда вышел из системы треста «Качканаррудстрой» и стал называться завод ЖБК треста «Железобетон».

Без преувеличения можно сказать, что Игорь Фёдорович всю свою сознательную жизнь исповедовал философию оптимизма. И это главная черта его характера. Способность выделить в окружающем и окружающих то прекрасное, что рождает веру и позволяет надеяться. Кто хотя бы однажды видел Игоря Фёдоровича и говорил с ним, никогда не забудет его немного усталое, но такое доброе и приветливое лицо. Кто знал его хорошо, скажут, что это был простой, доступный, всегда равнодушный, честный и откровенный человек. Он всегда возвышал человека над суетой. Возвышал людей – они ему за это платили взаимностью. Тем самым между директором и рабочими создавалась атмосфера полного взаимопонимания. Они шли за ним зная, что он прав, потому что его правота формировалась в результате постоянного совета со специалистами, рабочими путём изучения передового опыта по всей стране и конечно новинок научной мысли.

Главк направил Виберга в Нижний Тагил. Его работу в Нижнем Тагиле я бы назвал удачной. Когда он пришел в управление, на счете были нули, а когда добровольно уходил, на счете было три миллиона. А уходил он в «Главтюменьнефтегаз», поскольку убедил тюменцев в том, что завод ЖБИ надо строить в Качканаре.

Талант его как руководителя, специалиста в отрасли стройиндустрии всегда был на высоте. Им руководила не корысть, а любовь

к своей работе, к людям, стремление каждый день сделать для них хоть что-то хорошее, полезное, доброе. Он прекрасно понимал надо развивать социальную инфраструктуру, создавать людям достойные условия для жизни и работы. Посмотрите сколько жилья было построено когда строился завод ЖБИ «Запсибнефестрой». Была самая короткая очередь на получение квартир.

Каждый человек уходя в мир иной должен оставить на земле о себе хорошую долгую память. Игорь Фёдорович Виберг такую память о себе заслужил.

Те кто его знал будут помнить только хорошее. Красавец-завод ЖБИ «Запсибнефестрой» – это его детище. Жаль что сейчас это мёртвый памятник тем, кто довёл завод до банкротства и готовят сейчас второе банкротство.

Директор – необыкновенный

Впервые Дмитрия Васильевича Тарарухина я увидел в феврале 1959 года в старом здании треста «Качканаррудстрой» по улице Качканарской. По коридору шел высокого роста человек, громко с кем-то разговаривал, а затем зашел в маленькую комнату, где располагалась диспетчерская треста. Потом довелось встретиться с ним в другой обстановке.

Немного сутуловатый, со своеобразным тембром голоса, он разительно выделялся среди выступающих на трибуне партийно-хозяйственного собрания, проходившего в клубе «Строитель». Его выступление, в котором не было лишних слов, слушали с удовольствием. Как старший диспетчер, он знал лично всю обстановку на строительных площадках. Поэтому он первый заговорил о том, что к автотранспорту строители относятся варварски. Не следят за подъездами, в результате машины с грузом тонут в котлованах, без трактора выехать не могут и т.д. Этот голос без ответа не остался. Вскоре Дмитрия Васильевича назначают директором базы.

Почти тридцать лет он руководил автобазой, и то, что его в коллективе уважительно называли «дед», о многом говорит. Это был директор необыкновенный. Специального образования он не имел, но имел огромный опыт руководящей работы. В связке с грамотным техническим руководителем, каким был главный инженер автобазы Блинков Николай Алексеевич они добились полного взаимопонимания в этом огромном коллективе автобазы. Его уважали все за внимательное и чуткое отношение к каждому человеку.

Дмитрий Васильевич Тарарухин

С какими трудностями сталкивались автомобилисты Качканара, хорошо рассказал Леонид Матвеев в своих материалах, напечатанных в газете «Качканарский рабочий» к 50-летию Качканара, я же пишу о другом. Вот передо мной фотография: Дмитрий Васильевич Тарарухин и его верный шофер Ошурков Юрий Сергеевич. Кроме служебных обязанностей, их связывала крепкая дружба. Скажу больше, они дружили семьями. Эта дружба продолжалась почти два десятка лет.

Дмитрий Васильевич был заядлым грибником, и вот однажды он потерялся в лесу. Его долго искали, но так и уехали в Качканар без

него. Он вышел на Косью, а там знакомые шофера привезли своего деда в Качканар. Но бывали и другого склада водители.

В 60-е годы шофер на машине «Волга» был закреплен за управляющим трестом «Качканаррудстрой». Инспекторы ГАИ знали, что он ездит за рулем в алкогольном состоянии и пытались его остановить, но он все время уходил. Однажды его все-таки изловили. Позвонили директору автобазы:

– Дмитрий Васильевич, мы вашего шофера на «ГАЗ-21» поймали пьяным за рулем.

– Вот, удивили – вы его трезвым за рулем поймайте! – ответил со свойственным ему юмором Дмитрий Васильевич.

Накануне своего юбилея Дмитрий Васильевич позвонил в профком треста «Свердловстройтранс»:

– Мне бы путёвочку на курорт, надо бы отдохнуть.

– Дмитрий Васильевич, только на ноябрь.

– До ноября я не доживу.

Поздравлять с юбилейной датой пришли к нему сослуживцы и друзья, нанесли подарков. Чувство юмора не покинуло Дмитрия Васильевича и на этот раз:-

– Спасибо. Обязуюсь отработать еще пятилетку.

ПОЭЗИЯ

Венедикт СТАНЦЕВ

Родился в 1922 году в Саратовской области. В 1941 году окончил Балашовский учительский институт. С первых дней войны на фронте – рядовой стрелок, пулеметчик, командир отделения. военный корреспондент. Награжден орденами и медалями. После войны – сотрудник газет «Красный воин» (Московский военный округ), «Советское слово» (Группа советских войск в Германии), «Красный боец» (Урал ВО).

Первые стихи на Урале напечатаны в 1957 году. Автор многих поэтических сборников. Его стихи переведены на украинский, белорусский и литовский языки. Член Союза писателей СССР с 1965 года. Не один раз бывал Венедикт

Тимофеевич в Качканаре. Ему нравились город юности и его люди.

ГОРОД, СОЛНЦЕМ НАПОЕННЫЙ*Качканарские этюды***Предэтюд**

с признанием автора.

Пою –
и точку не ставлю:
рабочий класс люблю
и славлю.
И потому в каждом этюде,
как нерасторжимая семья
живут герои –
рабочие люди –
песнь моя, гордость моя!..

Этюд

*посвященный первостроителю, кавалеру орденов Ленина и
Трудового Красного Знамени, заслуженному строителю РСФСР,
бригадиру **Наймушину Геннадию Степановичу.***

Наточили топоры –
бриться впору,
пилы наострили –
и на Качканар-гору.

Звериная тропинка,
а по ней
шагают двадцать,
первых двадцать
комсомольских парней.
За плечами каждого –
тугой рюкзак,
в рюкзаке у каждого
харчи да табак.
Дикая чащоба –
место волчьих встреч,
комарье впивается,
как картечь...
Выстроив отряд свой,
как солдат,
сказал бригадир речь:
– Под нами железные руды
спят,
скоро их разбудит
комбинат,
здесь встанут
белые этажи,
а пока что стройте шалаши;
в общий котел –
пшено и хлеб;
будем просеку
прорубать под ЛЭП,
и помните:
мы здесь не в гостях,
работать так,
чтобы пожар в костях!..

И пошел звон,
и пошел треск,
и расступился звериный лес.
Но летом что?
Летом еще благодать,
а вот когда морозы
под сорок пять!..
В палатках
(их прислали к зимней поре)
чуть теплее,
чем во дворе.

Солоно, когда сосны
как кремень,
когда теряют силы
топоры и пилы,
когда с гулькин нос день...
Приказ бригадира
по-солдатски суров:
– Будем лес валить
при свете костров.
И помните:
мы с вами не в гостях,
работать так,
чтобы пожар в костях!
И первым,
щуря глаза голубые,
он выходил,
а за ним остальные.
И кипела работа
до седьмого пота:
фуфайки, рубашки –
нараспашку...
И пробились
сквозь мороз,
волчий вой
и тайгу.
Обнялись на финише
друзья-приятели,
как первооткрыватели
на неведомом берегу.

Раздумья героя

Будто вчера все было,
а уже двадцать семь уплыло!
Лежат в музеях
топоры и пилы,
другая юность
родником забила.
Плывет синева
над городом белым,
весь он пронизан
августом спелым,

расти ему еще
и расти,
весь он в будущее
на пути,
и потому у него забот
невпоровот...
Мой работающий город,
как любовь,
как утро,
ты молод,
и нету тебя милей –
живи, не старей!

Этюд

*посвященный машинисту экскаватора, кавалеру двух орденов
Трудовой Славы **Мусальникову Борису Аркадьевичу**.*

Карьер
как вулканный кратер,
свалишься –
и будь здоров...
На дне, как игрушечный,
экскаватор,
а ковш экскаватора
аж восемь кубов.
Экскаватор, могуч и плечист,
тащит груз,
от натуги дрожа,
из кабины смотрит машинист,
будто с третьего этажа.
Каждый мускул
отправлен в бой,
резче морщины на лбу,
словно тащит он
восемь кубов
на собственном горбу.

Но это дело обычное,
повседневное и привычное.
А бывают в карьере дни
воинскому подвигу сродни,
когда он, машинист, –
и командир,
и сапер,
и ювелир.

Вы не видели
«массовый взрыв» в карьере
или, может, слышали,
по крайней мере?
Сначала земля дрожит,
как в исступлении,
затем вздымается,
набухшая огнем,
а уж потом
вулканист извержение –
и камнепад,
и дымопыть,
и гром...
Все улеглось,
затихло через час,
но вдруг тревожное:
«Отказ!»
(Так в карьере говорят,
если не взрывается заряд).
И вывел он к «отказу»
экскаватор
(поднималась серая заря),
взрыв гремучий держит,
прочно спрятав,
грозная глыбастая гора.
Вершил он дело
очень тонко:
брал каждый камень,
как спящего ребенка,
как снаряд,
готовый полыхнуть,
чуть его тряхнешь,
заденешь чуть.
Обрекая тросы на разрыв,
до боли в деснах
стиснув зубы,
он улыбнулся все ж, заряд тот обнажив,
и разомкнул запекшиеся губы...
Удивился тихо:
где ж она, гора?
(Вовсю стояла алая заря).

Да, бывают здесь
такие дни –
воинскому подвигу сродни,

когда он, машинист, –
и командир,
и сапер,
и ювелир...

Радумья героя

Я-то знаю
«массовый взрыв в карьере»,
он не вышибает
ни окна, ни двери:
мирный он,
хотя и силен.
После него
так же радуются дети
и матерям,
и цветам,
и всему прекрасному на свете.
Но есть другие взрывы
на планете,
где гибнут дети,
где все в крови
от снарядного ада:
Сальвадор – в крови,
Ливан – в крови,
в крови Гренада...
Мы за мир,
но чтобы сила
не слабела в нас,
трудиться вдвойне,
трудиться втройне
готов рабочий класс –
во имя вечной жизни,
во имя коммунизма.

Этюд,

*посвященный старшему агломератчику, лауреату Государственной
премии СССР, кавалеру двух орденов Трудовой Славы
Тарасову Владимиру Павловичу.*

За все он в аглоцехе в ответе:
за людей,

за план
и за стены эти...
Он водил меня по цеху
наверное, раз пять,
чтобы смог я
что-нибудь понять:
– Вот шихта
вот концентрат,
а вот это уже агломерат...
И, заключая, с гордостью сказал:
– В конце концов
получится металл.
Он все осматривал
хозяйским взглядом,
давал советы
кому было надо.
Его тревожило
всякое всячество,
но больше –
качество,
качество,
качество,
чтобы железом был богат
агломерат.

За все он в цехе в ответе.

Ночь. Вьюга.
Спят сыновья,
обняв друг друга.
Книги.
Лампы настольно уют:
скоро экзамены в институт.
Вдруг в двери
стук осторожный.
Сердце, почуяв беду,
вздрагивает тревожно.
Выходит за порог –
минута как год:
«Володя, агломерат не идет».
Вьюга бьет
в распахнутую грудь:
забыл пальто застегнуть...

Проверил весь цикл –
ошибка не так проста:
при спекании влажность не та...

Под утро кто-то радостно,
будто вырыл клад:
– Пошел, пошел агломерат!

Домой вернулся –
еще спали дети.

За все он в жизни в ответе...

Поезд тихо
стучит на рассвете:
скоро дом,
скоро дом,
скоро дом...
Теплые сосны
бегут за окном.
Тормоза захлопнулись
у станции Чекмень,
у окна открытого
он встречает день.
На пути соседнем –
платформы в ряд
а на них – агломерат.
Пригляделся пристально:
как же так?
Отгрузили доменщикам
чистый брак...
В отпускном костюме –
прямо в цех:
– Это не продукция,
а просто смех,
что же вы, товарищи,
как же так?
Гоните для домен
чистый брак. –
А потом уже без раздражения:
– Вместе выправим положение.

Читаю статью его в газете:
«Мы все друг за друга в ответе.

Даже малой толикой успеха
обязан я товарищам по цеху.
И ордена,
и премия,
и депутатство –
это все заслуга
рабочего братства».

Раздумья героя

И план мы даем
и сверх плана даем,
но каким трудом:
чуть –
и вспыхнем от накала!
Но сегодня и этого мало.
Страна просит
еще больше металла,
и мы дадим его
во что бы то ни стало.
Больше некому,
кроме нас:
мы же рабочий класс.

Постэпюд

после которого автор, как и обещал, не ставит точку.

Поутру
спешит рабочий люд
навстречу солнцу,
встающему на труд,
и вечером спешит,
вдыхая сладкий воздух,
навстречу солнцу,
идущему на отдых...

Улыбается,
в работе закаленный,
город,
солнцем напоенный...

Надежда ШУЛЕПОВА

Родилась в Качканаре в 1966 году. Закончила среднюю школу им. Новикова и художественную школу. Работала художником-оформителем на радиозаводе, сейчас – секретарь-делопроизводитель в «Горэнерго». Православная христианка, поет на клиросе в храме во имя иконы Божией матери «Взыскание погибших». Член литературного объединения «Лукоморье» при редакции газеты «Качканарский рабочий». Пишет стихи и прозу. Природа, любовь, философия, мироздание – основные темы ее творчества.

Признание

Застыв вдали огромным монолитом,
Стоит на страже с ночи до утра
И тянет вниз невидимым магнитом
Небесный купол Качканар-гора.
С ее вершин достаточно лишь взгляда,
Чтоб, замерев, душа пошла в отрыв.
Любимый город, ты моя отрада!
Ты мой восторг, безудержный порыв!

Люблю я облик твой многоэтажный
И свежесть улиц раннею весной,
Где мне знаком и дорог тополь каждый
С взлохмаченной от пуха головой.
Свои раскрыв под небом покрывала,
Засыпав из подснежников шитьем,
Гора Любви невольно разбросала,
Заманивая пары ясным днем.

Люблю я твой прозрачный воздух пряный,
Мать-и-мачехи медовый аромат,
Как будто в нежной зелени поляны
Закопошился выводок цыплят.
И наблюдать, как весело воркуют,
Все подлетая ближе и смелей,
У продавщицы семечек ворует
Товар нехитрый ворох голубей.

Люблю твои заката переливы
 На водной глади поздним вечерком,
 Пруда уединенные заливы,
 Костер на берегу, уху с дымком.
 Едва проснувшись, солнце заливает
 Тебя уютом, светом, теплотой!
 В глазницах окон ярко отражает
 Твой добрый нрав, красавчик молодой!

Люблю твой тихий парк. Не забывает
 Хранить он память храбрости солдат,
 И широко объятья раскрывает
 Он, принимая праздничный парад.
 Испив с тобой до дна полсотни чашу,
 Среди проблем, бесчисленных забот,
 Поет душевно и задорно пляшет,
 Не унывает твой честной народ!

И со страниц любимой «Качканарки»
 Я признаюсь в любви тебе, родной,
 Своей душой простой провинциалки
 Тебя я обнимаю, город мой!
 Дома твои пускай растут грибами,
 А папы чаще говорят «люблю»;
 От той любви детей рожают мамы,
 Дабы умножить численность твою!

Как самый молодой и симпатичный
 Среди седых уральских городов,
 Влюбленный в жизнь, веселый, романтичный –
 Живи и процветай и будь здоров!

Параллели

Геометрия нынешних дней

Из привычных слагаются слов
 Параллельные строчки стихов,
 И мелодии бардовских дум
 Бродят меж параллелями струн;

И невидимо отделены
Параллелью Вселенной мира,
И для пересечения их
Нет условий совсем никаких.
Параллели на каждом шагу:
След от лыж на февральском снегу,
В параллельные бьёт берега,
Разливаясь весною, река;
Поперёк разрезая тайгу,
Параллельные рельсы бегут;
Параллельно гудят провода,
И, сомкнувшись внахлёт иногда
Из-за резких и шквальных ветров,
Средь холодных ночных городов,
Оставляют блуждать в темноте
Параллельные судьбы людей,
У которых исчезло давно
Незаметно в ладонях тепло,
И становится, как никогда,
Параллельна чужая беда.
Геометрия нынешних дней...
Много больше мы знали о ней:
Треугольник, окружность, квадрат,
Где нечаянный друг – словно брат;
Где рука, как огонь горяча,
Отдавала рубаху с плеча,
И стакан подносила воды,
Согревая с приходом беды.
И отчаянно вдруг из груди
Вырывается: п о г о д и !
Между жизнью моей и твоей
Не спеши проводить параллель.

Моя родина – небо

Моя родина – небо.
Там душа и жила, и любила.
Я всегда это знала,
Но в земной суете позабыла.
Моя родина – небо.
Потому в облаках я летаю,

А спустившись на землю,
 Мне чего-то всегда не хватает.
 Как изгнанница – рая
 И как нищий на паперти – хлеба
 Вновь ищу я, земная,
 Свою родину – небо.

Полнота любви

Любовь свою по молодости лет
 В телесности мы ищем неумело.
 Тогда любовь приходит в полноте,
 Когда мы отрекаемся от тела.
 Ведь численность сомнительных побед
 И наслаждений предавать учету
 (Подробности смакуя или нет)
 Не надлежит. И по большому счету
 Значенья не имеет ни наряд,
 Ни цвет лица, ни линии овала,
 Ни тонкий стан, ни даже томный взгляд,
 Как со страницы модного журнала.
 Любовь с ее бескрайней полнотой
 Не совместить с объемом иль размером:
 Когда душа сливается с душой,
 Ей никакого дела нет до тела.

Муза

Сидела муза на моем плече,
 От скуки ножкою болтая,
 Ждала, когда в моей душе
 Затеплится хоть мысль какая.
 Но хоть убей – а мысли спали
 В спокойной жизни колыбели,
 И чувствам вою не давали,
 И просыпаться не хотели.
 И муза, хмыкнув недовольно,
 Тряхнув кудрями, взмыла ввысь,
 Туда, где страсть, где смерть, где больно,
 Туда, где радость, счастье – жизнь!

Простые истины

С приумноженьем в мире зла
Невозмогу больным и сирым,
И ропщут люди: сатана,
Как видно, правит нынче миром.
Во все былые времена
Бог правил всем: большим и малым.
И будет так. А сатана...
Тот править может только балом.

В сердцах людских царит духовный голод,
И на две половинки мир расколот,
Где жаждет ум бессмертия и Неба,
Ну, а безумье – зрелища и хлеба.

Навыкнув других уличать,
Душою совсем зачерствеешь:
Людей не умея прощать,
Любить никогда не сумеешь.

Всем нам с пеленок гукать и мычать
И говорить учиться – просто мука!
Затем годами учимся молчать.
Сие молчанье – главная наука.

На арендованных подмостках
Мы лицедействуем опять,
Но только занавес, как тать,
Спадет нежданно черным лоском.
Заплачет бедная душа,
Что покидает эту сцену,
Где каждый знает себе цену,
Подчас не стоя и гроша.

Без Бога

О, как незаметно травой поросла
Тернистая жизни дорога...
Жила ль я? Как будто бы и не жила
И не уповала на Бога.

И вроде бы двигалась, ела, спала,
Любила, детишек рожала,
Шутила, смеялась, кого-то ждала,
Ночами в подушку рыдала.
Но снова и снова на мысли себя
Ловлю, ощущая тревогу:
Была ль я? И в чем этот смысл бытия,
Полжизни прожитой без Бога?..
И, чувствуя пропасть немой пустоты,
Замру на церковном пороге...
О, как не хватало мне той полноты,
Нечаянно найденной в Боге!

Людмила АНДРЕЕВА

Родилась в 1936 году в г. Челябинске. Там окончила 10 классов. После школы работала на почте, в «Горпроекте», переплетчицей в типографии, проводником на железной дороге. В Качканаре с января 1961 года. Была лаборантом на ТЭЦ. Много лет отдала Людмила Николаевна работе с детьми: методистом во Дворце пионеров, заведующей детским сектором Дворца культуры. Последние годы была регистратором в ЗАГСе. В «Лукоморье» пришла в 2004-м. Очень любит свой город и всех качканарцев считает своей родней. В 2008 году вышел ее поэтический сборник «Жемчужные россыпи», в 2009-м – «Осенние мелодии», в 2011-м – «Признание»

Строчки

Зреет строчка знойным летом,
Зреет в дождь и в снегопад.
Очень важно для поэта,
Чем душа его согрета
И чтоб в сердце был разряд.
Мысли льются бурной речкой,
Мчатся пестрым табуном,
То сгорают, словно свечки,
И трепещется сердечко,
Сон гуляет под окном.
В откровеньях нет секрета,
Льется все начистоту,
Но для яркого сюжета
Нелегко найти поэту
Строчке важную черту.
Нелегко найти признание –
Критик сам тебя найдет.
Но поэт свое призвание
Отдает на растерзанье –
Чтоб признал его народ.

Таежная симфония

Была тайга таинственной и гордой,
Симфонией звучало пенье птиц.
И знала лишь гора, что будет город
И улыбнется тысячами лиц.

Давным-давно свершилось это чудо:
Открыла она тайнства свои,
Живут здесь не волшебники, а люди
И пишут биографии любви.

Родина

Я держу в ладонях твои росы,
Я рассвет встречаю голубой.
Расчешу распущенные косы
У берез и у ольхи речной.
Я хребты у гор твоих разглажу,
Я поспорю с ветром о судьбе,
Твои звезды мне судьбу предскажут,
И я верю, Родина, тебе!
Я сотку из трав платок с каймою,
Из дождинок бусы соберу.
Ты как мать, прошу, побудь со мною,
Я с тобою радость разделю.

Я иду по земле

Я иду по земле
Среди спелых колосьев пшеницы,
На ладонях моих капли чистой росы.
Разве можно сравнить
Эту тропку с асфальтом столичным
И с вечерним закатом речной полосы.

Я иду по земле
Среди белых берез подвенечных,
На ладонях моих теплый свет от лучей.
Горизонт голубой
Все бежит в бесконечность,
Под ногами бежит чистый, звонкий ручей.

Я иду по земле
Дорогого и милого детства,
На ладонях моих годы прожитых дней.
Паутинкой седой
Мне осталась в наследство
Дорогая земля, что люблю все сильнее.

Вьюга

Вьюга злится, злится, злится,
Годы снежной вереницей
Заметают жизни след.
Добрым дням не воротиться –
Знать, ненастье будет длиться
В моей жизни много лет.

Время мчится, мчится, мчится...
Дай же мне остановиться,
Чтоб чуть-чуть передохнуть,
Чтоб смахнуть слезу с ресницы.
Знаю, плакать не годится,
Счастья не вернуть.

А поземка кружит, кружит,
А душа по ласке тужит,
Нет покоя ей.
Вьюга с радостью не дружит,
Ну, а мне и того хуже
В жизни без страстей.

Алексей БАШКИРОВ

Родился в 1929 году в Орловской области. В детские годы пережил гитлеровскую оккупацию. Служил в Советской Армии. В Качканаре с апреля 1959 года. В профтехучилище Нижнего Тагила получил специальность автослесаря. Все его трудовые годы были связаны с автобазой №5. Более 30 лет Алексей Иванович увлеченно занимается в «Лукоморье». Он автор двух поэтических сборников: «На крыльях любви» и «На грани веков». Здесь каждая страница проникнута любовью к родной земле и людям, к Качканару и, конечно, к поэтическому слову.

Город юности

На стройку люди прибывали,
Вдали аукала зима.
Чтоб встретить холод без печали,
Росли брусчатые дома.
В начале тех больших событий
Важнее дела не найдешь –
И в стены новых общежитий
Вселялась дружно молодежь.
Умели девушки, как в доме,
Порядок в блеске содержать,
Умели в сладостной истоме
К себе любимых поджидать.
Царил здесь мир сердец влюбленных,
И, коль приспела чья пора,
В своей обители стесненной
Играли свадьбы-вечера.
И отдалялся звон гитары,
И приходил желанный срок:
Настал черед семейной пары
Войти в отдельный уголок.
Порог сосновый – символ хаты,
Где жил с рожденья до поры;
За ним уют наш небогатый
Да за окошком склон горы.
Семья без рода – безымянна,
Об этом помнят в небесах.
И вскоре дом наш деревянный
Утонет в детских голосах...

С годами видится другое:
Пред нами гордый оком,
Возвышен город над тайгою,
В домах высоких мы живем.
Но и теперь, не разоримы,
Стоят на улицах своих
Брусчатки, в памяти хранимы
Былых жильцов, уже седых.
Светились наши деревьяшки,
Не омраченные бедой.
Они как первые ромашки
На ниве жизни молодой.

Снегири

Глянул в сад: на ветках длинных,
Где искрится белизна,
Восемь грудок снегириных,
Раскаленных докрасна.
С детства птицы дорогие,
Мне приятен их наряд,
Как фонарики живые
Нежной алостью горят.
Где теперь, о чем щебечут
Мои птицы прошлых дней?
Их несет ко мне навстречу
Ветер памяти моей.

Апрель

Наш лес еще рыхло заснежен.
Но встанешь, посмотришь вокруг –
Созвездья подснежников нежных
Осветят проталинку вдруг.
И будет лесная поляна
Испариной теплой дышать
И, вешним лучом осиянна,
Нас духом любви возвышать.
И бродят волшебные соки,
И будят природу от сна,
И полнятся жизни истоки
Единственным словом: весна!

Синие гривы

Еще дремлют под снегом заливы,
А под чистой лазурью небес
Вдаль уносится синею гривой
По горам разметающийся лес.
Это дикое диво природы
Поспевает за скоростью лет,
Ни в какие не старится годы,
Лишь меняет порою свой цвет.
Нынче в блестках морозно-игривых
Эта вечная вольная статья.
Ах, летящие синие гривы,
Как вас взором догнать и достать?

Твой образ

Уж неба чистый свет лазури
Сроднился с синей цепью гор,
И звонко дышит после бури
Еще в снегах сосновый бор.
Еще ручья поток речистый
Не растревожен ото сна,
Но вербы светлый цвет пушистый
Уж щедро дарит нам весна.
И в чувствах светлых непременно
Самой отрадою земной
Опять живой, благословенный
Встает твой образ предо мной.
И если сердцу неуютно,
Улыбкой ты рассеешь тень –
Твоею радостью минутной
Опять живу я целый день.
И цвет любви неувядаем,
И нет сомнений у меня:
В твоей груди неиссякаем
Родник сердечного огня.

Людмила ВЛАСОВСКИХ

Родилась в 1955 году на Брянщине. Школьные годы прошли на Урале, на станции Гороблагодатская. После замужества переехала в Качканар. Техник-планови по образованию, по призванию Людмила артистка. Работая на предприятиях города, вела там кружки художественной самодеятельности и дружила со сценой Дворца культуры: пела, танцевала, декламировала, была ведущей. Неизменные ее увлечения – стихи и русские народные песни. Людмила – одна из самых плодовитых авторов «Лукоморья», пишет стихи и прозу. В 2006 году вышел ее сборник «Грозы

чеченской канонада» как яркий отзвук материнских мыслей и чувств: оба ее сына в «горячее» время служили на Кавказе. Людмил Александровна активно участвует в поэтических фестивалях, которые проводят литературные клубы области.

О творчестве

Писать – как пить из родника
В день по глоточку, по словечку,
Как зажигать от свечки свечку
И в трепетный огонь вникать.
Писать – как видеть, как дышать,
Не отгоняя наважденья,
Себя в себе осознавать –
Какое это наслажденье!

Дума матери

Подрастают мои сыновья,
Год от года становятся старше,
И тревожные мысли меня
Беспокоят все чаще и чаще.
Для чего же я их родила?
Для чего берегу их, лелею?
Для чего имена им дала
И ращу их, себя не жалея?
Вдруг однажды взметнется земля,
И горящая, страшная бездна
Поглотит сыновей и меня?
Значит, муки мои бесполезны.
Ну, а если придется опять
Встать с оружием на поле боя?
Если будет мой сын убивать?

Я ж не вынесу горе такое!
 Малышу я купила конфет,
 Ну а старшему – книги и шашки.
 Только слышу: «Купи пистолет,
 Я хочу пистолет, как у Сашки».
 Ну зачем тебе, сын, пистолет?
 Он сегодня игрушечный; все же
 Даже он через несколько лет
 В сердце матери выстрелить может.
 Сыновья, подрастайте скорей.
 По-хозяйски на нашей планете,
 Выполняя наказ матерей,
 Все оружие обезвредьте!

Гнев Земли

Рассердилась Природа. Осерчала Земля:
 – Вы друг с другом воюете, люди?!
 Я вам мамой была – стану мачехой я,
 Пусть мороз вас безжалостно студит.
 Пусть с жестокостью рушат дороги, дома
 Ураганы, потопаы и сели,
 Чтоб вы знали, к чему вас приводит вражда,
 Чтоб опомнились вы и прозрели.
 Вы друг друга должны выручать и спасать,
 Милосердными быть и родными.
 Чем безумно и дико себя убивать –
 Защищайтесь теперь от стихии.
 Я устала от ваших бессмысленных войн.
 Эволюции нет и в помине.
 Слышу выстрелы, взрывы и раненых стон...
 Все! Наказывать буду отныне.
 Климат перекрою, океаном залью,
 Передвину глубинные тверди,
 В космос дыры озоновые прорублю,
 Коли сами вы ищете смерти!
 Горько, дети мои, горько мне наблюдать,
 Как от жадности все очумели.
 Вы на свет рождены, чтоб любить, созидать
 Для меня, для Земли-колыбели.
 Не опомнитесь – сгинете в адском огне!
 Я ж без вас расцвету, как и прежде.
 Я устала от вас. Надоели вы мне,
 Дикари, камикадзе, невежды!

Весна

Весна! Так хочется свободы!
А ты загружен под завязку,
Не видишь прелестей свободы,
Не веришь в чудеса и сказки,
Не веришь другу, сам себе,
Вся жизнь в бессмысленной борьбе.
Весна! Ей до тебя нет дела –
Она пришла, она запела,
Она добавила рассвета,
Она снега утрамбовала,
Она растормошила ветки
И срочно пахнуть приказала,
И ароматом вездесущим
Проникла в серые закаты,
И глас трубит, в любовь зовущий.
Сорвусь: но это будет завтра.

Купавки

Цветут купавки на лугах,
Начало лета.
В зеленокудрых сюртуках
Леса одеты.
И блудит в тени берез
И ищет что-то
Душа в слезинках чистых рос.
Что за охота?
Здесь где-то первый поцелуй
В купавках нежных,
И вздох на выпускном балу,
И неизбежность...
Недостижение мечты...
Нежданность утра...
Купавки – брызги чистоты
На перламутрах.

Владислав КАРМАНОВИЧ

Родился в 1937 году в г. Кушва Свердловской области. В Качканаре с мая 1959 года. Был машинистом бурового станка, геодезистом. Как горный инженер-технолог Владислав вырос на Качканарском ГОКе, совмещая работу с учебой в институте. 33 года отдал он комбинату, и тринадцать лет, уже на пенсии, – заводу «Металлист». Ветеран труда В.Карманович и в «Лукоморье» тоже ветеран. Пишет о природе и любви. Его волнуют темы войны и мира, связь поколений. Интересуется философией. Увлеченный восточной поэзией, делает попытки в таких стихотворных формах, как хокку и танка. Но главная его поэтическая форма – это басня.

Счастливый

Вот белый лист передо мною.
 «Начни-ка, – шепчет, – тему предложи!»
 Лист ждет, что снова я заную
 И буду плакаться про жизнь.
 И я решил, что хватит ее хаять.
 Дни черные, бывает, попадают,
 Но светлые преобладают –
 И жизнь моя, выходит, неплохая.
 Могу вам привести примеров кучу
 И про плохое, и про лучшее.
 К плохому отнесу здоровье,
 А к лучшему – семьи большое поголовье.
 Счастливый я с своей семьей:
 Ведь восемь внуков и два правнука имею –
 Выходит, десять раз в году
 На дни рождения иду.
 И даже чаще. Не дадут соврать
 Моих два брата и сестра.
 У них частенько я бываю
 И про своих детей не забываю.
 А самые счастливые мгновенья –
 У мамы побывать на дне рожденья.
 Давно моя седая голова,
 А маме... маме девяносто два!
 И так бывает каждый год:
 Меня с женою кто-то в гости ждет.

Еще бывают у меня счастливые мгновенья,
Когда я напишу стихотворенье.
Выходит, жизнь моя чего-то стоит,
И обижаться на нее не стоит.
Безденежье – не будем уповать,
А на здоровье наплевать!

Откровение

Бывает, сетую на жизнь я иногда:
В карьере, мол, вершины не добился,
С достатком маялся прошедшие года...
Но счастлив: вовремя влюбился.
И навсегда.

Мороз

Иду по улице. Мороз.
Прихватывает щеки, нос.
А мне так хочется капли
И чтобы птицы вдруг запели.
Ох! Лета хочется до слез!

Созидать!

Под «мать» и «перемать»
Мы порезвились всласть
По принципу: ломать – не строить.
Туда, мол, царский строй,
Туда ж Советов власть...
Сей принцип – дело-то простое.
Куда сложнее, мат не вспоминая,
Заняться строить, не ломая,
Тебя, Россия, Родина родная.

Огонь

В истории с любые времена
Безмерно горе от огня.
Природные, военные пожары
Все лучшее уничтожали.

И Чингисхан, и Тамерлан,
И ересь жегший Ватикан,
И Гитлер жег, известный всем,
Ну и, конечно, дядя Сэм.
И современник мой,
Российский человек,
Пожары помнит
В тот прошедший век.
Деревни, города, спаленные в России,
Вьетнам, и Гернику, и Хиросиму...
А в этот двадцать первый век
Что может вспомнить человек?
Прекрасно помнит, как горят
Нью-Йорка башни и Ирак.
Ну и, конечно, нынешнее лето...
Кто за пожары должен быть в ответе?
Иль потепление везде?
Иль безалаберность людей?
Но есть, друзья, другой огонь,
Я всей душою за него
(Пусть жгут его политики и дети) –
Огонь любви к родной планете.
Я рад тебе,
Огонь сердец влюбленных;
Тебе,
который для озябших, утомленных;
Огонь Кремлевских звезд,
Огонь Олимпиады
И в память Неизвестному солдату.

Татьяна КОНЫШЕВА

Родилась в 1953 году в г. Кирове. Там закончила среднюю школу, работала. Вместе с мужем по комсомольской путевке поехала поднимать Нечерноземье, которому отдала 16 лет. Заочно закончила сельхозакадемию по специальности зооинженер. Другая глава биографии Т.Коньшевой – журналистика. Окончила университет марксизма-ленинизма, была спецкором областной газеты «Кировская правда», заведующей сельхозотделом и заместителем редактора районной газеты «Путь Ильича». Член Союза журналистов с 1991 года. В Качканаре с 2003 года. Работала на предприятиях города, а с 2005 года возглавляла газету «Качканарское время». В г. Сыктывкаре в 2000 г. вышел сборник ее стихов «Берегиня», а в Качканаре в 2008-м – «Я расправляю крылья».

О стихах

Мне говорят, что так писать – старо,
Что нужен новый стиль, иные рифмы,
Что выглядят стихи мои бедно,
Хоть есть в них что-то от души и мысли.
И я не спорю, ни к чему тут спор.
Не стоит мне переводить тетради...
Но снова рвутся строчки на простор,
Не для хулы, да и не славы ради.

Старая фотография

А мама весело смеется.
И песня в комнатухе льется
Про синий скромненький платок.
И, подпевая в такт гитаре,
Не сводит глаз влюбленных парень,
Военных песен тех знаток.

И нет счастливей во всем мире,
Хотя вчера лишь отменили
Наследие той злой войны –
И хлеб, свежайший, настоящий,
Дурманным запахом пьянящий, –
Не нужен им.

А мама в стареньком берете,
Забыв про все, про все на свете,
Вновь расцвела.
Как будто и не с нею было,
Когда вдруг косы напрочь сбрили...
И – ночь пришла.

И смерть стояла с нею рядом...
Но – нет, прошу: о том не надо –
Пусть допоеет.
И парень, сильный и красивый,
Хоть и немножечко ревнивый,
В мою судьбу отцом войдет.

Туманы

Туман над речкою, туман
Такой, что нет просвета.
А может, жизнь моя – обман?
А может, песня спета?
Была ли я? Жила ли я?
А может, с поднебесья
Душа мятежная моя
Чужие пела песни?
Туман над речкою такой:
Кричи – не слышно голоса.
А может быть, махнуть рукой
И взять да успокоиться?..
А может, по теченью плыть,
Не мудрствуя лукаво,
Судьбы разматывая нить,
Не спрашивать, кто правый,
И не искать один ответ
На тысячи вопросов,
И, прошлому взглянув вослед,
Спокойно весла бросить?..
Туман над речкою такой –
Не услышать ответа.
А может быть, всему виной
В рубинах бабье лето?..

Туман над речкой разнесло.
И, подтвердив приметы,
Свое последнее тепло
Мне дарит бабье лето.

Бегу по январю

Я бегу по январю,
Я летаю, словно птица.
Я опять люблю, люблю
И готова поделиться
С каждым радостью земной,
Кто со мной сегодня рядом...
Вновь летаю (Боже мой!),
Ну, а больше мне не надо.
Значит, я еще живу.
Значит, что-то еще значу...
Я лечу по январю...
Только почему я плачу?

Поют соловьи

И снова поют соловьи.
И снова не спим до рассвета.
Ни слова о прежней любви,
Затерянной в сумерках где-то.
Ловя каждый шорох и звук
В лесу заплутавшего лета,
Тепло твоих чувствую рук,
И нежностью сердце согрето.
И пусть ты молчишь о любви –
Я чувствую сердцем, душою:
Ты – мой, я – твоя, ты – со мною.
Не зря так поют соловьи.

Нина РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Родилась в 1931 году на хуторе Иудино Калининской (ныне Тверской) области. В Бежецке окончила среднюю школу, в Кривом Роге – горнорудный институт. Одиннадцать лет отдала Кузнецкому металлургическому комбинату. С 1969 года ее жизнь связана с Качканаром и горно-обогатительным комбинатом. К поэтическому творчеству Нина Ивановна обратилась поздно, уже в пенсионном возрасте. Взялась за перо – и богатая женская душа вылилась на бумагу живительными строками. В 2006 году

вышел сборник ее стихов **«Это капельки души»**. Второе издание дополнено стихами 2007-2008 годов. Член литобъединения «Лукоморье».

Раскрытая тетрадь

Раскрытая тетрадь,
Рифмованные строки,
Все хочется сказать
В отпущенные сроки.
О чем шумят леса,
О чем поют метели,
Весенняя краса
Цветущей акварели,
И трепетной реки
Встревоженная гладь,
Касание руки,
Восторга благодать.
Как с детской чистотой
Хранил в душе навек
Любовь, добро, покой
И счастье человек.
Раскрытая тетрадь...
Она полна тревоги,
В ней в завтра не видать
Осознанной дороги...
Не торопись, мой век,
Чтоб планка не упала.
Тебе я, человек,
Так много не сказала.
Раскрытая тетрадь,
И строк ее миссия...
Так хочется сказать,
Как клятву повторять:
Люблю тебя, Россия!

Ночь

Царица ночь была прекрасна,
Темна, таинственна и властна
И зачарованно молчала –
Грехов и радости начало.
Стряхнув с себя дневную негу,
Мерцала тихо бездна неба,
Дышала бархатным покоем
Над лесом, городом, рекою.
Бездонной ночи покрывало
Враз все живое уравнило,
И темной прелести полна,
На землю пала тишина...
Вдруг шорох у дверей закрытых
Невнятным звуком задрожал...
На коридорных серых плитах
Букет подснежников лежал.

Была война

Опять стучится день войны
В мою встревоженную память,
День черный, страшный для страны,
Огнем войны навис над нами.
В деревне рев, в деревне вой,
Деревня залита слезами.
Горели женщины бедой,
Любимых спеленав руками.
Мужчины шли на смертный бой,
Чтоб защитить детей и жен,
И каждый шаг земли родной
Был чьей-то кровью обожжен.
В тылу лишь женщины и дети;
И лошадей на фронт угнали –
Чтоб выжить всем на этом свете,
Коров в упряжки запрягали.
И всю войну нужда, и голод,
И связки рвавшая работа,
И похоронок жгучий холод,
И боль за близких, и забота.

И фронт и тыл – единый бой,
Одной надеждой люди жили;
Был тыл войною трудовой –
И потому мы победили.
Десятки лет промчались мимо
С победной памятной весны.
А может быть, и мой любимый
Ушел тогда в огонь войны?

Последняя капля

Последняя капля, как ты тяжела!
Любовь половодьем весенним была,
Душистой сиренью и морем цветов,
И нежным потоком дурманящих слов.

Последняя капля разбившихся судеб –
И мы позабудем, и мы позабудем,
Как билась любовь бушевавшею вьюгой,
И мы потеряем, забудем друг друга.

Последняя капля... Как трудно забыть!
Мы рвали любви нашей тонкую нить.
Да как мы ее сохранить не смогли,
Последнюю искру сгоревшей любви?

Расплакалось сердце слезою незримой,
То плачет любовь, пролетевшая мимо.
Да кто же из нас ту беду проглядел,
Последнюю каплю – терпенья предел?

Предчувствие

Ах, придуманный ты мой,
Есть ли ты на свете?
Выткала я образ твой
Голубой своей мечтой
Под сердечный трепет.

И гляжу – не нагляжусь,
Нежной грустью наряжаю,
И о чем грущу-тужу,
Только ночке расскажу,
Только звезды разгадают.

Но мечта неуловима,
В дебрях жизни затерялась,
И любовь проходит мимо,
Но она неповторима,
Сколько б раз ни повторялась.

Клавдия РУБЛЕВА

Родилась в 1947 году в деревне Юрты Ниволялинского района Свердловской области. 10 классов закончила в пос. Стара Ляля. В ГПТУ города Карпинска выучилась на машиниста кранов. Работала в Карпинске, в городе Реж Свердловской области. Вышла замуж и уехала в Красноярский край. Затем жила и работала в Астраханской области. В Качканаре с 1969 года. Много лет отдала обогащательной фабрике Качканарского горно-обогатительного комбината. Любит книги, рукоделие, животных и тихую грибную охоту. В литературное объединение «Лукоморье» Клавдия Петровна пришла в 2000

году, а в 2008-м вышел сборник ее стихов «**Бабье лето**». Это картины уральской природы, поэтические зарисовки о Качканаре, размышления о судьбах Родины.

Мой Качканар

Из невеликого родом села,
Я лучшие годы тебе отдала,
Мой Качканар!
Пусть строить тебя мне, увы, не пришлось,
Но пыли фабричной глотнуть довелось,
Мой Качканар!
Здесь выросли дети, родился здесь внук.
И разве не ты самый лучший мой друг,
Мой Качканар?
Я зори твои беззаветно люблю
И песни, тебя прославляя, пою,
Мой Качканар!
Брожу с милой музой средь бабьего лета,
Бросая в лукошко грибы и куплеты,
Мой Качканар!
Живи и трудись в благоденствии вечном!
К тебе с благодарность друг твой сердечный,
Мой Качканар!

Верба

Снова жаждет душа покоя,
Снова тесен лучам небосвод!
Заслоняя распустье собою,
Серебристая верба цветет.

Цвет небросок, изысканно скромн.
Но уж так повелось на Руси:
Ветки вербы несут люди в храмы,
Чтобы веру во тьме воскресить.

Сентябрь

Лоскутик за лоскутиком
Редееет полог осени;
К ногам повсюду брошены
Роскошные ковры:
Игривым ветром вытканы
Пурпуровыми нитками,
И золотом расписаны
Искусные каймы!
Грозою запоздалою
В ночи сентябрь расплакался.
Но утро пылью радужной
Рассеяло беду.
Душой замороженною,
Походкой осторожною –
Неспешной тенью осени
К судьбе своей иду.

Милые окраины

Люблю вас, улочки Кулацкого,
Люблю вас, улочки Татарского
Своим обличьем обособленным,
Устоем всякому своим,
Где не пасуют перед завтрашним,
Где хлев, скотинкою наполненный,
Где каждый дом – лицо хозяина
И каждый двор – судьба семьи.

Кирпичные и деревянные,
Цветете вы с весны до осени,
Благоухаете сиренями
И яркой роскошью цветов.

И серый день здесь пахнет праздником,
Тепло жилья парит над теменью,
Пекутся горы разрумяненных
Гостеприимных пирогов.

Люблю вас, милые окраины,
Где по старинке свадьбы ладятся.
Трудом здесь будни сытно вскормлены,
Красиво молодость растет.
Здесь отголоски малой родины
В земле, бережно ухоженной,
В вишнево-яблонево-кипени
И в крепких спинах стариков.

Мой взгляд пчелой в сиренях нежится,
Душа цветеньем не надышится...
Захолонуло сердце чувствами
И благодарною слезой.
Зачем Мальдивы мне и Турция?
Не надо Арктики заснеженной.
Здесь даже в песнях птичьих слышится
Любовь к сторонке дорого.

Бабье лето

От бессонницы с рассветом
Улетаю в бабье лето
Млечным облачком дыханья
За прохладной синевою...
Вслед за клином журавлиным
В безысходность расставанья,
В путь неведомый гонима,
Нелюбимая тобой.
Улетаю в бабье лето,
Расплескав непониманье,
Окунувшись на прощанье
В темный омут милых глаз...
Улетаю в бабье лето,
В тихий шелест увяданья,
В новизну очарованья,
Выпив боль без жалких фраз...

Нина САВЕЛЬЕВА

Родилась в 1950 году в г. Мамадыш Татарской автономной республики. В 1959 году семья переехала на Урал. В Серове Нина закончила среднюю школу, в Перми – медицинский институт. Долгие годы жила и работала врачом-педиатром в Перми и городе Чайковском. Занималась в литературном клубе при газете «Огни Камы». Печаталась в городской газете. Сейчас Нина Степановна живет в Качканаре и дружит с «Лукоморьем». Поэтическим творчеством увлечена с юных лет; тонко чувствует природу – источник ее поэтического вдохновения.

Признание

Ты – мой заповедный уголок,
Гавань тихая среди штормов житейских,
В темной ночи светлый огонек,
Храм, собравший вместе всех святейших.
Счастлива... Мне есть куда бежать
От невзгод, от пошлости, от лени...
Мир поэзии, сегодня ты опять
Друг единственный и добрый гений.
Знаю я: отступят все напасти
И появится гармония во всем.
Растворюсь в тебе – какое счастье!
Жаль мне всех, не побывавших в нем...

Весеннее

Нажимаю ногой на педаль,
Попадаю в объятья дороги...
О, манящая синяя даль,
Уносящая боль и тревоги!
Удаюсь от людской суеты,
Окунаюсь в весенний лес.
Сколько чувства и чистоты
В первой зелени, сини небес!
Я люблю в нем каждый листок,
Обожаю любую травинку,
Я плету из тропинок-дорог
Счастья легкую паутинку.

И, раскачиваясь в мечтах,
Уношусь высоко в поднебесье:
Злые мысли – они уже прах,
А в душе рождается песня.

Белостволье

Белостволье мое, белостволье!
Узнаешь ты меня или нет?
Ты все то же берез раздолье,
Я – другая: прошло столько лет!
И, как в ярких лучах фотовспышки,
Мне привиделась даже на миг
Та родная улыбка сынишки,
Словно ангела светлый лик.
И молочный запах дочурки,
И спокойствие – все сбылось!
А в еловых колючих лапах
Так же нежатся косы берез.
И родные когда-то руки,
Как на крыльях, внесли меня,
Будто нет ни утрат, ни разлуки
На закате осеннего дня.

Кленовый лист

Я обожаю желтый лист кленовый.
Природы чудо, осени дитя,
Он в буйстве незаметен был зеленом,
Лишь в сентябре открылась красота.
На фоне голубого небосклона,
Пронизан светом утренних лучей,
Он линиями контура резного
Немало приковал к себе очей.
Неслышно опускаясь на траву,
Ложатся листья сказочным ковром.
Я тучи одинокие молю
Подольше не пролиться бы дождем.

И золото кленовое ласкаю
Губами, взглядом, трепетной рукой...
Тебя, мой милый, тихо вспоминаю
Со светлой грустью, смертной тоской...

Бабье лето

Оно совсем запропастилось где-то,
Его вспугнули холод и дожди.
Лишь в октябре явилось бабье лето
И осень попросило: «Подожди!»
И после слякоти – земная благодать,
Природы запоздалая улыбка,
Как будто бы Земля пустилась вспять
По чьей-то легкомысленной ошибке.
Как будто бы на старом полотне,
Под солнечными яркими лучами
Все краски ожили, как в дивном сне
И музыкою новой зазвучали!
Ах, лето бабье! Колдовское бабье лето!
Оно так быстро промелькнет, оставив грусть.
Но листвою шепчет лето до рассвета:
Я вернусь еще, вернусь еще, вернусь!

Петух

Пел петух на заре
На соседнем балконе,
Не на сельском дворе –
В городском пел он доме.
Этот радостный крик
Как луч солнца в ненастье,
Этот утренний миг
Был предвестником счастья.
Благодарна была
За такое соседство:
Утро каждого дня –
Словно отзвуки детства.

Детства светлые лики:
Старый дом под горою,
Петушинные крики –
Все по жизни со мною.
К Рождеству замолчал...
Не пойму: что такое?
То ли голос сорвал,
То ль пошел на жаркое.

Предчувствие весны

Проказы февральские жестки:
Метелей седых круговерть.
Но в вешних несмелых набросках –
Зимы неизбежная смерть.
Приметы весенние всюду:
Добреют глаза у людей,
Мажорнее птичьи этюды,
И голос капли звучней.
И вмерзшие в лед теплоходы,
В такой оказавшись беде,
Назло выкрутасам природы
Мечтают о синей воде.
И все в этом мире по кругу,
Черед свой всему и всегда.
Я вынесу белую вьюгу:
Ведь следом идет весна!

Татьяна СЕМАКИНА

Родилась в 1954 году. Росла, училась и работала в Качканаре. Начиная в гидрометеостанции, потом были городская библиотека и городской Центр досуга, с которым и сейчас Таня тесно сотрудничает. Человек активной жизненной позиции, Татьяна Валерьевна организует и проводит много творческих мероприятий, дружит с городским Советом ветеранов. Она несет в своем сердце вселенскую боль. Ее поэзия – это реквием качканарским мальчикам, погибшим в Афганистане и Чечне. Многие стихи Семakiной – результат глубоких размышлений о жизни и творчестве.

Для «Лукоморья» Татьяна – неиссякаемый источник идей, которые она умеет претворять в жизнь.

Мои герои

Я пишу о своих земляках,
Мне они интересней великих;
Их простые и скромные лики
Пусть останутся тоже в веках.
Я пишу про своих земляков,
Им стихи предпочтительней прозы.
Их скупые улыбки и слезы
Мне дороже изысканных слов.

Танец жизни

Чечетку выбивает на асфальте
Тот, у кого рук после травмы нет.
Вы жалостью своей его не жальте,
Бросая в кепку горсточку монет.
Отводит взгляд растерянный стыдливо,
Как будто в самом деле он здоров.
С годами боль чеченского разлива
Наполнит душу парня до краев.
Он глушит боль искусством, а не водкой,
Нашел себе пристанище артист.
День развлекает публику чечеткой
Тот, кто душой и помыслами чист.
Сын заработок свой приносит маме,
Приносит радость с горем пополам.

И никакими добрыми словами
Вовек не успокоить этих мам.
Лишь так вот, бесконечно унижаясь,
Он может зарабатывать на хлеб.
Когда в чужих глазах увидит жалость,
Жалеет, что в придачу не ослеп.
Почувствует опасность даже кожей:
Чувствительным стал юный ветеран.
Бывает, что какой-нибудь прохожий
Всю выручку кладет себе в карман.
Он к кепке не протянет свои руки,
Оставшиеся где-то на войне.
От каблуков пронзительные звуки –
С разрывами снарядов наравне.
Ну как на свете жить таким бескрылым,
Шагать ослепшим без поводырей?
Никто не сможет никаким мерилom
Измерить боль солдатских матерей.

Любовь и смерть

Памяти Владимира ГАРАНИНА

В морозном страшном декабре
Володя был смертельно ранен –
Совсем мальчишкой на заре
Шагнул в бессмертие Гаранин.
На дом обрушилась беда,
Как будто горная лавина.
Ушел сыночек навсегда,
А жизнь немыслима без сына.
Есть у любви своя цена,
Своя единственная мера.
Бывает, смотрит мать в окно
И ждет автобус из карьера.
Шаги затихли у дверей:
Сыночек, слава богу, дома.
Святая участь матерей
До боли женщинам знакома.
Теперь в автобусах сама
Мать ездит по любой погоде.
Настала новая зима...
О как там холодно Володе!

Почти что каждый выходной
Приходит к сыну на свиданье.
Пусть не тревожится родной:
Он с честью выполнил задание.
Она несет ему цветы,
Кладет тихонько к изголовью.
Там нет обычной суеты,
Там все пронизано любовью.
Любовь настолько велика,
Что не видны иные грани.
На боле боя сквозь века
Шагнул в бессмертие Гаранин.
Он сам пошел в военкомат
Из солидарности с друзьями.
Мать с грустью смотрит на закат
И засыпает со слезами.
Невольно ждет его домой
Или хоть весточку в конверте.
Для мамы сын всегда живой:
Видать, любовь сильнее смерти.

Юбилейная медаль

БУТОРИНЫМ: Анне Николаевне и Александру

Медали за участие в войне
Торжественно вручали ветеранам.
А этот случай показался мне
Особенно мучительным и странным.
Старушка принесла медаль домой,
Но не смогла порадовать награда:
Невыносимо было ей самой
Под тяжестью пронзительного взгляда.
Стоит с наградой рядышком портрет,
Невидимая боль сквозит из кадра.
Участница войны уж много лет
Оплакивает внука Александра.
Ее война помиловать смогла,
Зато теперь не пощадила внука.
Еще одна морщинка пролегла,
Свою черту оставила разлука.
Наполнены растерянностью дни,

Нет веры в справедливость у бабули:
Молитвы многочисленной родни
Не защитили Сашеньку от пули.
Смерть воина безликая мораль
Готова оправдать любой ценою...
Сверкает юбилейная медаль,
Но горько сердцу праздничной весною.

Часы

Бег времени, увы, неумолим.
Я вечно никуда не успеваю.
Вы стали наказанием моим,
Но я вас, как ни странно, воспеваю.
Порою вам завидую, часы:
У вас такая четкая работа.
Я замерла у взлетной полосы.
Прошу вас: дайте время для полета!

Дмитрий СПИКИН

Родился в Качканаре в 1981 году в Качканаре. Закончил среднюю школу №2 и радиотехникум им. Попова. В «Лукоморье» пришел со школьной скамьи. Эрудированный, начитанный, глубокомысленный, он был самым юным и одаренным членом этой творческой семьи. Писал стихи и басни, повести и пьесы. В последние годы Дима покинул Качканар, а летом 2011 года трагически погиб в Волгоградской области. И было ему всего 30 лет. В ноябре 2011-го «лукоморцы» выпустили сборник стихов Дмитрия Спикина «Сгоревшая звезда».

Рождение

Я еще не родился –
Здесь темно и тепло.
Я еще не родился –
Значит, мне повезло.
Я еще не родился,
И весь мир для меня –
Это добрая, нежная
Мама моя.

Что такое? Внезапная боль,
Яркий свет...
Эта боль – на всю жизнь?..
О, пожалуйста, нет!..
Я на свет появился?
Ах, вон оно что...
Я на свет появился.
Но, мама, за что?

Запоет душа

Весна, как чистый небожитель,
Сойдет к нам снова с облаков,
И я, восторженный мыслитель,
Как музе дам ей в сердце кров.
Она теплом сожжет морозы,
Свернет, как простыни, снега,
Весенние метаморфозы
Цветами выкрасят снега;

Душа, скорбящая в неволе,
Замерзший кокон разорвет
И, вновь в своей любимой роли,
Вся затрепещет, запоеет –
И новые стихи родятся,
Душистые, как сам апрель,
Как может в рифму лишь смеяться
С карнизов тающих капель.
Окрашенный лазурным светом,
Задышит теплотой эфир.
И вновь союз весны с поэтом
Отпразднует природный мир.

Белая лилия

Рожденная водой, как Афродита,
Поднявшаяся из речных глубин,
Прохладной влагой дочиста омыта,
Дитя беспечных голубых стремнин,
Звезда проточных вод! Тебе свой томный
Лягушки дифирамб весь день поют.
Душистое и мраморное лоно
Дает стрекозам ласковый приют.
Но одинока ты – и все скучаешь,
Однообразна рябь твоей реки.
Ты рядом никого не замечаешь,
Лишь ветерок колышет лепестки.
Ты ждешь, когда придет пловец прекрасный,
Нарушит этот тягостный покой,
Сломает стебель твой и не напрасно
Сорвет тебя безжалостной рукой.
Зачем? Любой из нас бы счел занятым
Помять твой цвет и бросить на пески...
Цвети, пока свежа и ароматна!
Завять еще успеют лепестки...

Непокой

От ветра листья нервно шелестят,
Повсюду слышны запахи лесные.
По низу, над дорогой, шелестят,
Не смея к небу, бабочки ночные.
Здесь все: природы зрение и слух,
Все, что живет, – полно предназначенья.
Лишь я брожу, как некий темный дух,
Не зная на земле успокоенья.

Сомнения

Тоска, бессонница. Стремленье
Хоть как-то переделать жизнь.
Жаль, что приходит настроенье
И что слетает вдохновенье
Из-за неясных нам причин.

Казалось, музы вдруг слетелись
И вдохновенье принесли –
Но это демоны пригрелись,
Отчаянье разжечь осмелясь,
Что залежалось в пыли.

Казалось, чудный мир иной
Вот-вот вольется из-за двери
И позовет идти с собой,
Но нет – смеялись надо мной
Из страшных сказок злые звери.

Года идут, не приближая
К мечте, не удаляя прочь.
Казалось, слышал звуки рая,
От сладкой неги замирая –
Но глядь: кругом все та же ночь...

Сгоревшая звезда

Смотрите: сверкнув, как комета,
Звезда покатила вниз.
Быть может, погибла планета,
Быть может, на ней была жизнь...

А мы распустили объятья
И негою сердце поим,
А мы в ожидании счастья
Желанье задумать спешим.
А там города разрушались,
Все замыслы стали тусклы,
Там люди и звери метались,
Когда по капризу судьбы
Скатилась, сгорая планета,
Погибшая в хаосе пыль,
Познавшая свой конец света.
Там были благие умы,
Там были искусства и деньги,
И зло, и добро чередой,
Рождения, жизни и смерти –
Все сгинуло в вспышке одной.
Там, может быть, цивилизий
Последние стерты штрихи...
А мы восхищаемся вкратце
И пишем о звездах стихи.

Счастье

Что такое счастье?
Это ветер,
Свежий, крепкий ветер в наши лица.
Что такое счастье?
Это звезды
Летней ночью, что хотят светиться.
Что такое счастье?
Это небо,
Что играет нежно с облаками.
Что такое счастье?
Это солнце,
Греющее жаркими лучами.

Надежда ТРУШКОВА

Родилась в пос. Ис Свердловской области в 1948 году. В 1959-м вместе с родителями приехала на качканарскую землю, где уже вырастал рабочий поселок и начиналось строительство горно-обогатительного комбината. С Качканарским ГОКом связана вся трудовая биография Надежды Александровны. Сюда пришла со школьной скамьи, отсюда ушла на заслуженный отдых. Начинала учеником лаборанта, закончила инженером-обогатителем. Легкая на подъем, она так же легко рифмует все, за что зацепится своим творческим оком. Город и его люди, взгляд в себя, размышления о творчестве. И, конечно, природа, природа, природа... Член литературного объединения «Лукоморье». Автор сборников «**Моим друзьям**» и «**Березовый сок**».

Слова

Ловлю из воздуха слово,
Как в сети ловит паучок.
Нет, сорвалось – поставлю снова
На стол свечу, как маячок.
Поймаю хрупкую снежинку,
Как для отделки кружева.
Найду душистую травинку:
Не в ней ли прячутся слова?
Затихну: что расскажет ветер?
Ведь он так много повидал.
Где же стихи живут на свете?
Не назовет ли этих стран?
Ловлю себя на том, что знаю,
Где есть чудесная страна.
Билет туда не покупают:
Душа у каждого – одна!

Березки

Не устану воспевать березки
И закаты над любимой горой,
И дороги все, и перекрестки
Назову единственной судьбой.
Непростыми были перекрестки,
И дороги были нелегки,
Но всегда друзья мои березки
Мне шептали: ты пиши стихи!

И покуда есть перо, тетрадка,
«Лукоморцы» рядышком всегда –
Будут мне березки улыбаться
И закружат золотом года!

Сила земли

Напою себя соком березовым,
Полевые цветы собираю,
Выйду из дому в платье розовом
И беду за собой уведу.
Укажу на четыре стороны,
Отпущу по весенней воде,
Громкогласными птичьими хорами
Гимн победный сыграю себе.
Будут слезы мои на вес золота,
И с собою я буду в ладу,
И душе моей будет не холодно,
Прогоню от порога беду.
Напою себя соком березовым –
И прибавится сил у меня.
Скажут: скрыто все в цвете розовом.
Я скажу: сил дала мне земля!

Деревенька

Деревенька, деревенька,
Как ты, милая, живешь?
Мы не виделись давненько.
Ты теперь не сеешь рожь.
Что ни дом, то развалюха,
Не нажил народ хором,
Подтянул потуже брюхо:
Видно, грянул в жизни гром.
От колхозов не осталось
Ни помина, ни следа...
Долго вывеска болталась
«Путь ударного труда».

Доживают век старухи,
Их глаза полны тоски...
Лишь стучат в окошко мухи,
Голубеют васильки.
Соберутся у колодца:
– Как ты, милая, живешь?
– Нам бы мужичков побольше –
Мы посеяли бы рожь...

Вера, надежда, любовь

Всего-то три нужны подруги,
Покуда на земле живешь,
Чтобы легко и без натуги,
Чтоб не селилась рядом ложь.
Одна из них зовется Верой;
В ученье нашего Христа
Она в костре сгорала первой,
Но с каждым путь земной прошла.
Другая – с именем Надежда;
Она всем руку подает,
В душе лампадкой будет брезжить
И лишь последнею умрет.
И есть Любовь. Порой, бывает,
Ее растопчут, как цветок –
Она оправится и встанет
И пустит молодой росток.
Пусть будут рядом три подруги,
Доверься им – и ты поймешь:
С Любовью, Верой и Надеждой
Ты силу духа обретешь.

Туман

Туман накрыл речные дал,
Повис над хладною водой.
Вот так и ты мои печали
Укрой недрогнувшей рукой.
Сотки накидку из тумана,
За плечи нежно обними,
Меж нами не было обмана,
Мы и сейчас в плену любви.

Мы и сейчас с тобой не знаем,
 Легла ли дальше жизни гладь,
 И сквозь туман вдвоем гадаем:
 Где тот маяк – нам знак подать?
 Туман накрыл речные дали,
 Рассыпал росы на траве.
 Нет, не поддамся я печали:
 С любимым я сильнее вдвойне!

Зимний день

Декабрьский день так короток и мал,
 Что кажется: он только-только встал,
 Лучами дотянулся до небес –
 И скрылся, сонный, за ближайший лес.

Есенин

В прозрачности берез осенних
 И в мелком дождичке с небес
 Мне слышатся Сергей Есенин,
 Его рязанский стих и песнь.
 Все чаще лед пленяет лужи,
 И поступь осени смелей,
 Но в убранных полях я вижу
 Рожь спелую его кудрей.
 Цветы поникли полевые,
 Лишь стали васильки видней,
 Как у поэта голубые
 Глаза, что нету голубей.
 Зима уже не за горами,
 Начнут метели завывать.
 А я, Есенин, буду с вами
 Про Анну Снегину читать.
 В круговороте изменений,
 Поэтов новых и имен
 Звучит как песнь Сергей Есенин.
 И счастлив тот, кто в песнь влюблен.

Александр ХОРОШАВИН

Родился в 1949 году в Дрездене, где тогда работали его родители, восстанавливая экономику Германии. Среднюю школу закончил в Нижнем Тагиле, а в Свердловске – Уральский политехнический институт. Как инженер-строитель работал на предприятиях Нижнего Тагила, Норильска. В Качканаре живет с 1968 года. Занимался в агитбригаде при Дворце культуры и в молодежном театре «Эдельвейс». Недавно Александр Аркадьевич пришел в «Лукоморье».

Любимый его жанр – басни. Интересуется творчеством братьев по перу и пишет на них пародии.

Зима

Зима в морозных теремах
В свои права вступая снова,
Перебирает в сундуках
Природы снежные обновы.
Чудны, Зима, дела твои:
Под пенье милых птах-свистулк
Покрылся белый храм любви
Хрустальной звонницей сосулк.

Красота

Красота спасала и спасает
Мир, народы, страны и меня.
Господи, Ты всё на свете знаешь,
Я приду к Тебе через себя.
Красота – явление простое:
Мир, цветенье, женщины, вино.
Странно мне, но всё непонятое
Мне понять, как видно, не дано.
Неужели это очень сложно –
Красота спасает этот мир.
Воевать с собою невозможно...
Только бы Спаситель нас простил.

Кот — «герой страны родной».

На сайте модного журнала
Еноты конкурс провели.
Мол, кто до полюса земли
Быстрее без помощи дойдёт,
Получит славу и почёт
(Журнал на грани был провала,
И нужен был рекламный ход).
И победил, представьте, Кот,
Который, вымазав сметаной
Себя до кончика хвоста,
Сыграл роль храброго Кота.
Стоящий по уши в снегу,
Который он в домашней ванной
Создал из вспененной сметаны,
Кот гордо в лапах флаг держал,
Где сам же маслом написал:
«Мой стяг на полюсе земли!»,
Который якобы несли
Его натруженные лапы.

Порой иной
Рвёт на себе нательную рубаху,
Крича, что он герой страны родной...
А ты ему не верь —
Проверь.

Пес-президент

В одном лесу, на небольшой поляне
Решили звери как-то раз
Созвать собрание.
От всех живущих в муромском лесу
Сидели Зайцы, вызвали Лису.
В повестке дня один вопрос:
К нам прибыл с нарочным Барбос.
И говорит:
«Нет, братцы, не годится —
Самим тут по себе так хочется водиться.

Я, будучи дворовым диссидентом,
Всего домашнего скота
Являюсь президентом».
Откуда нашим Зайцам было знать,
Что этого Барбоса из деревни
Прогнали старою метлой
Еще зимой.
И вот, развесив заячьи свои и лисьи уши,
Единогласно выбрали Барбоса президентом.
Дальше слушай.
На это сборище ни Волка, ни Медведя,
Ни Рыси иль другого зверя
Серьезного никто не пригласил:
У Зайцев просто не хватило смелости и сил.
Все хищники пришли потом –
И без вопросов
Сожрали без останков бедного Барбоса.

Когда обманом хочешь взять такую власть,
Нетрудно и впросак попасть.

Николай ШЕПЕЛЕВ

Родился в 1944 году в Курской области. Детские и юношеские годы прошли в городе Белово Кемеровской области. Там закончил среднюю школу. Посылал стихи в газету «Знамя коммунизма». Поступал в Сибирский металлургический институт, работал.

В Качканаре с 1979 года. Здесь закончил филиал Нижнетагильского строительного техникума, работал в тресте «Качканаррудстрой», на горно-обогатительном комбинате, радиозаводе. В «Лукоморье» пришел в 1997 году. Сейчас пенсионер Шепелев трудится в системе ЖКХ.

Его стихи – это небольшие зарисовки о природе и людях, сценки из нашей жизни. Добрый и мудрый, серьезный и веселый – таков он в своих стихах и в жизни.

Край соловьиный

Я в краю соловьином родился.
Голос в странствиях свой растерял.
Курский край за туманами скрылся.
Был бы рядом – как петь подсказал.
Если б я в том краю очутился –
В соловьиную б рощу забрел,
Перед певчими в ней извинился,
Неумело бы песню завел.
Соловьи, все певцы от природы,
Помогли б мне мелодию взять,
И мой голос от счастья свободы
Хору б дружному стал подпевать.
И окреп бы мой голос до звона,
Соловьи стали б слушать меня.
А я взял бы еще на полтона
Выше, чем одарила земля.
И узнал бы меня соловьиный
Край родимый, и был бы он рад,
Что закончился путь мой предлинный –
Наконец, я вернулся назад.

На службу

Пожелания все позади.
Эх, еще посидеть бы часок!
Но часы бьют набатом в груди:
Наш на службу уходит сынок.

Синий ватник ему маловат.
На прибитом снегу вещмешок.
Он, безусый, еще не солдат,
Но команде послушен сынок.
У сестренки блеснула слеза,
У меня горло сжалось в комок,
Мать ладонью прикрыла глаза,
Сел в казенный автобус сынок.
На красавца девчонка глядит,
А вокруг сигаретный дымок,
Провожающих гомон стоит.
Нос к стеклу прижал милый сынок.
Будем с матерью Бога молить,
Чтоб слышал всевышний, помог
С честью в армии срок отслужить,
Чтоб на радость вернулся сынок.

Мемориал

Сосны тихо стоят,
Лип аллея безмолвствует.
Скорбный список солдат
В себя камень впитал.
Здесь они не лежат,
Что же ворон тут бодрствует?
Здесь поклонное место –
Мемориал.
Довелось им пожить
Оторвавшейся искрою.
На горячие точки –
Был такой дан приказ.
Каждый клялся служить,
Каждый клялся: «Я выстою!»
Не надеялся, что
Он так скор – смертный час.
Встанет солнце опять.
Не кровавое, красное.
Только тем уж не встать,
Кто сраженным упал.
Продолжается жизнь,
Не всегда пусть прекрасная.
Ты прости нас, живущих,
Мемориал!

Звоню тебе

По натянутым морозом проводам
Побежали электроны, вторя мне.
Ты не верила живым моим словам,
Так поверь же электрической волне.
Моим голосом согрелись провода,
И к тебе тепло, наверное, дошло.
Полюбил тебя, как в песне, навсегда.
С той поры воды немало утекло.
Да, случается и зимняя капель,
Но обманчива такая благодать.
Повторяю вновь и вновь, а ты поверь:
Без тебя мне счастья в жизни не видать.
Ко мне голос твой с ответом не спешит,
Но ты слушаешь: гудков коротких нет.
Тишина одна томящая звенит
И готова принести ко мне ответ.

Последняя капля

Последняя капля
Над чашей терпенья
Нависла – вот-вот упадет.
И копь не замерзнет,
Не испарится –
Непоправимое произойдет.

Родись на свет

И думал я о том, который не родился.
Он не грешил и Богу не молился.
Ни обелиск ему не нужен и ни кол.
Ни на кого он не обижен и не зол.
Его не трогали земные катаклизмы.
Он не писал стихов и афоризмов.
Ему была неведома любовь.
Не закипала в его жилах кровь.

Зимою долгой, лютой он не мерз
И не тянул тяжелой жизни воз.
Он не познал нужды детей поднять.
И не стремился жизни смысл понять...
И ты таким бесплотным хочешь быть?
Забот не знать и нос не замочить?..
Родись на свет, чтобы душа смогла
Узнать извечную борьбу добра и зла.

Фонарь

Фонарь на тихой улице
Тускнеть стал и сутулиться:
Устал он в одиночестве стоять.
Над ним луна-тарелочка,
Красивенькая девочка,
Но очень уж высоко, не достать.
За тучками скрывается,
Заигрывать пытается,
Кокетливо мигнет, поднимет бровь.
Фонарь не раздражается,
Аж провода сплетаются
И стынет электрическая кровь.
Однажды в ночь ненастную
Он потерял прекрасную,
Как желтая тарелочка, луну.
Чем одному так маяться –
Жизнь все равно ломается –
Пойду-ка лучше я тогда ко дну.
Он глянул в лужи близкие,
Тут тучи ушли низкие,
Земля качнулась будто бы под ним:
Фонарь луну далекую
Увидел круглобокую
В обнимку с отражением своим.

ПРОЗА

Иван ГРАЧЕВ

Родился в 1934 году. Личность его была многогранная: художник, краевед, журналист, прозаик и поэт. Качканарскую биографию Иван Сергеевич начинал в Доме культуры «Строитель», потом работал на горно-обогатительном комбинате. Кисти художника Грачева принадлежит немало портретов, пейзажей, карикатур. Как журналист он тесно сотрудничал с газетой «Качканарский рабочий», где публиковались его очерки о земляках, проблемные материалы, а также история Качканарского месторождения. Краевед И.Грачев изучал историю Урала, много работал в архивах и музеях. А в «Лукоморье» его помнят

как поэта и литературного критика. В 1995 году вышел сборник стихов Ивана Грачева **«Растревоженные ветры»**.

Предлагаемая «Сказка про Качканар» даёт авторскую трактовку былей и легенд нашего края, несёт отпечаток эпохи, в которую создана. Иллюстрирована рисунками автора.

СКАЗКА ПРО КАЧКАНАР

Вова живет в Качканаре, в шестом микрорайоне. А сказки живут в восьмом микрорайоне, в магазине «Детский мир». К ним в гости можно приехать на автобусе или троллейбусе. А Вова любит с папой и мамой ходить к сказкам пешком. Это совсем недалеко, через вершину горы Долгой.

На вершине скалы сгрудились. На них растут высокие елки, кедры, березы, рябина, черемуха, бузина. Много сладкой малины и земляники. Цветы цветут, птички поют.

Вова любит ходить через гору еще потому, что на самой вершине стоит небольшой домик-теремок, в котором часто бывают Чебурашка и Крокодил Гена. Они отсюда по телевизору показываются. Вове охота с ними встретиться, поиграть вместе. А папа говорит, что их тут нет, что здесь только ретранслятор, вот и телевышка стоит. Да папа ведь только понарошку говорит. Разве это телевышка? У нее и локатор набок, будто кто-то не нарочно гриб ногой задел и шляпку свихнул.

Но мама совсем по-другому думает. Она сказала, что это вовсе не шляпка, а телевышка с корзиночкой по малину в лес пошла. А что, может, и в самом деле? Скучно ведь одной-то на горе стоять.

* * *

Перед праздником Октября дедушка в гости приехал. Раньше он в поселке Маломальском жил, золото ведром черпал, а теперь только то и делает, что по разным уральским городам внукам гостинцы развозит. И не в сумке, как тетя Надя, не в чемодане, как дядя Вася, а в настоящем мешке, шелковом, красном, совсем как у Деда Мороза.

Вова кедровые орешки грызет, а сам все деда в гости к сказкам выманивает. Дед трубкой попыхивает, усы пальцами накручивает, бороду ладонью разглаживает и вдруг спрашивает:

– А качканарская сказка там есть?

– Не знаю. Завтра ходили, так не было.

– Да ну-у?.. Значит, она тоже домой ходила.

Внук даже гостинцы из горсточки выронил:

– У сказки дом есть?

– Во чудак-человек! Ты у сказок погостишь и домой идешь, а они с тобой встретятся и тоже по домам расходятся.

– Деда, пойдем скорей в магазин! Наша сказка, наверно, пришла и ждет нас!

Сказано – сделано. Прошли автобусную остановку. Вова на горную тропку повернул, деду путь показывает. Подошли к лесу. Снег белый-белый, тропка черная-черная, небо серое-серое.

У самого леса дед замешкался: будто трубка погасла, разжечь надо.

– Дедушка, а я один не боюсь лесом идти. Ведь мне уже шестой год стало!

– Молодец, внучек! Иди, иди, а я за тобой поспешаю.

Мальчик ушел – и вдруг бежит испуганный:

– Дедушка, там зверь!

Старый взял малого за руку, пошли. И в самом деле: видят на скалах, над самой тропкой, громадную медвежью голову. Дед остановился. Внук прижался к нему, головой под рукавицу. Зверь не шевелится, нос кверху приподнят, маленький глаз прищурен, поверх елок глядит.

– Чудо, – промолвил дед. – И впрямь, Медведь-камень. Давненько я с ним не толковал.

– Он разговаривать умеет?

– Да, если его слушать умеют. Мы давненько с ним дружим. Это он качканарскую сказку оберегает.

– Деда, расскажи, а, деда!

– Ладно, давай поговорим. Пока папа с мамой на фабрике дело делают, я тебе и расскажу сказку Медведь-камня про Качканар.

* * *

Значит быть, Медведь-камень испокон веков здесь живет, гору Качканар стережет. Гора эта не простая, а кладовая.

Под старость батюшка Урал занемогать стал. Детей и внуков у постели собрал и богатства свои раздал. Много их у старика было, на всю родню хватило. Перво-наперво любимой внучке Малахитке, игрунье-певунье прыткой, что всегда бусинки перебирала, дивные цветочки собирала, все самоцветы отдал и Хозяйкой Медной горы возвеличал. Добрым словом помянул покойную мать, в честь ее поставил гору Благодать. Сын кудрявый да ласковый есть – отдал ему гору Асбест. Словом, всех наградил, никого не забыл.

Тут старик призадумался малость: много еще всякого богатства осталось. И вот седой Урал остатки в одну кучу собрал да и бухнул в каменный мешок, а чтобы зря его никто не нашел, Медведь-каменя сторожить поставил. С тем и белый свет оставил. Только сторожу сказал, чтобы он этот клад отдал в руки честные, известные, и на том закончил речь – пуще глаза клад беречь.

По всему Среднему Уралу долго люди клад искали, и беден и богат, и мал и стар. Пошли туманные слухи про гору Качканар.

Характер у Качканар-горы странный и капризный, попробуй его вызнай; норы и вовсе необычный – на дню принимает несколько облиций. То под мелким нудным дождем слезливо изнывает, то красотой царской невесты заблестает, то под редко ласковым солнцем щедро на благодатную негу, то обозлится незнамо на что и начнет швырять дождем и снегом. А то, по осени, всему несказанно рада, раскинет атласные наряды, уральскими богатствами похвастается – червонное золото, малахиты-изумруды тут – а наутро у самого подножья хлопья облаков ползут, долгими неделями вершину скрывают тучи, будто старик заячий малахай нахлобучил и сигарку за сигаркой дымит, про свою древнюю жизнь крепко молчит.

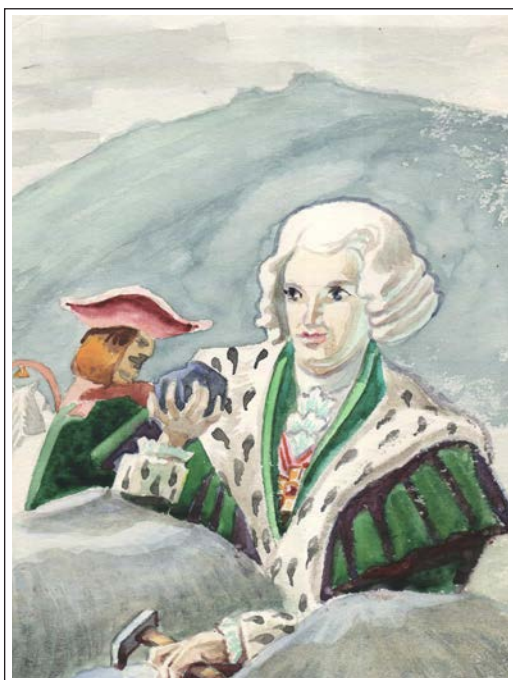
Соседние горы удивительно просто и понятно называть: Синяя, Теплая, Благодать. Нашу в древности вогулы наименовали, а как – нам про то не сказали: то ли Потаенная, то ли Спрятавшаяся, то ли Кочковатая – словом, имечко до сих пор не разгаданное, замысловатое.

* * *

Прежде, при царе Косаре, а точнее – тому назад лет двести побывал важный барин в нашем месте. Разные места государства Российского академик Паллас объезжал, про всякие богатства в стране

узнавал и про нашу гору в книге написал, необыкновенным утесом ее назвал. Видно, барин честный и известный был, коль Медведь-камень тайгу приоткрыл, а может, покори́л его ученый вид.

Описание то крепко намотал на ус хапуга Демид. Заводчик Демид все уральские богатства жаждал в свои руки заграбастать. Перед царем железом с собольим клеймом не уставал хвастать. А на работный люд зверем орал, слышь-ко! Да кое-каким мечтам Демиды осечка вышла. Планы его были заманчивые, яркие. Да вот взять хотя бы историю качканарскую.

Воззрися алчным взором на нашу гору Демид, собрать местных вогуляков велит. Свои каменные хоромы коврами устилает, столы яствами да хмельной брагой уставляет, вогуляков за столы приглашает и свою волю объявляет. Мол, на этой горе бывал, магнитные камни видал, гвозди из каблуков на них пооставлял, теперь хочет заложить там завод, как Тагил. И катькиных денег-бумажек за гору вогулам целый мешок предложил, а сам тем временем в ковши браги налил. Вогулы меж собой полопотали, посовещаться вышли – да и сбежали, Демиду фигу показали.

Демид осви́репел. На горе Качканар штольню заложить велел. Ходит вокруг штольни, похваляется: богатые железом камни попадаются.

Хозяйским глазом речку Выю оглядывает, будто уже завод закладывает. Демид размечтался, богатство планирует.

Тут Сторож головой качнул – и как резкий ветер подул! Демиду сразу зябко стало, а в штольне в тот миг железо пропало. Потыкали кайлами туда-сюда – нету руды. Пропала руда!

... Ты вот быстро подрастешь,

скоро в школу пойдешь, пионером станешь. На лето поедешь в пионерлагерь «Чайка», так по дороге примечай-ка: за плотиной есть примета одна, по правую руку та самая демидовская штоленка видна.

... Значит быть, заводчики от горы отступились: что с нее взять, коль руды не стало? Через сто лет наша гора графу Шувалу досталась. И в те поры кому-то подфартило: в логу, под слоем дерна россыпи платины открыли. Дерн пластом снимай и платину прямо лопатой загребай. Ох, что тут стало! Не зря этот лог Хищным назвали. Добытчики, как воронье, стаями

налетали, платину пригоршнями хватали, друг дружку убивали.

А граф Шувал в Питере пировал, заморское вино попивал, с барышнями мазурку танцевал. Однажды за полночь его с танцулек отозвали, про россыпи платины обсказали. Коршуном граф на Урал прилетел, плетью порядок навести повелел. За вино собрал добытчиков ватагу, указал, как тайну про платину хранить надо, по ружью велел раздать, а чтоб добытчиков крепко в руках держать, приказчику винный погреб не велел запирать. И снова в Питер укатил, за ним и след простыл.

А здешний губернатор стражников стал снаряжать – платину в царскую (и в свою тоже!) казну отобрать. Да граф Шувал не зря ружья раздал. Добытчиков стражники окружили и приказали, чтобы платину в казенные мешки сдавали. Не тут-то было! Шуваловские мужики берданки зарядили и такую пальбу в лесу открыли, что солдаты едва за камнями укрылись. Долго такая перестрелка продолжалась, но в царскую казну платина так и не досталась. Между прочим, на горе до сих пор Шуваловская грань осталась. Только не в пользу дела добытчики старались-надрывались. Платины-то они собрали немало, да только ее десятками пудов граф Шувал на царских пирах промотал.

Пуд платины – это много или мало? Если на него мороженого самого дорогого накупать, то всех качканарских ребятишек из детсадов можно бесплатно досыта целый год угощать, да еще и школьникам хватит! Вот какие жадные были графы-горлохваты.

Народное добро заграбастают и знай пируют да хвастают. Золото, платину, самоцветы – все в железные сундуки запирали и пропи-вали, а дети рабочих с голоду пухли и умирали.

Невыносимо жить так стало, не стерпел народ. И революцией гря-нул семнадцатый год. В Петрограде, в Москве, на Урале прислужни-ков царя поскидали. Рабочие и крестьяне красногвардейцами стали, как орлы, бесстрашно с белогвардейцами воевали, а дети вместе с от-цами орлятами на угнетателей налетали, И сообща так споро пошло дело, что от белогвардейской нечисти только пух и перья летели.

Гражданской войны вал прокатился и через Урал. Кушвинское и нижнетуринское ополчение крепко с колчаковским отребьем би-лось. В наших местах одно памятное событие не забылось, бытует легенда про красного партизана Лукова Ивана.

Значит быть, в гражданскую дело так случилось. От Волги до Байкала красные с белыми бились. Где Чапаев, где Фрунзе, а у нас Луков – Колчака в хвост и в гриву долбили. Издыхал Колчак, почти совсем его победили, как Змею Горынычу, все главы отрубили. Но тут тревогу забили Демида и Шувала потомки, открыли сундуки и подбросили Колчаку золота котомку. На золотишко он юнкеров да кулаков наподкупал, разношерстное войско собрал и, как поганая гидра, голову поднял.

И опять день и ночь неустанно бились красные партизаны. Од-нажды туго пришлось Лукову Ивану. Внук углежого, сын углежо-га, сам углежог, он с призывом в родные места пришел. На Ва-лериановске, где Луков родил-ся, маленький красный отряд ополчился. Потом Косья, Имен-новский, Маломальский, Ис против Колчака поднялись. От-ряды храбро сражались. Сил у Колчака совсем мало осталось. Но и партизаны почувствова-ли большую усталость. Значит быть, у костра собрались, меж собой посовещались и реши-ли отдохнуть, в Валерьянку на ночь заглянуть.

Дома партизанам баню ис-топили, досыта их накормили, спать уложили. В отряде один молодой боец был, у него боль-

ше всех осталось сил. Его-то командир и поставил в караул. Но смо-рило юношу. Часовой уснул.

Ночь тиха. Звезды тревожно мерцали. Вот уже первые петухи прокричали. Но партизаны под утро еще крепче спали. А Вале-рьяновск колчаковцы окружали. Как последнюю избу охватили, вздремнувшему часовому нож в спину всадили, и началась сплош-ная резня, только слышна в избах возня. Лишь один партизан и во сне винтовку держал, перед смертью он выстрел дал. От выстрела Луков вострепнулся, с постели мигом взметнулся.

Кольцом идут враги, пьяные гогочут, живьем командира взять хотят, дула английских карабинов поблескивают... Вдруг оконная рама вылетела с треском и – тра-та-та-та-та – пулемет застрочил. Много врагов командир уложил, а сам на коня заскочил: «Ну, воро-ной, выручай!» И птицей в горы умчал, вражьи пули его не достали.

Значит быть, в честь Ивана Лукова гору-то и назвали. Ту, что на-против вокзала.

Отгрохотала гражданская война. Разруху поборола страна. Все-народной стройке огромной понадобились новые домны. Понадо-билось много железа и стали. Ученые новые рудники искали.

Отряд геологов в наших местах работать начал, и сразу выпала ему удача. Медведь-камень ничего не скрывал, один за другим тайники открывал. Геологи ведь не с черными умыслами железо искали – для народа богатство добывали.

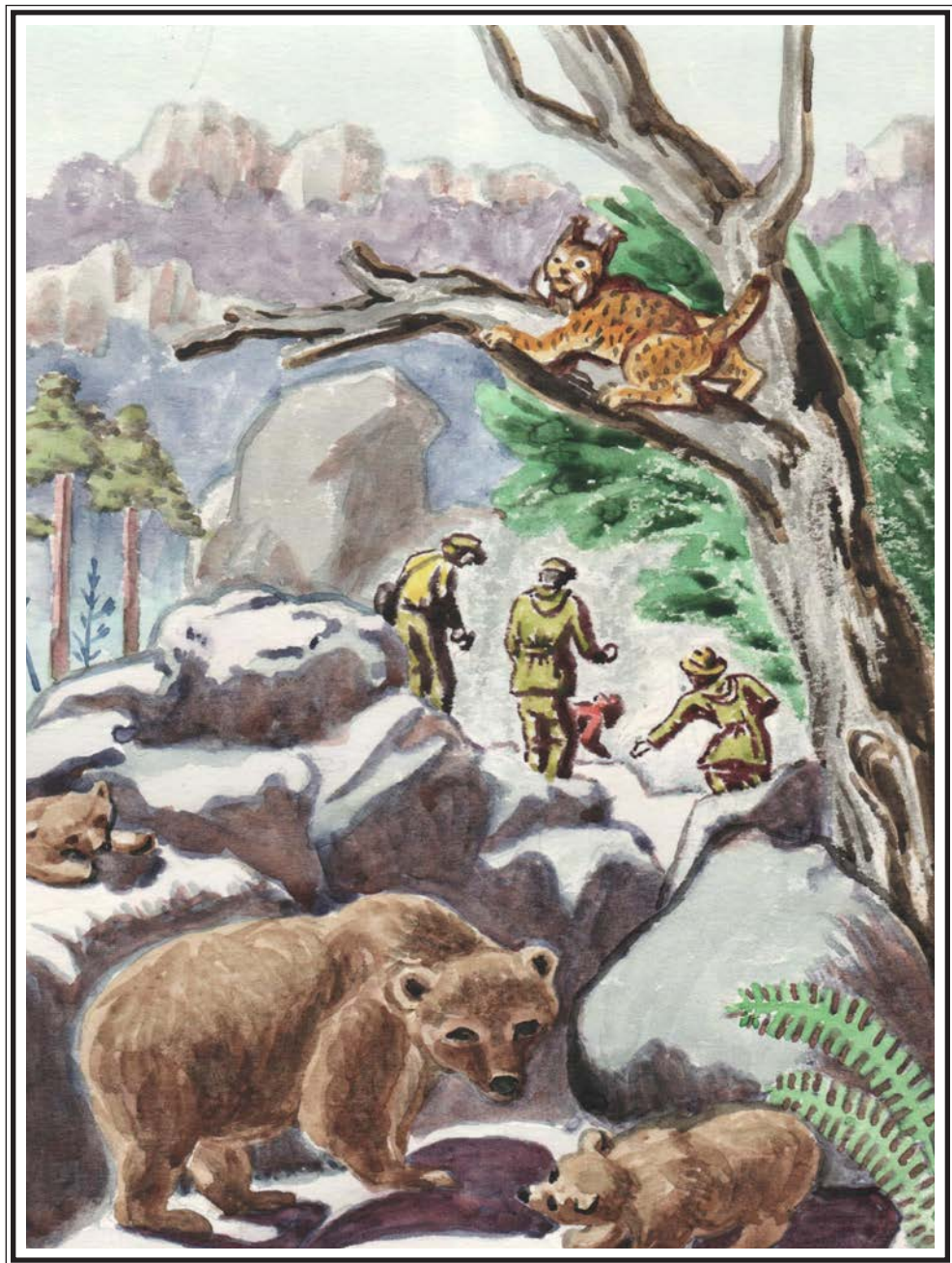
Но фашисты важному делу помешали. Разбили фашистов, от-праздновали победу – и сразу же на гору Качканар геологи едут.

Очень серьезно за работу взялись, а встретили первым делом ...рысь. И гоняли ее, и пугали, а рысь и неделю, и месяц не отставала. Только отвадили рысь, откуда ни возьмись – медведица появилась со своими провожатыми, малыми медвежатами. И, как на пенек грибы-опятки, звери наступали людям на пятки.

Геологи не на шутку переживали: что же звери переживали, по-чему на людей рычали? Им невдомек, что Медведь-камень осерчал: уж так приветливо лет десять назад таких же встречал, все-то им по простоте души открывал. А они своего добились и скрылись. Откуда каменному чуду было знать, что геологи ушли воевать и его по-человечески не отблагодарили, потому что на фронте го-ловы сложили. Осерчал, вот рысь с медведицей и подослал – про-следить, что это за новые люди, что их интересовать будет. Может, золотишко, так он для затравки подбросит не лишку, и пусть уби-раются восвояси.

А замысел геологов был ясен: изучив ученых труд многотом-ный, искали руду для тагильских домен. Хоть звери им и мешали,

но геологи дело упорно продолжали, над таракашками золота не дрожали, а шурфы копали, образцы пород брали, взвешивали, за-
меряли, упаковывали, в город отсылали... Год прошел, и другой
прошел. Дело продвигалось не очень-то хорошо; хоть много руды,
да в ней железа мало. Не этого тагильские металлурги ждали.

Тут каменный Сторож стал кое-что понимать, решил на побочный клад в горе Гусева указать. Но геологам как раз новые приборы пришли – магнитной съемкой руду-то и нашли.

Геологи перед Москвой отчитались и радостной вести дождались. Из Москвы телеграмма летит: отличный качканарский магнетит! Ах, если б кто видел, как от радости геологи плясали: такой богатый клад разыскали! И Медведь-камень улыбался: в честные руки клад достался. Раз людям надо – так нате! Только над этой кладовой ученым подумать полезно: ведь в качканарской руде не только железо...

* * *

Разнесся клич по стране звонкий: Качканар объявляется комсомольской стройкой. На Валериановском разбили стан свой, командиром у них Семен Мальцев. Не сиднем сидеть сюда пришли – сразу гору штурмовать пошли. Как в набат, топорами о пилы проббили и вековую тайгу повалили. 27 мая 1957 года это было.

– Ой, как здесь плохо! – одна девчонка пропищала, ее комары доносили.

– Хорошо! – в один голос комсомольцы сказали.

Там, где теперь белокаменная контора комбината, среди липок палатки стояли когда-то. А в палатке жить несладко. Но все комсомольцы перенесли. Даже в Москве, в Кремле они всех удивили. Через несколько лет их за мужество Красным орденом наградили.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Так в старину говорили. В Качканаре все по-другому творили. Моментально в скалах взрывами создавали огромные ямы-котлованы. Тут за дело принимались мощные краны, массивные колонны закрепляли в стропа и ставили их на попа, сразу колонны балками скреплялись, в поднебесье серебристые корпуса поднимались.

Вечером в клубе медные трубы звучали, строителей награждали, «ура» героям кричали. И той девчонке за трудовую доблесть медаль дали!

А утром спозаранку надевали герои шапки-ушанки; похлопав рукавицами, с веселыми лицами, не зная простуд, лезли на обжигающую морозом высоту – дело небывалое завершать, чтобы руду скорее добывать. И вот в такую морозную стылость интересное дело случилось.

Железную дорогу в Качканар провели, тепловозы и вагоны под руду привезли, а путей в карьеры еще нет, а дело-то к весне. Железнодорожник Шалагинов Анатолий глядел на тепловозы с болью. Не-

ужели до осени ждать? Стал он думать и гадать. Вспомнил, как в детстве катался на обледенелой плашке, как лес на большие сани грузили и по ледяной дороге возили... И Анатолий с инженерами порешили: громадные сани-платформу соорудили, рельсы на нее уложили, тепловоз затащили, через реку из бревен мост намостили, ледовым бетоном скрепили. Десять тракторов в сани впрягли, моторы завели. Ахнул весь качканарский народ – ну, потеха! Тепловоз на сани, как генерал Топтыгин, прямо в карьер переехал. Такая уж наша рабочая статья – смекалки да живинки в деле не занимать.

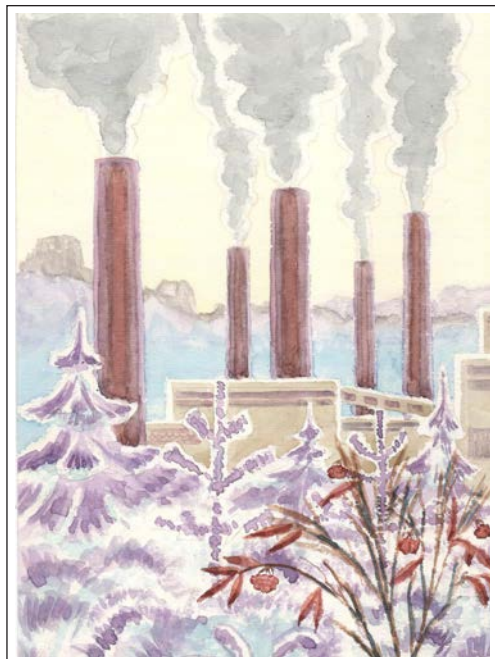
И вот, на удивленье заморских стран, построен в тайге комбинат-гигант. А вокруг Долгой горы, как ожерелье красавицы, город микрорайонами располагается, не найдешь, где начинается, где кончается. На проспекте высотные дома встали, словно друзья уральского горного хрусталя. Такого города, как на берегу качканарского моря, еще не видали, не случайно в газетах уральской Женовой его называли. В море синяя вода, паруса... Вот это да!..

Сказка продолжается.

Где ГОК начинается? Ну, конечно, там, где клад! Но с горы уж панцырь снят. Вот, например, Главный карьер. Здесь железо добывают. Скалы бурят и взрывают, экскаваторами грузят и – ду-ду-у!.. повезли дробить руду.

Вот всем на удивленье фабрика дробленья. По горе стоят три корпуса подряд, один другого выше. Подойди поближе, погляди внимательно, все здесь примечательно. В корпус поезд заезжает, сам думпкары наклоняет, камни прямо в зев ссыпает. Дробилка камни проглотила, заработала-замолотила. Главный корпус видно мало, чуть не весь в глуби он, в скалах, хотя в сорокаэтажный дом, в нем громадные машины и конвейер очень длинный. Но (удивляйся, коли хочешь) двое здесь всего рабочих. Оператор кнопки нажимает, всем процессом управляет, в телевизор поглядит – чик! – руда быстрее бежит.

Еще более удивительная фабрика обогатительная. Как пароход, она видна, не обойдешь и за полдня. И как на пароходе, стало быть,

построены всякие палубы, на них чудо-мельницы, стержневые да шаровые, руду в порошок растирают, магнитом железо отделяют – и железный порошок концентратом вниз потек.

В цехе шихтоподготовки, как на кухне, очень ловко в бункер концентрат всыпают, всяких специй добавляют: известь, коксик, бентонит – только пыль столбом стоит!

Аглофабрика. Вот тут жарят, парят и пекут. Подивиться-то здесь есть чем: преогромные две печи днем и ночью жаром пышут, трубы – Качканара выше.

Фабрика окатышей, ты послушай, это надо же! В печах-

то ночью и днем газовым огнем прямо на тележке пекут железные орешки. Тот орех не раскусить, молоточком не разбить, и чем орех прочнее, тем люди веселее. Он не сладостью ведь стал, из него ведь варят сталь, из стали делают машины, краны, тракторы, турбины, экскаваторы, ракеты, пылесосы – все на свете!

Вот вагоны подъезжают, в них орешки насыпают. Семафоры замигнали, свет зеленый показали. Колеса на рельсовых стыках стучат, увозят окатыши и агломерат.

То, что в дело не пускается, просто шламом называется, водяной струей смывается и в хранилище сливается. Но про этот шлам у нас припасен особый сказ. Ты послушал бы с охотой. Шлам ведь вовсе не отходы. Знают пусть и стар и млад: то не склад, а целый клад. Так ученые сказали, они шлам тот изучали и такой дали ответ: в мире шлама лучше нет! Всем теперь известно стало: в шламе – будущее Качканара!

Все прослушал? Молодец! Сказке нашей тут конец.

Людмила РЕЙЗЕ

Родилась в 1947 году в пос. Федино Нижнетуринского района Свердловской области. Окончила среднюю школу в пос. Ис. Потом получила экономическое образование. Заочно училась в Московском университете искусств, закончила отделение станковой живописи, пишет картины. Десять лет жила и работала экономистом в Нижнем Тагиле, а потом почти два десятка лет – на Севере. В Качканар Людмила Павловна приехала в 1995 году. Работала экономистом на предприятиях города.

Сейчас Людмила Рейзе – администратор гостиницы «Октябрьская». Все качканарские годы занимается в литобъединении при газете «Качканарский рабочий». С юных лет пишет стихи и прозу. Интересны ее автобиографические зарисовки и рассказы о Севере. Очень любит природу. Самым красивым местом на земле считает Урал.

ОДИНОЧЕСТВО

Управившись со своим немудреным хозяйством, Анна присела у окна. Рядом на полочке, свернувшись клубочком, дремал кот. Было начало ноября. Уже несколько раз выпал снег, но быстро таял, оставляя на земле темные проплешины. «Что-то зима нонче припозднилась», – подумала Анна, с грустью глядя на тихо падающий снег. – Надо бы к Ванюше сходить, пока не намело, – сказала она вслух. – Чай, уж недели две не была у него.

Она привыкла к одиночеству и часто разговаривала сама с собой. Задремавший кот открыл глаза, но, убедившись, что говорят не с ним, сладко потянулся и улегся поудобнее.

Анна часто ходила к своему старшенькому: деревенское кладбище было недалеко. Придет, посидит, поговорит с сыном. Давно уже ушел Ванятка, а для материнского сердца всегда живой. На жизнь свою Анна не роптала, хоть и трудно было порой: и когда началась война, и после, когда не вернулся с фронта муж, остался лежать на чужой стороншке. Потом похоронила Ванятку, а там и младшенький, Василий, улетел из гнезда. Так и осталась одна-одинешенька.

Крепкие крестьянские корни давали ей силу, здоровье и долголетие. Не заметила, как перешагнула порог старости. А где начало этой старости и где конец? Анна задавала иногда себе такой вопрос, но ответа не находила. И она просто жила. С Богом в сердце просыпалась и с молитвой ложилась. Радовалась солнышку, что давало

жизнь; радовалась дождю, который поил теплую землю, каждую травинку; разговаривала со цветами, деревьями. Ей казалось: они понимали ее. Радовалась первому чистому снегу, что прохладой ложился на сердце; радовалась, когда осенью собирала урожай на своем небольшом огороде, тщательно готовилась к неласковой зиме: солила, мариновала. Припасала и грибочков. Ходила в ближний лесок. Понемногу, понемногу – глядишь, зимой радость. Вдруг приедет кто, а она поставит на стол грибочки соленые, да с горяченькой, рассыпчатой картошкой. Пирогов напечет. Правда, печет она сейчас нечасто, но по такому случаю уж расстаралась бы...

Анна не считала свои годы. Сколько уж лет прошло, когда на ее 75-летие приезжал с Севера сын с семьей! А теперь только письма от него, да и те все реже и реже. Болеть стал сынок, все больше по курортам теперь ездит. У сына уже внуки, но Анна по-прежнему тревожится за него: надорвал здоровье на своем Севере, оторвался от родного дома, отрубил корни – вот и здоровья нет. Так думала она, все чаще и чаще разглядывая потертые фотокарточки сына, внуков. Гладила их шершавой рукой, смахивала непрошенную слезу, катившуюся по темной, в глубоких морщинах щеке.

...Снег вдруг повалил крупными, тяжелыми хлопьями.

– Ну вот, дожидая еще до одной зимы, – вздохнула Анна, вглядываясь подслеповатыми глазами в белую мглу за окном.

Смерти она не боялась. Давно уже все приготовила к этому событию: и одежду, и деньги. Уйти в иной мир надо спокойно, считала она, не доставляя никому лишнего беспокойства. Одного боялась Анна: умереть в зимнюю стужу – хлопотно рыть мерзлую землю.

Анна зябко поежилась: опять болела спина, сорванная на нелегкой крестьянской работе. «Дровишек надо подбросить», – и, трудно встав, она подошла к почти протопившейся печке. Подкинула несколько поленьев, закуталась в теплую шаль, подаренную когда-то сыном, и прилегла. Разгораясь, поленья потрескивали, согревая тело и душу. В углу, под потемневшими иконами, тускло горела лампадка.

И вдруг Анна заметила, как в комнате, словно ниоткуда, появилась ее покойная мать, подошла к кровати и остановилась у изголовья. Лицо матери она видела смутно, но узнала ее по синей, в белый горошек кофте. Мать улыбалась Анне.

– Господи, господи! – торопливо перекрестилась Анна. Но видение не исчезло.

Отмахнувшись от него рукой и приподняв голову, убедилась, что не спит. Но мать стояла рядом, потом протянула к Анне руку, словно пыталась что-то сказать. За спиной матери Анне виделись еще какие-то силуэты.

– Вот и за мной пришли, – прошептала Анна и закрыла глаза.

...На другой день Антонина, соседка, заметила отсутствие Анны, всегда встававшей чуть свет и хлопотававшей по своему маленькому хозяйству. «Да и печь не топится, – подумала Антонина, снимая с гвоздя ключ, давно данный Анной «на всякий случай». – Уж не случилось ли чего?» – забеспокоилась соседка.

Анна лежала на кровати, непривычно вытянувшись, и оттого казалась большой. Одиноким дневной свет, проникавший через небольшое окно, освещал ее лицо. И Антонина заметила застывшую на нем легкую улыбку.

БУКЕТ КРАСНЫХ РОЗ

Звонок прозвенел в самый неподходящий момент, когда Лола с истинным наслаждением запихивала в рот остатки вчерашней пиццы. Звонок был настойчивый, и Лола, нащарив под столом шлепанцы и быстро дожевывая на ходу, нехотя протопала в прихожую.

Родители на выходные уехали на дачу. Лола ехать отказалась: слушать бесконечные мамины вздохи и нотации по поводу ее несостоявшейся жизни она не желала, предпочитая отдыху на природе общение с телевизором. Приход Андрея Лола исключила сразу же: праздники и выходные он всегда проводил с семьей. «Наверное, Лариску принесло», – размышляла Лола, открывая дверь.

Перед ней стоял высокий, элегантный мужчина. Большой букет красных роз придавал ему некую портретную завершенность и галантность.

– Извините, я к вашей соседке Веронике, – кивая в сторону двери напротив, немного смущенно сказал он и протянул Лоле букет. – А вообще-то я к ней вечером зайду.

Удивленная и не успевшая ничего сообразить, Лола бережно приняла этот великолепный букет.

Ее соседка Вероника недавно вышла замуж и уехала с мужем в свадебное путешествие. «То ли на Кипр, то ли в Турцию», – судорожно вспоминала Лола и, не зная, как поступить, только глупо кивала головой.

Мужчина улыбнулся и как-то по-военному, кивком головы попрощался и быстро спустился вниз. «Наверное, из бывших ухажеров», – подумала Лола, подыскивая вазу для цветов. – Интересно бы посмотреть на его лицо, когда бы узнал он, что его возлюбленная порхает где-то в теплых краях в объятиях другого, – позлорад-

ствовала Лола, но розы и их тонкий запах вызвали в ней прилив нежности и добрых чувств. – «А может, он родственник или просто знакомый», – отогнала она потаенные мысли.

Водрузив цветы в центре стола, села на диван и долгое время завороченно смотрела на прекрасный букет. Это была ее мечта, мечта всей юной, а потом и взрослой жизни. Она мечтала, как встретит любовь и однажды Он придет с огромным букетом роз и предложит ей руку и сердце. Но шли годы – мечта медленно таяла, и дарили розы не ей.

В свои тридцать лет Лола считала себя несостоявшейся и безнадежно отмахивалась, когда родственники предлагали познакомиться ее с каким-нибудь потенциальным женихом. Все больше комплекса и теряя надежду выйти замуж, Лола теряла интерес к себе. Лишь редкие и краткие встречи с Андреем частично заполняли ее сердечный вакуум. Обычно после его поспешного ухода она допивала в одиночестве вино и, потягивая одну сигарету за другой, еще долго всхлипывала от жалости к самой себе. Постепенно свыкнувшись с ролью второго плана, Лола тихо и безропотно увядала.

Вспомнив вновь о незнакомце, она ужаснулась, представив, как нелепо выглядела она, с этим невообразимым пучком на голове, в своем привычном и заметно выцветшем халате и растоптанных шлепанцах. Подойдя к столу и потянув носом благоуханный запах, Лола решительно направилась в ванную. Потом еще долго приводила себя в порядок, искоса и виновато поглядывая на букет. Какая-то неведомая сила заставила ее преобразиться, стать достойной этих шикарных роз, словно цветы были предназначены ей.

Вечерний звонок уже не застал ее врасплох. В дверях стоял он, теперь уже с букетом хризантем. Увидев преображенную Лолу, он явно растерялся и очень удивился: перед ним стояла обаятельная молодая женщина.

– А Вероники опять нет, – оправдывался мужчина, протягивая Лоле цветы и пакет с шампанским. – Не нести же все обратно...

Лола с удивительной для себя решимостью пригласила незнакомца войти: надо ему все объяснить, не за порогом же.

Вскоре они сидели за столом, пили шампанское. Лола узнала, что он познакомился с Вероникой полгода назад и у них завязался бурный роман. Потом он уехал в длительную командировку. Общались в основном по телефону, но скоро Вероника перестала отвечать на его звонки и письма.

Узнав о вероломстве и замужестве возлюбленной, Максим долго и молча курил и, наконец, заговорил:

– Я торопился к ней, я чувствовал, что Вероника не из тех женщин, которые умеют долго ждать. И знаете, Лола, я даже не разо-

чарован, – он помолчал, посмотрел на букет и вдруг неожиданно спросил: – А вы бы вышли за меня замуж?

Через пару недель Лола провожала Максима. Он, приобняв ее, что-то шептал, а она смущалась и преданно смотрела в его улыбающееся лицо. Расставались они ненадолго: впереди их ждал целый месяц отдыха на море – их медовый месяц.

КРЕЩЕНСКИЕ ГАДАНИЯ

Начинались новогодние праздники, и я поехала в деревню, мечтая насладиться чистотой свежего воздуха, покататься на лыжах. Но вот уже неделю стояли трескучие морозы, и я с тоской вынуждена была сидеть дома, есть бабушкины пироги и слушать рассказы деда. А рассказчик он был отменный и историй знал немало.

Старательно послунявив край газеты, скрутил самокрутку и, раскурив свою неизменную козью ножку, затянулся с прищуром и начал рассказ.

– Зима тогда выдалась шибко холодная, как и нонче. Ну, а рождественские да крещенские морозы самые лютые. В это самое время девки гадали. Соберутся ближе к ночи у кого-нибудь в избе и гадают насчет женихов.

Степка Вихарев от сестры своей узнал, что в крещенскую ночь девки собираются гадать в бане. И взбаламутил он нас с соседским Ванькой – и решили мы пошутковать. Я тогда еще молодым был, годков шестнадцати. Нарядились мы, значит, под чертей: намазали рожи сажей, полушубки повывернули, пострашнее чтоб. Ванька втихаря из дома браги принес, выпили для храбрости. Ну и пошли.

Дело к ночи, морозяка страшный, а нам хоть бы что, весело! Подошли к бане. А баня та – на самом краю деревни. Семины там жили. Оконце в бане светится, но заморожено все, ничего и не видеть. Прокрались к двери, слышим голоса: вроде девки там. Иван маячит мне: мол, давай лезь на крышу, Степка – к окошку. А сам у двери остался... Полез я на крышу да сорвался – и в сугроб. Хорошо, что банька низенькая. А снегу в том году было много. Снова полез. Пока до трубы добрался, полны пазухи снега набрал. В бане, слышно, притихли: видно почуяли неладное. А мы заранее договорились действовать по моему сигналу. Я свистнул (сигнал, значит, подал) и давай выть в трубу. Степка в окошко скребется, подвывает, а Иван на крыльце в дверь царапается. Страху мы, конечно, нагнали. Девки сильно испугались, одной потом плохо было.

Пошумели мы, значит, потом притихли, слушаем. В бане тоже тихо стало. И вдруг я услышал вой. Сначала подумал, что кто-то из ребят подвывает, для острстки. Но вой был явно не человеческий. Пригляделся: а за изгородью, почти рядом, волки, сначала один, потом другой. В голове мелькнуло: может, это собаки? Но один из них опять завыл, подняв морду. А ночь лунная. Их хорошо на снегу-то видно. Стало жутко. Думаю: слезу с крыши – и они накинутся на меня. Ребята, как они потом сказывали, тоже испугались. В ту холодную зиму волки несколько собак в деревне загрызли.

Ладно... И вдруг дверь бани шумно распахнулась – девки вылетели с визгом и бегом к дому. Я кубарем скатился с крыши, застрял в снегу. Страх так меня сковал, что еле я выбрался. Передо мной мелькнула чья-то тень, потом еще. И вдруг я с такой легкостью перелетел через забор, что рядом с калиткой. Выбежал на дорогу, смотрю: впереди вроде Степка с Ванькой маячат. Я за ними. Потом один из них куда-то исчез. Услышал я собачий лай и приостановился. Но, увидев бегущего за мной зверя, сиганул с еще большей скоростью. Так быстро никогда больше в жизни я не бежал.

Бегущая впереди фигура метнулась к калитке какого-то дома и мигом скрылась за ней. Мне бы бежать следом, так нет, безотчетный страх гнал меня дальше. А дом мой был на другом краю деревни. Бегу. Чую: зверь вот-вот настигнет! И не знаю, каким чудом оказался я на дереве близ дороги. Сажу почти у самой верхушки и боюсь глянуть вниз. Отдышался немного и сразу почувствовал холод. А мороз был градусов тридцать, может, и больше. Чувствую: голова мерзнет. Шапки нет, да и валенок почему-то только на одной ноге, а сам я весь мокрый: вывалялся в снегу-то да и бежал на скоростях, взмок весь.. Руки ободрал, когда лез на дерево, и теперь они будто примерзли к стволу, варежки я тоже потерял. Нога без валенка неметь начала, волосы на голове звенели, как льдинки. Сколько времени прошло, не знаю. Думал: конец мне пришел, а ведь я и не пожил еще...

И вдруг услышал собачий лай, осторожно глянул вниз. Ярко светит луна. Вижу сквозь ветки: собака вроде. Это был соседский рыжий пес... Не знаю, как я слез тогда с дерева, как добрался до дома. Неделю потом провалялся на печи в лихорадке. Валенки-то на второй день под деревом нашли, а шапку – у баньки, в клочья изодранную: волки, видать, постарались. В деревню-то их собаки не пустили...

Вот так-то, милая! На всю жизнь запомнил я ту крещенскую ночь...

Дед замолчал, снова раскурил потухшую самокрутку и, прищурившись, жадно затянулся.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Проснувшись, Алла сладко потянулась. Какое счастье! Наконец-то она в отпуске. Сын отправлен в деревню к бабушке. Муж, тоже отпускник, на даче, пристраивает веранду к домику.

– Все, с сегодняшнего дня занимаюсь только собой! – эту мечту Алла лелеяла давно, с завистью поглядывая на Елену, стройную и всегда элегантную подругу.

– Для начала гимнастика, водные процедуры, – она загибала пальцы, – потом, а что потом? Да, диета, маски, сходить в парикмахерскую. Недели хватит, – планировала Алла, поднимаясь с постели.

Подойдя к зеркалу, стала внимательно изучать себя.

– Ну и ну! Монстр, настоящий монстр! А морщин-то! – ужаснулась она, критически оглядев свое отражение в зеркале.

– Надо походить к косметологу...А что он, собственно, сделает? На затылке их узлом завяжет?... А шея! Как у гиппопотама! А ведь была шейка, которую муж нежно целовал и мурчал при этом: «Мой котенок!». А теперь уж не мурчит, а только сопит, – раздражаясь то ли на себя, то ли на мужа, подумала Алла, продолжая свой придирчивый осмотр. Скользнула взглядом по месту, где должна быть талия, – Бревно! Целлюлитное бревно! – сделала она заключение и начала зарядку.

Потом приняла душ и «села» на диету, которую ей посоветовала подруга: только яблоки и минералка. После скромного завтрака включила телевизор. Стреляют, убивают – это сейчас не для нее: не хочется никакого негатива. Намазав лицо сметаной, занялась генеральной уборкой. Делала все с удовольствием, не спеша. Впереди целый отпуск. Хватит рвать и метать. Пора вспомнить, что она женщина, а не просто кухарка, прачка и кто еще там, не говоря уж об обязанностях жены и матери.

Мысли переключились на мужа. «Жарится там на солнце, – подумала жалостливо. И сразу же злорадно: – Ничего, пусть повкалывает, а то всю зиму давит диван, да пятки чешет. А я круглый год как белка в колесе», – пожалела она себя.

Алла смыла с лица маску из сметаны.

– А волосы-то! Не волосы, а пакля! Просто Баба Яга... Нет на Ягу, пожалуй, не потяну: жирновата, – и она снова принялась разглядывать себя в зеркале. Потрогала нос – крупноват. – Может, сделать пластическую операцию? Например, греческий нос. Или небольшой, вздернутый: он придаст лицу молодость... Да, – вздохнула Алла, – нашей зарплаты хватит только на то, чтобы вырезать гланды.

...Переделав все дела и утолив, наконец, жажду во сне, она почувствовала себя отдохнувшей. Появилась легкость, но при этом

обострилось чувство голода. На яблоки она уже смотреть не могла. Истекал пятый день ее затворничества. В зеркале она видела себя с прежними пышными формами, но заметно побледневшую.

– Куда-то глаза провалились, щеки опали, – недовольно ворчала она.

– А живот, кажется, чуточку спал, – она погладила себя по животу, который в этот момент жалобно заурчал. «Эх, сейчас бы жареных котлет, да с картошечкой», – и Алла остро почувствовала этот несуществующий, но аппетитный и манящий запах. От таких мыслей еще больше захотелось есть.

– Ну и ладно! – она смирилась с результатами своей, как ей показалось, неудачной акции и с тем, что до конца жизни придется носить на себе эти лишние килограммы.

– А ничего! Ленчик меня и такую любит, – и, ухватившись за эту мысль, как утопающий за соломинку, Алла легко вздохнула.

«Интересно, чем он там сейчас занимается? – с накатившей вдруг тоской подумала о муже. – Может, поехать завтра к нему? – Алла сладко зевнула, укладываясь в одинокую кровать. – Прополки уж, наверное, полно, да и клубника вот-вот поспеет. Все! Завтра же еду на дачу! К черту все диеты!.. Да и по грядкам наползаешься – никакая гимнастика уже не нужна», – еще раз убедившись в правильности своего решения, Алла заснула.

Утром быстро собралась, зашла в магазин за продуктами, прихватив бутылочку хорошего вина. Хотелось порадовать Ленчика. А через пару часов она уже входила в дачную калитку. Алла оглядела прополотые, залитые солнцем грядки. Со строящейся веранды доносился веселый стук. И ее буквально захлестнула теплая волна радости и обыкновенного женского счастья.

– Хорошо-то как!...

Сергей СПЕХОВ

Родился в 1951 году в г. Камышлове. Закончил Камышловское педагогическое училище. Работал в школе города Камышлова. В 1979 году переехал в Качканар. Работал на Качканарском радиозаводе. В 1992 года – директор типографии «Скиф». Все качканарские годы дружит с литобъединением «Лукоморье». Печатался в газете «Качканарский рабочий», журнале «Урал», альманахе «Золотая строка» (2009 и 2010). В издательстве «Спецкнига» в 2009 году вышла его повесть «Признание в любви».

ОТПУСК В ГЛУХОМАНИ

Глава 1.

Старуха была сухая, как жердь, черная и горбоносая. Через плечо у нее были перекинuty две котомки. Пропуская мотоцикл, она отошла с дороги на обочину. Я остановился и предложил ей сесть в коляску моей «Явы». Старуха взглянула на меня так, что мне стало не по себе. Но она, словно почувствовав это, тут же отвела взгляд, подумала немного и неловко села в коляску. «Не бери в голову, старуха как старуха», – мысленно успокоил я себя, включил скорость, и мы покатали дальше.

На окраине деревни Темновки, конечного пункта моей поездки, пассажирка громко закричала: «Стойте, стойте!..» Я остановился. Старуха проворно вылезла из коляски и направилась к старой, заброшенной церкви. У церкви стояла красивая иномарка, возле нее толпились какие-то люди. Я подумал, что отремонтировать собрались, но по бабкиному поведению догадался, что наоборот – ломать.

Бабка призывала рабочих прекратить работу и грозила им божьей карой, если они не сделают этого. Бритоголовый, крепкого телосложения мужчина, в кроссовках и спортивном костюме, взял бабку под руку и подвел к мотоциклу.

– Не шуми, старая, – сказал он с ухмылкой, – никому твоя церковь не нужна. Мы разберем ее на кирпичи и построим людям дома. Это благое дело. Бог нас простит.

– Нехристи, – ворчала бабка, садясь в коляску, – помяните мое слово, накажет вас бог.

Остановившись у бабкиного дома, я помог ей выйти и вытащил из багажника ее узелки. В окне за занавеской мелькнуло девичье лицо, но рассмотреть его я не успел.

– Храни тя господи, – поблагодарила старуха и пошла к себе, продолжая ворчать и насылая божью кару на «нехристей».

В Темновку я приезжал последний раз лет пять назад со старшими братьями. Мы рыбачили и охотились на озере, которое называется Темное. То ли я был тогда меньше, то ли деревня была больше, но сейчас она показалась мне совсем заброшенной. Добротных хозяйств почти нет, многие избы брошены и стоят с заколоченными окнами, ферма по краю деревни совсем развалилась. В общем, впечатление удручающее.

Вдруг на лавочке у последнего домишки я увидел симпатичную девушку примерно моего возраста. Из озорства я посигналил и пристально посмотрел на нее.

Девушка вздрогнула и, как мне показалось, даже подалась в мою сторону. «Ну, явно тоскует о добром молодце», – нехорошо подумал я и, добавив газу, лихо помчался дальше.

О Темном озере ходили недобрые слухи. Дескать, не то тут леший балует, не то еще что-то. Одно время даже поговаривали, что в озере живет гигантский змей. Одной из причин появления этих слухов было то, что со дна озера выделялся какой-то газ.

Представляете: сидишь в лодке, а рядом как забуллит!.. А, если заночуешь на берегу, то действительно кажется, что в озере кто-то плещется и тяжело вздыхает. Да случайно еще птица какая-нибудь пронзительно закричит – и у слабонервного человека фантазия может разыграться не на шутку. Но у меня нервы крепкие, да и силой бог не обидел, так что я за себя не беспокоился.

Озеро со всех сторон окружало болото, но дорогу я знал. В озеро впадала речка Шаманка, и часть пути можно было проехать вдоль нее на мотоцикле, а оставшуюся часть преодолеть на резиновой лодке.

Напротив устья Шаманки возвышался сухой островок, поросший низкими раскидистыми соснами, и все редкие рыбаки и охотники, добравшиеся до этих мест, находили приют на нем.

Проехав сколько возможно вдоль речки, я остановил мотоцикл, накачал лодку и, погрузив в нее имущество, поплыл вниз по течению.

Давно собирался я приехать в эту глушь, насладиться настоящей рыбалкой. Каждое лето пытался выкроить хоть недельку времени, но все не удавалось. Уж больно я был занятой человек. То соревнования, то тренировки, то дома помогал по хозяйству. Но этим летом, наконец, выкроил несколько дней для отдыха на первозданной природе.

Причалив к островку, я вытащил на сухое место вещи, установил палатку и сделал место для костра.

Оборудовав бивуак, я принялся рассматривать в бинокль озеро. Оно было небольшое, примерно два-три километра в длину и полкилометра в ширину. Местами берега густо заросли камышом. Кругом плавали многочисленные утиные выводки, изредка небольшие стайки пролетали над озером. Самые смелые подплывали совсем близко к берегу, где я сидел. Вот такая природа мне нравилась. Разве можно сравнить это с пригородной рощей?!

Если бы не выделявшиеся изредка огромные пузыри какого-то газа, то вообще была бы полнейшая идиллия.

Приготовив для утренней рыбалки снасти, я достал ласты, маску и немного поплавал, освежившись на сон грядущий. Рыбачить не стал. Настоящая рыбалка – это дело святое, торопливости и суеты не терпит. После купания запалил небольшой костерок и, наскоро поужинав, лег пораньше спать.

Глава 2.

На другой день я встал до восхода солнца, взял снасти и поплыл к кустикам камыша, облюбованным еще вечером.

Клев был замечательным. К девяти часам я уже причалил к берегу, заварганил рыбацкую уху и занялся засолкой рыбы.

Пообедав и вздремнув в тенечке, я снова поплыл на то же место, где рыбачил утром. Посидев с полчаса, я вдруг явственно почувствовал, что за мной кто-то наблюдает. Беспокойство овладело мной. Может, недобрый человек скрывается в укромном месте. Я продолжал рыбачить, внимательно осматривая берега. Прошло еще полчаса. Нигде никого не было, но чувство тревоги все нарастало.

Посидев еще несколько минут, я решил плыть к берегу. Вдруг рядом с моей лодкой сильно забурлило, со дна поднялся ил, и какая-то сила стала переворачивать лодку. Балансируя, я старался удержать ее на плаву. Но очень недолго. После очередного сильного толчка я вылетел в воду. И тут же в ужасе кинулся вплавь к спасительному островку. Мне казалось, что неведомое чудовище сейчас схватит меня за ноги. Думаю, что я побил все мировые рекорды по плаванию. Доплыв до островка, выскочил на берег и повалился, задыхаясь, на траву возле своей палатки.

Отдышавшись, стал наблюдать за лодкой. Некоторое время она была неподвижна, потом лодку закружило, завертело и, наконец, все та же непонятная сила увлекла ее в камыши.

Я приуныл. Что за чертовщина? Что за привидение? Вот откуда эти слухи... Но как мне отсюда выбираться? Можно бы вплавь, но я теперь боялся лезть в это проклятое озеро. Что делать? Еды у меня на неделю хватит. А вдруг за это время никто не приплывет? Может, плот?.. Топор есть.

Приняв решение, я взялся за работу. Свалил сухую сосну и стал рубить ее на три части.

Вдруг откуда-то издалека до меня донесся крик:

- Э – ге – гей !

Я ответил. Крик повторился. Я опять ответил. «Видимо, кто-то из братьев или местных мужичков решил подшутить, – подумалось мне, – сейчас на моей лодке подплывут».

Через некоторое время из протоки действительно выплыла резиновая лодка. Она была еще меньше моей и какая-то неуклюжая. Гребец направил ее к моему островку. Когда лодка приблизилась, я разглядел, что в ней сидит мой бывший одноклассник Боря Нефедов. Мы с ним очень дружили, и, хотя после школы виделись редко, он следил за моими спортивными успехами, собирал обо мне газетные и журнальные статьи и вообще относился ко мне с большим уважением.

– Привет, Саня! – радостно сказал он, выходя на берег. Мы обнялись. Я глянул на его лодку. Она была сделана из камеры от трактора «Беларусь». В середине стянута веревками, и веревками же привязаны самодельные деревянные весла. Дна не было.

Мы сели у костра. Я налил ему ухи. «Может, это его проделки?», – мелькнула у меня мысль. Но я тут же отбросил ее: Боря был неспособен на это.

– Ты как сюда попал? – спросил я удивленно у него.

– А, ты ведь не знаешь, – спохватившись, сказал Боря, – я сейчас в Темновке живу. Старики мои на пенсию вышли и переехали сюда. Тут раздолье, и покос, и поскотина... А у нас теперь скотины полон двор...

– Ну а на озеро-то как попал?

– Я тебя еще вчера у церкви узнал, да не успел крикнуть. Я ведь сразу понял, что ты на рыбалку. У тебя удочки-то лишние найдутся? Дома я уже предупредил, что ночевать не приду. Один-то я на ночь бы тут не остался. Ну, а с тобой не забуюсь. Я и девочкам еще вчера сказал, чтобы с рыбой нас ждали. Сказал им, что ты чемпион мира, они мне не верят. Принес журналы – все равно не верят. Веди, говорят, его сюда, сличим с фотографией. Ха-ха-ха...

– Так ты уже всей деревне рассказал? – спросил я его с укором.

– Да ну... Что ты... У нас всего две девочки на всю деревню и один парень – я. Первый парень на деревне! Ха-ха-ха...

– А из деревенских мужичков кто-нибудь знает?

– Обижаешь... Слушай, а где у тебя лодка-то? – Боря повертел головой, осматривая берег.

– Да вот... Ветром унесло, – почему-то соврал я, – дай-ка, кстати, я сплываю за ней.

Взяв у Бори его самодельную лодку, я потихоньку поплыл по озеру. Доплыл до камышей – все было спокойно. Подобрал свои удочки и весла. За камышами увидел перевернутую лодку. Подплыл к ней, торопливо взял на буксир и поплыл обратно. Боря, безмятежно развалившись на траве, щелкал семечки.

– Слушай, а для чего тебе эти бревна? – спросил он, показывая на мой плот.

«Вот, леший, увидел, – подумал я, – С умыслом он спросил или просто так? Может все-таки его штучки?»

– Да вот нодью думал сделать.

– Какую нодю?

– Нодью. Костер такой, охотничий, всю ночь горит.

– А... Ну что, сейчас порыбачим, или уж утром?

– Утром. Все снасти порвало и запутало. Приготовить надо.

Мы с Борей занялись удочками. Хорошо, что хоть удилица целые остались. Приготовив снасти, мы еще покаляли немного, обмениваясь новостями, и легли спать. Судя по легкому похрапыванию, Боря уснул, а мне не спалось. К тому же у меня опять появилось чувство нарастающей тревоги. Надо сказать, что у меня вообще было развито так называемое шестое чувство. Вот, например, если, ложась спать, я решил, что встану в семь часов утра или, допустим, в четыре – утром просыпаюсь точно в срок. На охоте, бывало, чувствую момент встречи с дичью. Или попаду в какую-нибудь передрягу – и заранее уже знаю, благополучно она закончится или нет.

Вот и сейчас, прислушиваясь к своим чувствам, я пытался понять, каков будет исход. Если верить чутью, то все должно кончиться благополучно. Это придавало мне смелости и желания выяснить, в чем же дело. Или это шутки местных мужичков, или в озере действительно живет какое-то животное.

Вдруг у самого берега раздался громкий протяжный вздох. Я взял нож и тихо вылез из палатки. Нигде никого не было. Может, у меня галлюцинация?

Я присел у палатки.

– Саня! Где ты? – раздался из палатки тревожный шепот.

– Здесь, до ветру пошел, – в тон ему ответил я.

Боря вылез из палатки, увидел в моих руках нож – и глаза у него округлились.

– Ты че? – спросил он растерянно.

– Не бойся, с ума не сошел еще. Садись. Расскажи что-нибудь.

Боря сел.

– Чего с ножом-то? Ходит кто-то?

– Не ходит, плавает.

– Где?

– Сейчас приплывет.

Действительно, словно услышав мои слова, что-то большое, бесформенное стало всплывать метрах в десяти от берега. Боря пополз назад. Я подумал, что он испугался, но он быстро приполз обратно, держа в руках весло.

Это, нечто бесформенное, шумно сопело и ворочалось с боку на бок.

– Славно порыбачили. Ха-ха-ха! – нервно засмеялся Боря. – Таньку бы сюда. Ей бы на пользу пошло.

Я встал на ноги. Чудище продолжало сопеть и ворочаться.

– Мужики! – сказал я в сторону озера. – Время позднее, хватит шутить, пора по домам...

– Ты чего? – спросил Боря. – Ты думаешь, что... Или чего?

– Все возможно. И тогда мы скажем, что сразу раскусили и насколько не боялись.

Подождали еще немного. В темноте было непонятно, что там за зверь плавал. Где хвост, где голова. И вообще, есть ли у него хвост и голова. От злости и обиды я схватил бревно, припасенное для плота, поднатужился и метнул в водяного лешего. Бревно тяжело плюхнулось, немного не долетев до шевелящейся массы. Чудище засопело еще сильнее и скрылось под водой.

Мы сели с Борей на землю. Понятное дело, что на сон нас уже не тянуло. Боря стал рассказывать про свои любовные приключения. Не знаю, насколько правдиво, но интересно. А я ему рассказывал о своей последней поездке в США. Правда, рассказы наши мы иногда перебивали нелестными эпитетами об этом чудище. Так мы просидели часов до трех утра. Пора было и на рыбалку.

– Ну что, пошли? – я посмотрел на Борю.

– А ты не боишься, что у тебя опять лодку ветром унесет? – сказал он, нажимая на слово «ветром».

– Но ведь без свежей рыбы стыдно будет на глаза девушкам показаться. Вчерашнюю я уже засолил. Ты пока оставайся здесь, на шухере, а я сплавлю на разведку.

На том и порешили. Я сел в свою лодку, взял на всякий случай ласты и поплыл на старое место. Клев был замечательный. Часа за три я наловил полный садок. Проголодавшись, поплыл обратно. Боря тоже времени не терял и рыбачил с бережка. Но у него была

в основном мелочь. Мы с ним сварили из мелочи свежую ушицу и позавтракали. Было еще только десять часов. Неплохо бы еще половить немного, чтобы хватило и нам, и девочкам.

– Ну что, поехали? – опять спросил я Борю.

– А, была – не была! – махнул он рукой, и мы столкнули обе лодочки в воду.

Я снова взял с собой на всякий случай ласты и маску.

Через часок у меня появилось ощущение, что за нами наблюдают.

– Боря, подплыви-ка ко мне, – позвал я. Мне пришло на ум провести один опыт.

Боря подплыл. Я перелез в его сразу осевшую камеру, и мы отплыли от моей лодки к камышам.

Через некоторое время случилось, как я и думал: вода сильно забурилась, со дна поднялась мути, и кто-то стал переворачивать лодку, но, словно по команде, прекратил это делать.

– Такое ощущение, что «оно» догадалось, что лодка пуста. И зачем столько мути, чтобы не видно было? А?.. – бормотал я, рассуждая вслух.

Боря смотрел на меня круглыми глазами и пожимал плечами.

Посидев с полчаса у камышей, мы торопливо подплыли к лодке, я перебрался в нее и мы так же торопливо поплыли к берегу.

Выйдя на берег и, более или менее успокоившись, стали гадать, что же это все-таки было. С одной стороны, как-то не верилось, что в наше время могут быть чудеса и лешие, но, с другой стороны, кто его знает... Сообщить об этом официально?.. А если ничего не найдут?.. Сказать в деревне, что нас напугал водяной?.. А если это местные мужички?.. Потом проходу не дадут. Скажут: «А еще чемпион!»

Решили пока плыть домой, никому ничего не говорить, еще это дело обмозговать и снова приехать сюда. Может быть, даже вооруженными.

Глава 3.

Родители Бориса были дома и встретили нас страшным известием. С церкви сорвался один из работников, что собирались ломать стены на кирпичи. Естественно, разбился насмерть. Мужичок-то был так себе, пьяница и лодырь, но ведь, что ни говори, – человек. Остальные мужики отказались работать на церкви. Да их никто и не уговаривал.

Приехали из прокуратуры, милиции и «скорая помощь». Но «скорая» была не нужна. Погибшего – Петра Михайлова – отвезли

в город на вскрытие. Вся деревня собралась у места происшествия. Одни утешали вдову, другие осуждали перестройку и «новых русских», третьи, наоборот, винили самого Петра. В общем, судачили каждый по своему разумению. И тут кто-то вспомнил «пророчество» бабки Варвары насчет божьей кары. И все разговоры сразу направились по этой теме. Жена погибшего стала настраивать женщин против Варвары и подбивать на месть. Одна она боялась идти к ней. Что было дальше, Борины родители не знали, так как ушли домой.

– Слушай, – сказал тревожно Боря, – одна-то девчонка, Ольга, как раз внучка этой бабки Варвары. Пойдем, сходим к ним на всякий случай.

Когда мы подошли к дому Варвары Егоровны, там уже стояла группа воинственно настроенных женщин и мужчин. Мужички были навеселе.

Варвара вышла на улицу. Жена погибшего бросилась на нее с кулаками и даже попыталась ухватить за волосы. Я бросился к ним и оттолкнул разъяренную женщину от Варвары Егоровны. Двое «подогретых» мужичков попытались меня отодвинуть в сторону, но я ухватил их за шиворот и тряхнул довольно крепко, но не настолько, чтобы унижить. Мужички поняли, что рука у меня тяжелая и шутить я не люблю.

Рядом со мной встали Борис и, откуда-то появившаяся симпатичная, с греческим профилем, черноволосая девушка. Взглянув на нее, я сразу понял, что она и есть внучка Варвары Егоровны. Однако мне совсем не хотелось доводить дело до потасовки.

Но бабка Варвара разрядила напряженную обстановку сама. Посмотрев на женщин своим пронзительным взглядом, она тихо, но твердо сказала:

– Может, кому-то из вас я сделала худо? Может, кому-то скотину отказалась направить? Идите с богом.

Женщины смущенно переглянулись и замолчали. Бабка Варвара пошла обратно в свой двор. В воротах она остановилась и, посмотрев на зачинщицу, сказала:

– А ты, Клавдия, в день похорон придешь ко мне.

Женщины посудачили еще немного и стали расходиться.

– Там Татьяна без нас скучает. – сказала черноволосая девушка, переводя взгляд то на меня, то на Бору.

– Да! Вот, знакомьтесь, это Александр, я о нем рассказывал... – смущенно проговорил Боря.

Девушка пристально посмотрела мне в глаза и крепко пожала руку.

Сначала зашли к Борису. Там я на правах главного рыболова разделил улов на четыре части. Захватив Татьянину долю, мы пошли к ней в гости. Это оказалась та самая девушка, которую я видел в день приезда. Так же, как в тот день, она сидела на лавочке у ворот дома. Ноги ее были обуты в валенки с калошами.

– Привет! – сказал Боря. – Вот, Татьяна, привел тебе настоящего чемпиона.

Татьяна с живым интересом взглянула на меня и, не вставая с лавочки, протянула руку.

– Ты знаешь, что Петро разбился? – спросил Боря, присаживаясь с ней рядом.

– Да, мама была там, рассказывала... Как вы думаете, это правда, что бог наказал? Все старухи говорят, что это Варвара Егоровна...

Татьяна запнулась и посмотрела на Ольгу.

– Старухи сейчас наговорят! – запальчиво воскликнул Боря. – Какая божья кара – пить надо меньше! Если мужики пьяные, то и Петруха был пьяный... Да и вообще они придурки. Они думают, что церковь, как коровник, можно разобрать на кирпичи и продать. Вроде деревенские мужики и должны знать, что церковь сделана руками.

– А я все-таки думаю, что связь есть. Конечно, он пьяный, но какая-то связь есть, – опять сказала Татьяна, – ведь как-то Варвара Егоровна лечит наговорами людей? Значит, что-то в этом есть. И скотину направляет...

– А что же она тогда ноги твои не вылечила? – сердито перебил ее Боря.

– Боря!.. – Татьяна умоляюще посмотрела на него.

Боря глянул на меня, почесал затылок и махнул рукой.

– А... Чего уж там... Все тут свои... Ну, извини, забылся.

Я все понял. Потому Таня и сидела в валенках, что у нее были больные ноги.

– Еще в начальной школе училась, – пояснила мне Ольга, – ее табун лошадей чуть насмерть не затоптал. От испуга ноги и отнялись. Бабушка моя пробовала лечить, но не получилось. Надо, говорит, опять напугать, тогда отойдут.

– Ага, – с сарказмом сказал Боря, – напугать надо. Чтобы и голова отнялась. Тогда она про ноги и думать забудет.

– Да ладно, ребята, перестаньте вы об этом, – тихо сказала Таня, не поднимая на нас взгляд.

Мы смущенно замолчали. Мне было стыдно, что я вначале нехорошо подумал о ней. Таня во всем доверялась своим друзьям, но сейчас перед незнакомым человеком ей было горько и неловко за свое несчастье.

– Ну ладно, кончай причитать, деланно бодрым тоном сказала Ольга. – Пошли к Боре телик посмотреть, скоро кино начнется.

– Нет, нет. Я сегодня не могу, мне некогда, – Таня с укором посмотрела на Ольгу.

– Ну ладно, чего уж там. Придумаем что-нибудь, – примирительно сказала Ольга.

– А почему к Боре, а не сюда? – спросил я, кивнув на крышу Таниного дома, где виднелась телевизионная антенна.

– А...- опять сказала Ольга. – Боря у нас такой мастер. Электрик, а телевизор отремонтировать не может.

– Слушай, точно, ты ведь в этом деле лучше! – Боря вспомнил, что я радиолубитель. – Посмотри... Вольтметр я сейчас принесу.

– Да неудобно как-то, – попытался возразить я.

– Что ты, что ты, не стесняйся...

Боря схватил меня за руку и потащил в дом.

– Тетя Маруся, вот мастера нашел. Через полчаса будем ваш телевизор смотреть, – Боря сунул мне в руки отвертку и убежал.

Хозяйка провела меня в передний угол, к тумбочке с телевизором, и убрала со стола посуду.

– Располагайтесь, пожалуйста.

Пока я снимал крышку, примчался Боря с маленьким чемоданчиком и измерительным прибором, называемым в простонародье цешкой.

– Вот, – показал он на чемодан, – кой-какие детали, может, пригодятся.

Детали действительногодились, но нечем было заменить неисправную лампу. Можно было сделать что-то одно: или звук, или изображение. Я мучительно соображал, что же придумать. Вот друг Боря. Похвастался, а я выкручивайся.

– Слушай, Боря, хоть из-под земли достань радиоприемник с УКВ. Боря сразу догадался, что к чему.

– Так я сейчас свою радиолу принесу...

– Оленька, – сказала тетя Маруся, – а ведь у нас в сарае радиола стоит. Так-то она исправна, только пластинки не крутит. Проигрыватель купили – ее и убрали.

Тетя Маруся подала Ольге ключи от сарая, и мы с ней пошли за радиолой. Войдя в сарай, я увидел, что там, закрытый аккуратно половиками, стоит «Москвич-401». Удивленно присвистнув, я стал осматривать машину. Она простояла тут не один год. Все покрылось толстым слоем пыли. Но прежде, чем ее сюда поставили, кузову был сделан капитальный ремонт. Подрамник и пороги стояли новые. Днище промазано мастикой. Снаружи машина была покра-

шена краской цвета «белая ночь». Но двигателя и колес на машине не было. Она стояла на березовых чурбаках.

– Это чья же такая военная машина? – спросил я у Ольги.

– Муж тети Маруси ездил. Хотел отремонтировать, да не успел...

– Ну, вы где так долго? – в сарай заглянул Боря. – Скоро кино начнется.

Я достал с полки радиолу, обтер с нее пыль, и мы вернулись в дом. Татьяна уже сидела в комнате на диване, на ногах у нее были теплые шерстяные носки.

Радиола действительно была исправна, и УКВ-диапазон у нее работал. Боря смастерил временную антенну, и мы так и смотрели: изображение по телевизору, а звук через радиолу.

После кино тетя Маруся оставила всех нас поужинать.

– Вы козье-то молоко пьете? – спросила она меня, обращаясь на «вы». – А то некоторые брезгуют.

На ужин было козье молоко и пироги с черемухой. Мы уплетали за обе щеки пироги и болтали всякую чепуху. Иногда я ловил на себе пристальный взгляд Ольги, но относил это на тот счет, что я, этакий неотразимый парень, конечно же, понравился ей. Разойдясь, я стал рассказывать о своем пребывании в Америке. Местами и приукрашал, конечно.

– Вам и в Америке довелось бывать?! – воскликнула тетя Маруся и удивленно покачала головой. Потом вздохнула и добавила:

– А Танюшка у нас и в райцентре не бывала. Хоть бы раз съездить. Посмотреть. А то по телевизору только мир и видала...

И она опять вздохнула.

– Ну, так это не проблема, – перебил я ее, – хоть завтра махнем в район. А можем и в Курган, и в Свердловск. Правда, вчетвером на мотоцикле нельзя, но я машину найду. Да у вас же своя машина в сарае!..

– Ой, да разве это машина! – всплеснула тетя Маруся руками. – Этой машине, видно, уже не ездить.

– Ну, если он в машинах так же силен, как и в телевизорах, то через неделю она будет на ходу. А если Боря за лошадью сбегает, то и сегодня, – съязвила Ольга.

В машинах я разбирался не хуже, чем в телевизорах, тем более, что у моих родителей в свое время была такая же машина. Меня Ольгины слова задели за живое, я не выдержал и прихвастнул:

– Были бы колеса и хотя бы половина мотор – и через два дня мы на ней выедем!

– Стоп! – сказала Ольга и протянула мне руку. – Предлагаю пари. Колеса и мотор я беру на себя. Даю сроку три дня. Ну?

– Оля!.. – с укоризной посмотрела на нее Таня. Но меня уже занесло крепко. Я взял Ольгину руку и сказал:

– Я привык в Америке на шикарных машинах ездить. Если ты к этому сроку обивку внутри машины сменишь, то все будет готово. Ну?.. Материал мой...

– Я согласна. Боря, разбивай!

– Так ведь машина-то на мне, как вы поедете? – сказала тетя Маруся, явно стараясь выручить меня.

– Если на вас, то это еще лучше, чем я ожидал. Доверенность оформим. А на что мы будем спорить?

– Если твоя возьмет, то наградой будет мой поцелуй, – сказала Ольга. – Если не успеешь, то в тот же час уедешь отсюда. Пойдет?

– Пойдет. Боря, разбивай!

Боря разнял наши руки.

– Ну, где колеса и мотор? – спросил я с ходу.

Ольга, ни слова не говоря, открыла подполье, включила свет и спустилась вниз. Я последовал за ней.

Для меня это не было неожиданностью. Я так и знал, что если она уверенно спорит, значит, колеса и мотор есть. Но отступить я не собирался.

В подполье стояло пять колес на дисках и два колеса новых. По крайней мере, с виду новых. Судя по слою пыли, они тоже стояли тут не первый год. Я осмотрел их, попинал ногой и решил, что еще сгодятся.

– Боря, принимай! – крикнул я и стал подавать их наверх.

– Ну, теперь давай мотор, – попросил я, когда мы вылезли из подполья.

Ольга повела меня во вторую комнату. Там, опять же укрытый половиками, стоял в углу двигатель. Родной, четырехста первого. Но меня поразило не это. Вдоль стен стояли самодельные стеллажи с книгами. Для деревенского дома их было много. Несколько книжек лежало на маленьком столике у окна. Я посмотрел. Это оказались сборники стихов Игоря Шкляревского и Николая Рубцова. Лежали они тут, конечно, не случайно. Я взял сборник Рубцова и стал читать. На полях виднелись многочисленные пометки, видимо, Танины. Стихи я тоже любил и увлекся чтением.

Ольга тронула меня за плечо:

– Я в принципе не возражаю, но время идет...

Положив книгу, я поудобней ухватил мотор, поднатужился и вытащил его во двор. Ольга, широко открыв глаза, постояла секунду, потом бросилась открывать двери.

Вытащив мотор на улицу, я снова вернулся в дом.

– А переноска в хозяйстве найдется?

– Вы как подняли его, Саша? Его два мужика еле сюда затащили! – удивилась тетя Маруся, не сразу ответив на мой вопрос. – Переноска... Переноска есть, но ведь в сарае свет включается...

– Так ведь придется бегать бегом, а в сарае тесновато. Машину лучше во дворе поставить, – сказал я с улыбкой.

Я послал Борю за мотоциклом, а сам взял домкрат и стал устанавливать и накачивать колеса.

Боря приехал и загнал мотоцикл во двор.

– Боря, последняя просьба на сегодня. Сделай из жердей треногу, а сверху рычаг... А завтра ты должен в обед выкроить время, и мы поставим мотор... Чтобы быстрее объехать свои объекты, можешь взять мотоцикл. Ключи и палатку оставь...

– Ольга, смотри! – обратился я к Ольге. – Вот два симпатичных тента. Они небольшие, но хватить должно... Передние сиденья вот так закидываешь целиком, тут зашиваешь, а тут делаешь боковинки. А задние – еще проще. Верхняя часть прибивается вот здесь на гвоздики. А сбоку, вот так, зашивается. Поняла?

Ольга посмотрела, помолчала, потом спросила:

– А на дверках надо заменить?

– Желательно, но успеешь ли?

– Ладно... Не нужна мне твоя палатка. Я все поняла и все сделаю. Завтра займусь.

Ольга с Борисом ушли по домам, а я занялся мотором. Работы было много, и я провозился часов до двух ночи. Для экономии времени я и ночевать решил здесь, а не у Бори. Тетя Маруся устроила мне постель на веранде, там же на столе стоял и ужин. Умывшись и поужинав, я с наслаждением вытянулся на прохладной постели. «Вот тебе и рыбалка», – подумал я. Но я не каялся. Я чувствовал, что все это делается не зря. Что все это для чего-то нужно.

Глава 4.

Утром я встал ни свет ни заря. Выпил стакан молока, оделся и нырнул под машину. Почему-то так получалось, что основную работу приходилось делать именно лежа под машиной. Часов в восемь меня окликнула тетя Маруся:

– Саша, покушайте горяченьких пирожков с грибами.

Я вылез из-под машины. Тетя Маруся в одной руке держала литровую банку с молоком, а в другой тарелку с пирогами. Обтерев руки ветошью, я принялся за еду.

– Ну, как, Саша, успеете? – участливо спросила тетя Маруся. – Ох уж эта Ольга! И зачем вы только согласились. Машина старая, ее уж и сделать-то, наверное, нельзя... Ох, ты господи! Вот ведь жизнь моя какая, – перевела она разговор на другую тему. – Танюшку-то лошади напугали, у ней ноги-то и отнялись. А тут муж: вечером лег спать, а утром не проснулся. Сердце. Управляющим был. Хозяйственный и строгий, при нем дело-то шло. А сейчас что? Молодежь... Утром к восьми, а в пять уж домой... Так Танюшку и не лечили. Тут не лечат, а куда-то ехать, так и не знаю куда. Да и денег где взять? И скотину на кого? О-хо-хо... Ох уж эта Ольга! – опять она заговорила про Ольгу. – Ведь сколько за ней парней бегало. Всех отшила. Чего-нибудь вот так придумает, они не могут сделать, а она над ними смеется. Михаила, завклубом, за медведем посылала. А Степана заставила на гитаре учиться играть, а у него лапища-то как раз что у медведя. Ох уж эта Ольга!..

Тетя Маруся посетовала еще на Ольгу, взяла у меня банку с тарелкой и пошла хлопотать по хозяйству.

Теперь я понял, почему Ольга заключила со мной пари. И для меня было делом чести выиграть его. Но, признаться, стало даже обидно, что испытание она придумала такое легкое.

Часов в одиннадцать примчался Боря. В коляске торчала какая-то конструкция с колесами. Он затащил ее в дом и на этой штуковине вывез Таню во двор. Оказалось, он специально для нее сделал коляску. Подойдя ко мне, Боря сказал:

– Ну, давай говори, что делать, я насовсем оторвался.

Мы выкатили с ним машину за ограду, и Боря начал ее мыть.

Прибежала Ольга. Принесла большой отрез синего вельвета.

– Вот, как считаешь, подойдет?

– Отлично подойдет. А костюм из чего сошьешь?

– Ничего, я денежная, куплю что-нибудь.

Ольга с Борисом принялись вдвоем отмывать машину от многолетней пыли.

Вымыв машину, снова закатали ее во двор.

Мы с Борей принялись за установку двигателя, а Ольга стала примерять и раскраивать материал. В пять Ольга ушла на дойку. Оказывается, она работала дояркой. Но в восемь вернулась, и снова взялась за работу вместе с нами. Провозились до позднего вечера. Мы с Борей установили двигатель, радиатор, подсоединили бензо- и маслопроводы. Ольга сшила чехлы на сиденья.

Вечером все вместе собрались за столом.

– Ты смотри... Я думала дело быстрее пойдет, – начала сетовать Ольга. – Торопилась, торопилась, а дверки не успела обшить.

– Теперь представь, сколько у нас работы.

– Представляю... Ну, куда поедem, когда сделаем?

– Да такая старая машина, хоть бы по деревне разок прокатиться и то ладно, – опять с недоверием сказала тетя Маруся.

– По пустякам и заниматься не стоит, – возразила Ольга и вопросительно посмотрела на меня.

– За машину ручаюсь, – ответил я на ее молчаливый вопрос. – Я думал: хуже будет. Подшипники еще не одну тысячу километров пройдут. Потом жигулевский карбюратор поставим – она и зимой с пол оборота заводиться будет... Ты, Таня, тоже не веришь в нашу затею?

Я посмотрел на Таню, желая вовлечь ее в разговор.

– Я боюсь верить, – серьезно сказала она, – для меня это слишком важно. Настроюсь, а вдруг...

– То-то я чувствую, что вокруг меня какие-то отрицательные волны носятся, – решил повернуть я разговор на шуточный лад. – Кто это, думаю, колдует и тормозит мою работу? Так и решил, что это Ольга. От бабушки научилась.

Посидев еще немного и поболтав на разные темы, мы разошлись. Спать я лег вовремя, так как чувствовал, что машина к сроку будет отремонтирована. Однако утром встал рано и сразу принялся за дело.

В обед пришли Ольга и Боря. Боря посадил Таню на заднее сиденье машины и стал помогать мне. Ольга с заговорщическим видом ходила возле нас, загадочно поглядывая то на Таню, то на меня, наконец, сказала:

– Тут у меня на работе спрашивают, как зовут мужа Татьяны?

Таня побледнела и закусилa губу, чтобы не заплакать.

Боря сначала засмеялся, потом помрачнел и сказал:

– Так ты что там?.. Не могла им объяснить?!

– Объясняла. Не верят. Говорят, мы видим, как он по-хозяйски взялся за дела...

Мы видели, как горько сейчас Татьяне. Как горько и как больно. Чем ей помочь, мы не знали. Ольга была уже не рада, что сказала это. Боря ругал последними словами деревенских женщин.

Действительно, вот ведь как все повернулось. Чужие люди стали мне родными. Вместо легкого времяпрепровождения я взялся за трудную работу. Но я чувствовал необходимость и важность всего того, что сейчас делал. Какой-то внутренний голос мне подсказывал, что во всей этой истории таится глубокий смысл.

Из дома вышла тетя Маруся в черном платке.

– Сегодня похороны. Я пошла, – сказала она.

Мы со своими делами совсем забыли, что в деревне несчастье. Решили тоже пойти, а вернее – поехать на похороны. Девчата вдво-

ем уселись в коляску мотоцикла, и мы все вместе поехали к дому погибшего.

Там уже толпился народ. Двора, как такового, у дома не было. От улицы усадьба отгораживалась легкой изгородью из жердей. Из таких же жердей были сделаны и примитивные ворота. Стойка ворот крепилась к столбу хомутами из проволоки. За домом стояли конюшня и сарай. Не поймешь, где кончается двор, а где начинается огород. В этом дворе-огороде стояла запряженная в телегу лошадь. Четверо мужчин вынесли гроб с телом и поставили на телегу. Вдова припала к гробу и стала громко причитать:

– Ах, на кого ты оставил меня, кормилец ты мой!.. Да я за тобой была, как за каменной стеной!.. Да кто же теперь будет сено косить?.. Да кто же нам новую конюшню поставит?..

Плакала она долго. В ее причитаниях сквозила явная нарочитость. Слушать ее было неловко.

– В Большой театр ее надо, – сказал негромко Боря.

Наконец женщины догадались и оттеснили ее от гроба. Один из родственников взял под уздцы лошадь и повел ее со двора. Перед воротами лошадь остановилась и попятилась назад. Мужик прикрикнул на нее, но лошадь не слушалась. Мужик, вконец рассердившись, стал хлестать лошадь кнутом. Лошадь хрипела, вставала на дыбы, но в ворота не шла. Люди в недоумении и тревоге переглядывались, но что делать – не знали. Клавдия не шумела, не возмущалась, а удивленно смотрела то на лошадь, то на гроб. Одна из женщин подошла к ней и сказала:

– Клавдия, а ведь Егоровна велела тебе прийти к ней в день похорон. Все сразу вспомнили об этом и заговорили:

– Верно... Верно... Говорила... Иди, Клавдия...

Клавдия, подталкиваемая женщинами, пошла за бабкой Варварой. Минут через десять они вернулись вместе.

– Проси принародно прощения, – сказала Варвара Егоровна.

Клавдия в замешательстве оглядывалась на людей, ища в их лицах сочувствие и поддержку.

– Проси прощенья, Клавдия, – опять сказала ей та же женщина. – Хоронить-то ведь надо.

– Ну, прости меня, Егоровна! – развела руками Клавдия. – Век больше не обижу!

Варвара Егоровна подошла к воротам, что-то пошептала и перекрестила их.

– Ведите, – сказала она мужикам, повернулась и пошла домой.

Тот же родственник взял лошадь и боязливо повел ее к воротам. Она спокойно вышла на улицу. Все захоли и снова удивленно за-

судачили о бабкином колдовстве. И до самого кладбища тихонько шушукались, обсуждая странное происшествие.

Похороны были простые, деревенские, без музыки и речей. Правда, на поминках Клавдия хорошо всех угостила. Мужички, добравшись до дарового питья, набрались так, что забыли причину возлиания и уходили домой чуть ли не с песнями.

После похорон мы вернулись к Татьяне и продолжили ремонт машины.

– Учитывая обстоятельства, я добавляю тебе три часа времени на ремонт машины, – вроде бы шутливо, но с намеком сказала Ольга.

– Хорошо, учту, – в тон ей ответил я.

Таня под впечатлением увиденного на похоронах опять, как день назад, сказала:

– А все-таки, я думаю, что тут какая-то связь есть.

– Что-то есть, – сказала тетя Маруся, – вот ведь она умеет скотину направлять. Да и людей может лечить. Помните, у Митьки-то нога гнила – ведь направила. Все зажило – бегает парнишка. А женщины к ней приходят мужиков приговаривать?.. Как-то ведь делает?

– Ольга, ну признайся честно, ты ведь наверняка знаешь, как это делается? – состроив просительную мину, спросил Боря.

– Да я ведь ничего особенного не знаю. Напрасно вы думаете, что бабушка меня чему-нибудь учит.

– Ловлю на слове, – сказал я. – Ничего особенного не знаешь, но что-то все-таки знаешь?

– Ну, конечно, иногда поневоле становлюсь свидетелем, Димку при мне лечили. Натопили баню, бабушка вошла в нее, выставила окно, мать подает Димку в окно, бабушка берет его и приговаривает: «Подают удобу, беру доброго...» Ну, там еще что-то наговаривала, но я уже не слышала. Три раза так сделали, и Димка поправился... А тут как-то тетка Ульяна пришла и говорит, что кто-то на ее козу порчу напустил. Вместо трех литров молока стала давать только два стакана. Просила козу направить и узнать, кто это сделал. Бабушка ей велела налить молока от этой козы в сковородку и «жарить» его часов с пяти утра. И тот, кто напустил порчу, придет к ней. И точно, пришла тетка Зина и призналась во всем. А бабушка велела козу снова направить. Или вот еще знаю: если недавно купленная корова там, или еще кто, плохо будет себя чувствовать, то надо у прежних хозяев взять из конюшни подстилки, принести к себе, рассыпать и сказать: «Соседушка – буканушка, люби мою скотинушку, пои ее, корми...» И скотина направляется... А если вот надо поссорить мужа с женой, то берут собачью и кошачью шерсть и подсовывают им под крыльцо, а еще лучше под постель и приго-

варивают, мол, пусть такие-то живут как кошка с собакой. А если, наоборот, кого-то приговорить надо – то... Но тут совсем нехорошо. Мне и говорить-то стыдно.

Ольга замолчала.

– А вот, Оленька, помнишь? – спросила тетя Маруся. – К Татьяне Фоминичне стал покойный муж являться?.. Варвара Егоровна что-то сделала, и все наладилось. А вот с Еленой что-то не получается? А? Ты с Еленой-то вместе работаешь, поди, говорили чего?

– Да... – задумчиво протянула Ольга. – Елена тоже говорит, что покойный муж к ней по ночам является. И ведь что только ни делали: и наговорами пробовали, и углы крестили, и солью обсыпали, и маком... Ничего не помогает.

– Лечиться ей надо, – сказал Боря, – просто у нее сильное нервное потрясение. Твоя бабушка не от того ее лечит, потому и не получается.

Я склонен был поддержать Борю, но во многом Ольга была права. Какая-то связь между мистикой и реальностью есть.

В пять часов Ольга убежала на дойку.

Мы с Борей занялись машиной. Прокачали тормоза, поставили мотоциклетный аккумулятор и отрегулировали зажигание. Я был уверен, что машина к выезду готова. Уверенность моя основывалась на достаточном опыте.

Глава 5.

Ольга, пришедшая с работы часов в восемь, застала нас сидящими на лавочке и скучающими от безделья. Она глянула на наши невозмутимые, как у индейцев, лица и сразу все поняла.

– Заводили?

– Контрольный срок наступит завтра. Завтра и заведем, – невозмутимо ответил я.

– А... А если не заведется?

– Обижаешь.

– Ну, тогда... Ну, тогда... – Ольга замялась, нахмурилась и вдруг выпалила. – Ну, тогда поехали на танцы. У нас танцы в пятницу и субботу. Как раз и съездим. Ведь завтра мы на машине в Свердловск едем?

Ольга вопросительно посмотрела на меня. Я сделал жест рукой, обозначающий: будь спокойна, за нами не встанет.

– Поехали, Таня! – повернулась Ольга к ней. – Прокатимся. Танцы до одиннадцати, еще успеем. Ты посидишь в коляске и посмотришь, как мы бесимся. Поехали!

Таня обвела нас всех по очереди взглядом, подумала и тихо сказала:
– Поехали.

Пока Ольга помогала Тане одеться, мы с Борей переставили обратно на мотоцикл аккумулятор. Усадив девчонок в коляску, заехали к Боре – переоделись сами.

На центральную усадьбу приехали почти в десять часов. Танцы были в разгаре. Мы с Ольгой купили билеты и пошли на площадку. Боря с нами не пошел, остался с Таней. У Ольги оказалось много знакомых, ее со всех сторон приглашали составить компанию. Но она взяла меня за руку и, прижавшись к плечу, провела к самой сцене. Танцевала она неплохо, умело и раскованно. Я же начал вяло, хотя танцевать умел. Мы с братом Виталием в свое время были участниками художественной самодеятельности и даже дипломантами областного смотра. Сейчас брат стал профессиональным певцом, а я спортсменом.

Ольга подошла к музыкантам и что-то сказала.

– Дамский вальс! – громко объявили в микрофон, и музыканты заиграли классический вальс.

Ольга подошла ко мне. Я принял ее вызов, и мы закружились по площадке. Молодежь нынче вальс танцевать не умеет, поэтому кроме нас на танец никто не вышел. Но мы не ударили в грязь лицом ни перед людьми, ни друг перед другом!

После вальса Ольга сразу скисла, и мы вышли с площадки к мотоциклу. Вдруг Ольга опять ухватила за мою руку и положила голову на плечо. Таня смущенно и удивленно посмотрела на нее.

– Тренируется к завтрашнему расчету, – перехватив Танин взгляд, сказал Боря. – Завтра мне свидетелем придется быть...

К нам подошел здоровенный парень. Я начал, наконец, кое-что соображать. Вспомнил рассказ тети Маруси и догадался, кто это. Парень поздоровался со всеми за руку. Когда очередь дошла до меня, я решил поозорничать. Пожав ему руку, я очень серьезно сказал:

– Здравствуйте, Степан. Мне Оля много о вас хорошего рассказывала...

Ольга резко вскинула на меня взгляд и стала медленно краснеть.

– Понятно, – буркнул парень, повернулся и пошел.

– Ты... Ты откуда знаешь? – запинаясь, спросила Ольга.

– Парагвайская разведка донесла. А вот фотографию Михаила доставят только завтра.

Ты Боря, Михаила-то знаешь?

– Как не знаю. Вон он с гитарой слева...

– А, теперь еще кое-что прояснилось. Давай, Ольга, поспорим на два поцелуя, что я лучше Михаила спою. Прямо сейчас попрошу гитару и выйду вместо него на сцену. Ну?

Я протянул ей руку.

– Боря, разбей.

Ольга пристально посмотрела мне в глаза. Она не могла понять, действительно я умею петь или беру ее на «пушку». К тому же она не знала, что делать: то ли обидеться на меня, то ли обратить все в шутку. Наконец она махнула рукой и сказала:

– Поехали лучше домой, мне завтра в пять на работу.

Всю обратную дорогу Боря подшучивал над Ольгой. Мол, могла оконфузить аж самого чемпиона мира, и не хватило решительности.

Но Ольга уже не обижалась, а смеялась сама над собой.

Приехав в деревню, я остановился у Ольгиного дома, но она сказала, что выйдет последней. Удивившись, я проехал на другой конец деревни. Боря взял Таню на руки и понес в дом.

– Теперь меня отвези, – сказала Ольга. – Какой ты ей-богу негодливый. Я ему свидание назначаю, а он высаживает.

Не доезжая до ее дома, я выключил мотор и накатом подъехал к воротам. Откинув брезент, взял ее за талию, приподнял и поставил на землю. Хотел еще, как бы случайно, прижать к себе, но выходка моя не удалась. Ольга миролюбиво, но твердо отстранила меня рукой и сказала:

– Не надо, рано еще это. Мы ведь даже по-настоящему и не знаем друг друга. Учились в одной школе, а не знаем...

– Разве мы в одной школе учились? – удивился я.

– Да, но я была младше, и ты меня не замечал. Ну а твой портрет всегда висел на Доске почета. Значит, тебя знала хотя бы по этой причине. Но взгляды твои не ловила. Да я же тогда совсем малявкой была. Но один случай помню. Я уже восьмой класс заканчивала, а ты где-то в Свердловске жил и в нашей школе не учился. Но портрет твой по-прежнему висел. Ты в ту зиму чемпионом среди юношей стал... Это мне Боря уже сейчас растолковал... И вот сидим мы на уроке, на дворе весна, окна открыты, мы не учительницу слушаем, а на улицу глядим. Ты же помнишь, школа на пригорке стоит, из окон далеко видно. Вдруг вдали на дороге показался мотоциклист. Лешка Губин смотрит в окно и вполголоса говорит: «Не меньше сотни идет. На повороте почти лег.... Так только Шурик Лукьянов повороты проходит...» А Мишка Воробьев как закричит: «Ребята, Шура приехал!» Все парни вскочили со своих мест, да и выпрыгнули прямо через окно на улицу. А учительница молодая, растерялась и молчит. Тут и девчонки одна за другой выбежали из класса, правда, через дверь. Учительница бросилась за ними. Я осталась одна. Посидела, посидела, да и вылезла тоже через окно. Подошла к дороге, а тебя старшие ребята окружили со всех сто-

рон, руку жмут, потом кто-то крикнул: «Качай чемпиона!» – и начали подкидывать вверх. А уже чуть ли не вся школа высыпала на улицу. Уроки явно сорваны. Смотрим, директор идет. Все притихли. Ребята начали расступаться, и как-то так получилось, что меня вплотную притиснули к тебе. А наш суровый директор подходит и говорит: «Саша, родной ты наш!.. Вот и в нашей маленькой деревеньке вырос герой!» И обнял тебя. Потом, не стесняясь, вытер платком слезы и, обращаясь ко всем, сказал: «Ребятки, еще два урока проведем, а потом соберемся в совхозной столовой. Посидим за чаем, а Саша нам расскажет о другой жизни». А я смотрю на тебя, ты стоишь смущенный, но все равно какой-то весь ладный и красивый. И вот тогда у меня всколыхнулось что-то в душе, и мне захотелось стать самой красивой в мире и что бы ты заметил меня. Но ты ушел с директором, так и не посмотрев в мою сторону. И потом нам не удалось повстречаться, потому что наша семья уехала в Норильск... Маме захотелось иметь большие деньги... В Норильске устроились хорошо, но не по душе мне там было. Не поступив после десяти классов в институт, вернулась сюда, к бабушке. Вот и все.

Ольга замолчала, потом снова заговорила каким-то изменившимся голосом, делая длинные паузы:

– Я вот что хотела... Я хочу у тебя спросить... У тебя есть девушка?..

– Девушки у меня нет, – ответил я, не раздумывая.

– Как же так? – переспросила Ольга и недоверчиво посмотрела на меня.

– Какие уж тут девушки, – сказал я серьезно. – Дома не нахожусь: то сборы, то тренировки, то соревнования. Честное слово, не до девушек.

Ольга глубоко вздохнула, протянула мне руку и тихо сказала:

– Ну, давай прощаться. Видишь, какое хорошее у нас свидание получилось. Короткое, но содержательное.

Мне показалось, что она еще что-то хотела сказать, но не решилась и, уже отойдя к воротам, еще раз обернулась и помахала мне на прощанье рукой.

Глава 6.

Выспаться мне опять не удалось. Я проснулся от каких-то подзвучивающих стуков и криков. Прислушавшись, узнал голос тети Маруси:

– Что вы делаете?.. Злодеи... Откройте!.. Ведь уже год прошел... Я жаловаться буду...

Одевшись, я выскочил в сени. Тетя Маруся со слезами на глазах стояла у двери.

– Что случилось? – спросил я, застегивая на ходу рубашку.

– В прошлом году торговали машину. Я просила пятьсот, они триста надавивали... И больше не приходили... Сегодня пришли, подали пятьсот рублей... Я им стала объяснять, а они выманили меня в сени, сунули в руки деньги... Один заложил дверь на улицу, другой в дом... Через окно вылез...

– Так вы их знаете?

– Да Степан же... ‘

– Ах, вот в чем дело. Тогда они из политических соображений...

– Так ведь они знают, что в милицию я не решусь заявить.

– Как же выбраться из сеней?..

Тетя Маруся страдальчески развела руками.

Из сеней на чердак вела лестница, я взобрался по ней наверх и, не долго думая, выбил ногой из фронтона несколько досок. До земли было не так уж высоко. Придерживаясь одной рукой за карниз, я спрыгнул в палисадник, а оттуда к воротам. Парней оказалось трое. Один подгонял к дому «Запорожец», двое выкатывали «Москвича». Увидев меня, Степан достал из салона нашей машины заводную рукоятку. Водитель «Запорожца» встал возле своей консервной банки с монтировкой.

– Цепляй, Вася, цепляй, – сказал Степан, ехидно глядя на меня.

Третий парень достал буксирный трос и стал привязывать его к «Москвичу». Я оглянулся. В окно смотрела на нас Татьяна.

– Мужики, – решил начать я переговоры, – ведь через час приедет милиция и вам придется отдать машину...

– А вот проверим, если не пондравится, то через пару дней сами вернем.

– Тогда мне ваши действия что-то непонятны.

– Поймешь... Цепляй, Вася...

Вася встал на колени и начал привязывать трос к «Запорожцу». Двое остальных, прикрывая Васю, продолжали стоять с железяками в руках. Я решил выйти на дорогу и встать перед машиной. «Ведь не наедут же на человека».

«Запорожец» стоял наклонно на обочине дороги. Придорожная канава густо поросла конотопкой. «Если опрокинуть его в канаву, – замелькали мысли у меня в голове, – семьсот килограммов... Стоит наклонно... Поднимать не надо, только опрокинуть, парень я здоровый... Земля мягкая, трава... Кузов не помнется».

Двое парней сели по машинам. Степан с рукояткой остался стоять у троса.

Водитель «Запорожца» включил стартер.

Я подскочил к передней машине, собрал всю свою силу и, дико вскрикнув, перевернул ее в канаву.

У Степана выпала из рук заводная рукоятка и медленно отвисла челюсть. Я помахал рукой, чтобы из «Москвича» вылез водитель и отвязал трос от бампера. Закатив машину во двор, закрыл ворота и вернулся в дом.

Тетя Маруся вытирала слезы фартуком:

– Плохо, когда нет защитников. Старый да малый. Любой обидеть может. При живом-то муже не посмели бы. Ладно, свет не без добрых людей... Как они-то сейчас? Как бы они в милицию не заявили?

– Не заявят, – ответил я и добавил в шутку: – А заявят, так им же хуже будет. У меня брат прокурор, а дядя судья.

Тетя Маруся с недоверием посмотрела на меня.

– Правда, что ли?..

– Тетя Маруся!.. Не побегут они в милицию!.. А насчет брата и дяди – правда.

Тетя Маруся еще некоторое время смотрела на меня, потом открыла окно и закричала парням:

– Эй, басурманы! За деньгами в милицию придете!..

Парни, потупившись, молчали.

– Что, стыдно? – продолжила она. – Вот, наперед наука вам... Возьмите свои деньги...

Тетя Маруся бросила сверток с деньгами в окно.

Парни оживились.

– Спасибо, тетка Мария! – ответил Степан. – Мы ведь пошутить хотели. Мы бы вернули... Это все из-за... А... Прости нас, тетка Мария!

Парни перевернули машину на колеса. Она нигде даже не помялась. Но стартером завести они ее не могли.

– С толкача!.. – крикнул я им в окно.

Ребята послушно выполнили мой совет. Один сел за руль, двое стали толкать. Машина действительно завелась. Усевшись в нее, они покатали в сторону центральной усадьбы.

– Чего их в такую рань принесло?

– Так до работы хотели успеть,

– Ну и чем займемся, раз все проснулись? – я посмотрел на Таню. – Может, на озеро съездим?

– Я согласна, – Таня смущенно посмотрела на мать.

Позавтракав, я принялся за машину. Поставил опять аккумулятор и еще раз проверил всю систему зажигания.

Тетя Маруся вышла во двор и с волнением следила за моими манипуляциями.

– Господи, помоги! – сказал я, смеясь и обращая взгляд к небу. Включив зажигание, подкачал вручную бензин и начал энергично вращать рукоятку.

Мотор завелся почти сразу, звук выхлопа был ровный и устойчивый.

– Ой... Ну, слава богу! – радостно воскликнула тетя Маруся. – А почему нужно крутить? Раньше она сама заводилась...

– Это ничего. Это потом Боря доделает. Аккумулятор нужен. Старый давно испортился.

Закончив с машиной, я вымыл руки и перенес Таню в машину. Пока собирал снасти, лодку и кой-какую еду, машина работала на холостых оборотах. На слух все было в порядке.

– Ну, мы поехали! – крикнул я тете Марусе. – К обеду как раз и вернемся.

Выехав со двора, я на всякий случай сделал пару восьмерок на лугу за деревней и после этого повернул в сторону озера.

Глава 7.

До озера мы добрались благополучно. Причалив к островку, я посадил Таню на бревно от злополучного плота, приготовил удочки и дал одну ей. Часов в десять я предложил вернуться домой. Татьяна с сожалением отвела взгляд от поплавок.

– Ах, как не хочется уезжать... Хотя я и проголодалась... Может, мне больше не придется... И вообще...

Лицо ее стало грустным.

– Насчет еды можешь не беспокоиться. Все продумано.

Я подошел к машине и достал из рюкзака хлеб и молоко.

– А если ты не торопишься, то и я не тороплюсь. А если мы оба не торопимся, то давай-ка сообразим ущицу. Свеженькая уха, да на берегу озера... Эликсир!.. Котелок и все остальное у меня с собой.

– Но ведь нас там будут ждать?

– Думаю, что у нас более важная причина. Победителей не судят.

Я быстро разжег костер, набрал в котелок воды и повесил его над огнем. Затем принялся за рыбу.

– Давай я помогу, – предложила Таня.

– А у меня и второй нож есть, – я отдал ей складной ножичек, а сам достал из лодки большой охотничий нож, предназначение которого было понятно только мне.

Пока варилась уха, я решил все-таки искупаться. Надел ласты, маску, взял нож и пошел в воду.

– А нож-то зачем? – с улыбкой спросила Таня?

– А вдруг большую рыбину встречу, – шутливо ответил я, не раскрывая истинной причины.

Плывать на поверхности я боялся. Набрав воздуха, я нырял, чтобы видеть, что делается подо мной. Но ничего особенного не замечал. Поплавав немного, я вышел на берег и присел у костра. Татьяна, помешивая закипавшую уху, как бы невзначай, пристально разглядывала меня. Я перехватил ее взгляд, и наши глаза встретились.

– Ты что, парней на пляже... – хотел я сказать «не видела», но вспомнил о ее положении и неловко замолчал.

– Я на пляже с парнями – первый раз, – сказала она почти шепотом, отводя взгляд.

– Извини меня, пожалуйста...

– Вы ни в чем не виноваты.

Татьяна немного помолчала, потом подняла голову, глаза у нее были влажные.

– Так вот значит, какие настоящие мужчины... – сказала она, словно продолжая внутренний монолог. – Я ведь смотрела те соревнования по телевизору. Боря нам о них заранее сказал. У него только об этом и был разговор. Как он переживал!.. О вас много рассказывал, как учились, как дружили... А во время соревнований Боря сел на пол перед телевизором и прямо впился глазами в экран. Мы с Олей тоже у Бори были... А отец у него – такой забавный – и говорит: «А чего тут смотреть, я и так знаю, что Саня чемпионом будет. Эвон как он носится. Снег за ним, как за паровозом кружится...» А Боря разнервничался: «Так ты же его видел у нас дома. В районе-то ему, конечно, равных нет. А там ведь тебе не деревня. Там лучшие лыжники мира». А когда комментатор сказал, что все российские лыжники уже пробежали, но никто не занял первого места и что на лыжне только молодой, подающий надежды спортсмен из Свердловска, но и он отстает от лидеров – Боря заплакал. Мы его никогда таким не видели. Он ведь у нас вечно прикидывается таким вальяжным простаком... А тут опять на экране вас показывают. Рядом тренер бежит и что-то кричит. А комментатор пояснил, что вы идете на уровне третьего результата. Но до финиша еще половина дистанции... Но тут других лыжников стали показывать, но мы на них и смотреть не можем, ждем, когда вас покажут... И вот опять показывают. Комментатор сообщает, что молодой наш лыжник нашел силы увеличить скорость, и что если он еще поднажмет, то золотая медаль будет наша. А финиш уже близко и циферки на экране все бегут, бегут... Тут финишная черта, и только вы ее пересекли, как сразу упали. Показывают ваше время, а оно самое

лучшее. И в таблице ваша фамилия на первом месте... А тут снова вас показывают, вы уже на ногах и товарищи вас обнимают. Потом передачу повторяли, и мы еще раз посмотрели, уже спокойно. Боря пообещал, что летом обязательно нас с вами познакомит. И вот...

Таня, словно засмутившись своей откровенности, ненадолго замолчала, но потом снова спросила:

– Очень тяжело было, да? Или вы просто запнулись и упали?

Я ответил не сразу. Не так просто объяснить это непосвященному человеку.

– Нет, конечно, не запнулся. Выложился так, что сознание потерял... Видишь ли, выносливость, техничность и тактическая зрелость – все это, конечно, важно. Но ведь на таких соревнованиях у всех высокий уровень подготовленности. И успех зависит еще и от стартового номера. Тренеры нашли, что у меня воля к победе развита несколько сильнее, чем у других. Причем, чем больше трудностей передо мной, тем больше я собран и упрям... Понимаешь, все спортсмены делятся на четыре группы по уровню подготовленности, и каждая страна получает по одному номеру в группе. Сильнейшие стартуют последними. И по жребию в группе сильнейших нам достался почти последний номер. Это важно, потому что время противников будет известно. Сначала в группу сильнейших тренеры хотели поставить Ивлева. Это очень сильный лыжник. Но если у Ивлева что-нибудь не ладится, он начинает нервничать и сбиваться с темпа. И тренеры поставили меня, хотя я самый молодой. А Ивлев бежал в числе первых и занял третье место... Это я говорю о тридцатке, где стал чемпионом. Возможно, Ивлев считал себя обиженным, хотя этого ничем не показывал. Но тренеры доказали свою правоту. На пятнадцатикилометровой дистанции я бежал первый. Самый первый. Очень трудно вести этот караван асов, а Ивлев бежал в группе сильнейших. Но если ты помнишь, я был вторым, а Ивлев – третьим. Правда, Ивлев взял золото на десятке. Впрочем, тут много и других факторов, но это длинно и неинтересно.

– А расскажите, как вы пришли к этому? Ведь чемпионами не сразу становятся.

– Да что ты меня все на «вы» называешь? Я ведь не старше тебя.

– Нет, нет, я пока не могу по-другому. Расскажите...

– Да, в общем-то, все случайно получилось. Я с детства любил спорить с девочками. Как с Ольгой. Вот в пятом классе и поспорил с одной, что закончу шестой класс на «отлично» и научусь играть на пианино. Старшие братья мои учились в институтах и оба были мастера спорта. А по деревенским понятиям это – ого го! Я же до пятого класса ничем особенным не выделялся. Вот она и

посмеивалась надо мной. На пианино у нас денег не было, поэтому родители купили мне аккордеон. И я все лето на нем пиликал. А осенью поступил в музыкальную школу на вечернее отделение. И почти каждый вечер ездил за семь километров на занятия. Летом – на велосипеде, зимой – на лыжах. В общем, с той девчонкой у меня не было времени дружить. Я и так был парень крепкий, а тут еще ежедневные пятнадцать километров. В результате в восьмом классе я был чемпионом области по лыжам и велосипеду. В девятом классе я уже был чемпионом страны среди юношей, жил в Свердловске у брата, который получил к тому времени квартиру. Ну, правда, в день накручивал уже не по пятнадцать километров, а побольше. В десятом классе я стал чемпионом Европы среди юношей. Вот... Десять лет назад чемпиону мира было двадцать шесть лет, пять лет назад – двадцать четыре. Ну а мне двадцать два. Молодеют чемпионы...

– Я не поняла, вы пари проиграли или нет?

– Пари я выиграл. Шестой класс закончил на «отлично». На пианино худенько играть научился. Но девчонку ту я больше не встречал. Говорят, вышла замуж и уехала куда-то... Да что я все рассказываю, расскажи что-нибудь ты о себе!

– Что я расскажу? Что десять лет уже ходить не могу?

Лицо ее опять стало грустным.

– Ну, тогда... – я подумал о том, что наверняка не зря у нее так много стихотворных сборников. – Ну, тогда... почитай свои стихи!

Таня резко вскинула голову и посмотрела пристально мне в глаза.

– Откуда вы знаете? – после паузы выдохнула она. – Мама сказала? Ведь даже ребята об этом не знают!

– Никто не говорил. Сам догадался.

Таня растерянно смотрела на меня, не зная, как ей поступить.

– Страшно как-то. Я еще никому не читала, – гочти прошептала она. – Может быть? Это смешно, но если бы мои стихи печатались хотя бы в газете, я бы тогда не таилась. А так... Боюсь, что не поймут. В деревне совсем за дурочку считать будут.

– Я никому не скажу, пока ты не разрешишь.

Таня еще помолчала, потом решилась.

– Ну вот.... Про Ольгу...

Забытый, убогий лесной хуторок.
Вдали от проезжих, доступных дорог.
Невзрачная местность, болота, кусты.
За ветхой оградой погоста кресты...
Откуда такая красивая ты?

В домах старики да старухи одни
Свои доживают последние дни,
А многие избы давно уж пусты,
Завяли совсем на окошках цветы...
Откуда такая красивая ты?!

Таня дочитала стихотворение до конца и вопросительно посмотрела на меня, ожидая оценки.

– Скажу тебе прямо. Гораздо лучше, чем я ожидал. Боялся, что услышу безграмотный опус. Я считаю, что это неплохие стихи. Уверен, что наша «районка» их напечатает. У тебя много стихов?

– Ну ... около ста.

– Ого! Это же прилично! Давай съездим в райцентр к редактору газеты. Прямо сейчас ... Я с ним знаком.

– Прямо сейчас? – переспросила Таня с изумлением. – Нет, мне же надо подготовиться. Да я же от волнения и сказать ничего не смогу.

– А давай так. Ты подготовь подборочку, а я сам поговорю с редактором. Только ты побыстрее.

– Хорошо. Я согласна. Постараюсь побыстрее. Пора есть уху. Мы заболтались, она давно кипит.

После обеда Таня предложила рыбачить с лодки. Уж очень ей хотелось поймать крупную рыбу. Я попытался ненавязчиво ее отговорить, ссылаясь на то, что лодка маленькая, можно перевернуться. Но Таня настаивала.

– Неужели, если мы перевернемся, вы позволите мне утонуть? Я же знаю, вы этого не допустите.

Не решившись сказать о истинной причине моего беспокойства, скрепя сердце, согласился плыть в лодке.

На душе было тревожно. Но чувство здравого смысла подсказывало, что не должно в наше время водиться ни гигантских змеев, ни тем более водяных и чертей. Успокаивая себя таким образом, я иногда, незаметно для Татьяны, осматривался вокруг, чтобы не быть застигнутым врасплох.

И все-таки все произошло неожиданно. За грядой камыша, недалеко от нас вдруг раздался сильный всплеск, как будто в воду упало бревно. Я, не рассуждая долго, поднял якорь и поплыл к берегу.

– Что случилось? – тревожно спросила Таня, с удивлением глядя на то, что я даже удочки в воду побросал. Не отвечая ей, я налегал на весла.

– Смотрите! – испуганно воскликнула она, указывая рукой в сторону недавно раздавшегося всплеска.

Я посмотрел. Из-за камышей медленно выплывал огромный змей. Впереди над водой возвышалась его голова, размером с лошадиную. Далее, то появляясь на поверхности, то исчезая в глубине, мелькало круглое толстое тело. Кожа у змея была черная, блестящая с едва заметными светлыми пятнами. Он медленно повернул в нашу сторону. Затем, не останавливаясь и не меняя направления, плавно погрузился в воду. Кровь застыла у меня в жилах. Тупо соображая: “Нельзя допустить, чтобы лодка перевернулась...” – я надел ласты, маску, смочил в воде рубашку и намотал ее на левую руку. Татьяна с ужасом смотрела на мои приготовления. Выдержав некоторое время, я взял нож и прыгнул в воду.

Глава 8.

Почти сразу же я увидел мелькающие перед моим лицом такие же, как у меня, голубые ласты. Какой-то аквалангист толкал впереди себя хитроумную конструкцию, напоминающую морду змея, а следом, привязанная к обыкновенной веревке, плыла в вертикальном положении здоровенная камера от автомобиля.

Я чуть не задохнулся, вернее, не захлебнулся от обиды и гнева к этому змею.

Аквалангист, увидев меня с ножом, бросил свою конструкцию и пустился наутек. Я кинулся за ним. Я чувствовал, что плыву быстрее незнакомца, но мне приходилось тратить время на то, чтобы вынырнуть и вдохнуть свежего воздуха. Я бы наверняка отстал, но аквалангист сделал тактическую ошибку. Вместо того, чтобы вымотать меня, незнакомец поплыл прямо к противоположному берегу, видимо, к тому месту, откуда входил в озеро. Тут у самого берега я его и догнал. Увязая в илистом дне, я ухватил беглеца за плечо, резко повернул к себе и сорвал с него маску. На меня глянули испуганные знакомые глаза.

– Ольга?!

Я рванул замок молнии на ее комбинезоне и скинул с головы капюшон. По плечам рассыпались черные волосы...

Мы оба замерли на мгновение. Но я нашелся быстрее. Обняв ее, я поцеловал ее крепко в губы. Ольга прижалась ко мне и замерла. Я посмотрел на ее закрытые глаза и поцеловал еще раз.

– По-моему, это сверх уговора, – проговорила она шепотом и осторожно высвободилась из моих объятий. Потом подтолкнула меня тихонько рукой и, пряча взгляд, тихо сказала:

– Ну, иди... Иди... Я сейчас...

Я оставил ее и поплыл к лодке. Выплыв из-за камышей, я увидел, что Таня стоит на ногах, опершись на весло. Подплыв, я ухватился за борт, удивленно и радостно глядя на Таню. Она вяло улыбнулась и медленно опустилась на сиденье.

– Ну что там? Я думала, умру... – сказала она. Потом помолчала и добавила: – Про меня пока ничего не говорите нашим, ладно?

Занятый другими мыслями, я сделал неопределенный жест рукой, должный обозначать, что я все понял.

Таня, не понимая мое странное поведение, заглянула мне в лицо и снова спросила:

– Ну что? Как там? У тебя все в порядке?

– Ты не поверишь, – ответил я, покачав головой, – но это Ольгины проделки.

– Ольгины?! Как Ольгины? – недоуменно переспросила Таня.

– А вот сейчас покажу, – ответил я и нырнул на дно.

На дне лежала брошенная Ольгой «голова» чудища. Над ней, привязанная на веревочку, колыхалась камера от автомобиля.

Подхватив «голову», я вынырнул на поверхность и бросил ее в лодку. Рядом всплыла камера, выступая над поверхностью чуть-чуть одной стороной.

– Вот видишь, – указал рукой на поднятые предметы, – камера наполнена частично водой, частично воздухом, выступающая часть разрисована – тут ничего сложного. А вот с мордой, думаю, ей пришлось повозиться. Похоже, на металлическом каркасе укрепленна раскрашенная резина.

Я привязал камеру к лодке и сел за весла. Не успели мы причалить к своему островку; как из протоки выплыл Боря на своей самодельной лодочке.

– Куда вы пропали? – с ходу закричал он. – Я вас ищу, ищу ... Тетя Маруся сказала, что вы уехали на машине. Ольгу тоже не мог найти ... Я вот тут ружьишко прихватил, может поохотимся!

И Боря многозначительно посмотрел на меня.

Причалив к самому берегу, Боря увидел поверженного змея, замолчал и изумленно уставился на раскрашенную камеру. Некоторое время он хмуро переводил взгляд то на меня, то на колесо, потом помотал головой, словно стряхивая наваждение, и сказал, сразу обо всем догадавшись:

– Прошлым летом я выклянчил у мужиков для Ольги камеру от «Беларуськи» ... И я ведь, между прочим, знал, что она из Норильска привезла акваланг... А где она сама-то, кстати? Ты ее не убил?

– К счастью, обошлось. Совершенно случайно ей повезло. Сейчас явится.

– Ну, Ольга!.. Ну, дает!.. – Боря опять помотал головой, с сожалением посмотрел на ружье и сел на травку рядом с костром.

Поджидая Ольгу, мы не сводили глаз с озера. Боря не переставал охать и ахать, удивляясь Ольгиной проделке, и недоуменно поглядывал на Татьяну, которая не вступала в разговор, а сосредоточенно думала о чем-то своем. Лицо ее имело странное отрешенное выражение. Я мог только догадываться, какие чувства будоражили ее душу.

Из-за камышей показалась Ольга. Выйдя на берег, она сняла свое снаряжение и, оставшись в купальнике, под села к нам.

– Ребята, простите меня... Таня, прости ради бога!.. Я не знала, что ты здесь... Я как увидела, что машина к озеру поехала, так разозлилась ужасно. Вот, думаю, даже не дождался!.. И сразу кинулась сюда. У меня все тут лежало... А когда выплыла, то увидела, что вас двое... Нырнула и не знаю, что делать. А тут Саша с ножом. Ну, думаю, не разберется и пырнет со злости... Ребята, ну простите глупую бабу!.. Я больше не буду!...

Ольга нерешительно подняла на нас взгляд.

– Может, и к лучшему все, – не столько для нас, сколько для себя сказала негромко Таня.

Ольга непонимающе посмотрела на меня, но я ничего не ответил.

– Ольга! – ерзезно сказал Боря. – Как тебя Саня бревном не убил, просто диву даюсь.

Ольга подошла к бревнам и принялась поднимать одно из них. Приподняв конец бревна на метр от земли, она бросила его и, повернувшись ко мне, сказала:

– Ну и здоровый же ты мужик, оказывается, а так не подумаешь!

– Да таких, как ты, ему, пожалуй, с дюжину надо будет, – с намеком сказал Боря.

– Ой, ой, ой, смотрите-ка, что он у нас знает, – немного обиженно ответила Ольга

– Нет, Боря, – сказал я, поглядывая лукаво на Ольгу, – она моим здоровьем интересуется для того, чтобы узнать, можно ли меня на медведя послать. А то ведь прямо обидно. Думал, что испытание для меня будет заключаться только в ремонте машины. Словно я последний деревенский мужичонка. Но со змеем придумано здорово! Я, прямо скажем, потрясен! До сих пор отойти не могу. Но самолюбие удовлетворено. Вижу: уважают. Спасибо.

Я скорчил такую мину, что даже Таня прыснула от смеха.

Ольга подняла руки вверх.

– Ну ладно, ладно, сдаюсь. Безоговорочно капитулирую в связи с полным поражением. И еще раз прошу прощенья. Честное слово, больше не буду. С сегодняшнего дня остепенюсь.

Помирившись, мы снова принялись за уху.

После обеда рыбалка на ум нам уже не шла. Разве могут думать об удочках два парня и две девушки, если они находятся в жаркий полдень на берегу лесного озера? Если их взгляды случайно встречаются и взгляды эти о многом говорят.

Весь день мы купались и загорали. Нам было весело и хорошо. Каждое слово, сказанное кем-нибудь из нас и ничего не значащее для постороннего человека, казалось нам значительным и веским. Любая пустяковая шутка казалась остроумной и смешной.

Татьяна, подшучивая над Борей и смеясь над собой, попросила меня отнести ее в воду, и я весь день был рядом с ней. Я чувствовал, как она, стараясь казаться непринужденной, пробовала ходить по дну. И это ей удавалось. Наши тела соприкасались, наши губы были рядом, но я не позволил себе коснуться их, ведь глубокого чувства у меня не было, а ранить ее беззащитность и доверие я не мог. Татьяна смеялась, и было непонятно, то ли на глазах у неё слезы, то ли просто капли воды.

Глава 9.

«Москвич» для нашей компании оказался мал. Вещей набралось сверх всяких ожиданий. Девчата взяли чемодан с выходными платьями и туфлями. Боря принес большую сумку с едой, да Оли-на бабушка с Таниной мамой по сумке нам приготовили. Мы отказывались, но нам строго сказали: едешь на сутки – бери хлеба на неделю. Да, кроме того, девчата взяли теплые куртки, на всякий случай. Вдруг в дороге ночевать придется! А, глядя на них, и Боря прихватил куртку. В общем, собрались как на Северный полюс.

У меня и раньше мелькала мысль заехать домой и попросить у своих родителей «Волгу», а когда увидел горы вещей, то окончательно укрепился в этой мысли.

Так мы и сделали. Заехали сначала к нам, пересели из «Москвича» в «Волгу» и уже на ней отправились в Свердловск. Но я наметил еще одну остановку, о которой мои друзья не знали. Утром Таня передала мне несколько листочков со стихами, поэтому, как только въехали в райцентр, я остановился у здания редакции, но так, чтобы ребята не видели вывеску.

Редактору стихи понравились. Более того, одно стихотворение он обещал поставить в ближайший номер. А это означало, что когда мы приедем, газета уже выйдет.

Сделав и это дело, я, как говорится, со спокойной душой отправился в путь.

Когда выехали на загородную дорогу, я спросил у Ольги:

– Слушай, Ольга, хотя тема и закрыта, но все-таки спрошу... Прощлым летом милиционеров тоже ты напугала?..

– А ты им не расскажешь?

– Нет. Слово.

– Я напугала. Они потом всей деревне рассказывали, что в озере кто-то живет ...

– Я удивляюсь, как ты сама-то не боишься ночью по лесу шастать.

– Как не боюсь. Конечно, боюсь. Но я же прихожу по свету и знаю, что тут люди есть. А уж обратно ... Куда деваться, оглядываюсь, да бегу.

– Милиционеров ты тоже не просто так напугала? А?

– Да... Там один все хотел со мной познакомиться. Антонов у него фамилия...

– Хороший парень. Слышал о нем ...

– Но второй раз на озеро не пошел. И другие не пошли. Один ты пошел ... Но я же говорю, что это было последний раз. Последняя детская забава.

– Ничего себе, забава ... Хотя, если бы я находился в числе пугающих, а не пугаемых, то, возможно, думал иначе...

За разговорами и не заметили, как доехали до места.

Остановившись у подъезда, я вышел из машины и хотел взять Татьяну на руки, но Боря опередил меня.

– Па-азвольте мне, – сказал он театральным тоном.

– Четвертый этаж! – предупредил я его.

– Ничего, сдюжу!

Он поднял Таню на руки и пошел впереди нас.

Когда он поднялся наверх, шагая довольно легко и непринужденно, Ольга похлопала его по спине и, удивленно покачав головой, сказала:

– Ну, Боря, я и не подозревала, что ты такой силач!

– Да... Вот так проживешь всю жизнь рядом, а тебя и не заметят... А другие только приедут... Но я не ропщу, нет, не ропщу...

Я открыл дверь, Боря уверенно, словно не первый раз, прошел в комнату и посадил Таню на диван.

Принеся многочисленные сумки с домашней снедью, мы принялись за приготовление обеда. Сначала хотели перекусить на скорую руку, но Оля настояла отнестись к этому делу серьезно. Поэтому накрыли стол в комнате, достали хорошую посуду, я сбегал до киоска, купил цветов. Получилось очень празднично.

За обедом разгорелись споры о том, как провести нам эти два дня. Боря рвался в ресторан. Ольге хотелось попасть в театр, на ху-

дой конец, в цирк. Поскольку мой старший брат работал в музыкальной комедии, то с билетами проблемы не было, но вот как быть с Таней?

Таня, не желая быть обузой, уговаривала оставить ее тут одну. Ей было достаточно и того, что она уже имела.

– Слушайте, ребята! – начал опять Боря. – Хотя ты, Ольга, и считаешь, что ресторан – это вертеп, но у меня вот какие доводы за него. Во-первых, там можно вкусно поесть. Мы так не едали и, наверное, больше не придется. Во-вторых, там можно потанцевать гораздо лучше, чем у нас в клубе. Танцы, кстати, по твоей части, Ольга... В-третьих, там играет приличный ансамбль. А это, считай, и театр, и кино. Кроме того, у меня еще один довод за ресторан. Вот какой. Таня надевает свадебное платье, мы подъезжаем к ресторану на украшенной машине, я беру Таню на руки, заносу в ресторан и усаживаю за столик. Все это воспримут естественно. Жених и должен нести невесту на руках... Как смотрите на мое предложение? А?

Удивленные его предложением, мы только хлопали глазами и недоуменно переглядывались.

Боря помолчал немного и спросил Таню:

– Ну, а ты как смотришь на мое предложение? Они пусть себе пляшут, а мы будем на них смотреть. А? Смотреть на них будем...

Таня тоже не нашлась, что сказать, лишь беспомощно развела руками.

– Ну, вижу, принципиальных возражений нет, – сказал Боря и встал, – ты, Саня, обеспечиваешь ресторан, а я все остальное. Часа через два я буду здесь. Ждите.

Боря ушел. Мы посидели немного, потом я тоже встал и нерешительно спросил у девушек:

– Ну что, идти мне заказывать столик?

– Надо заказывать, Боря настроен серьезно, – покачала головой Ольга. – Только где он найдет платье – ума не приложу.

Я поехал в тот самый ресторан, где мы когда-то с братом пели и играли в эстрадном ансамбле. Брат был руководителем, и ансамбль неоднократно становился лауреатом областных и даже всесоюзных смотров. Поэтому я был уверен, что отдельный столик для меня найдется, хотя этот ресторан считался лучшим и попасть в него мог не каждый.

Войдя через служебный вход, я сразу прошел к ребятам. Незнакомых было только двое, остальные сразу окружили и начались взаимные расспросы о жизни, успехах и общих знакомых. Когда все утихомирилось, я изложил друзьям свою просьбу. Они замялись. Оказывается, в ресторане сменилось начальство. Андрей, руководитель ансамбля, махнул рукой и пошел к директору.

Вернулся он быстро и сказал, что дело улажено. Андрей опять замялся, что-то недоговаривая, но снова махнул рукой и повел меня к заведующей залом. Я заплатил деньги, поблагодарил всех и отправился домой.

Не успел я зайти в квартиру, как следом за мной появился Боря. В руках он с трудом удерживал многочисленные картонные коробки. Оказывается, он сумел где-то найти и купить все, что нужно для свадьбы, не забыл даже куклу и ленты.

– Значит так! – командным голосом сказал Боря. – Даю тридцать минут. Мы с Сашей идем украшать машину, а вы должны одеться.

– Боря, мы не успеем! – попыталась возразить Таня.

– Разговорчики в строю! – прикрикнул на нее Боря и притопнул ногой.

Мы взяли ленты, куклу и отправились украшать машину.

Украшение машины оказалось делом более сложным, чем нам представлялось вначале. Как мы ни торопились, но уложиться в тридцать минут не смогли.

Закончив свое дело, мы бегом, перескакивая через ступеньки, побежали к девушкам. Они тоже не были готовы, и нам пришлось их немного подождать. Когда девушки вышли к нам, мы с Борей не смогли удержаться от возгласов восхищения и удивления: так они были хороши собой и красивы. Все наши чувства к ним были написаны на наших лицах. Восхищенные их видом, мы не сразу поняли, что Таня стоит на ногах, хотя ее и поддерживает Ольга за руку.

– Ты ... сама?.. – спросил нерешительно Боря.

– Плохо еще, – ответила Таня и поморщилась.

– Тогда не будем отклоняться от выработанного плана, – сказал Боря, подхватил Татьяну на руки и направился к выходу. Нам ничего не оставалось, как последовать за ним.

Глава 10.

Столик для нас выделили в удобном месте. Не слишком близко к эстраде, но и не на камчатке.

Боря взял меню и сразу предупредил нас самым серьезным тоном:

– Выбирайте все, что вам нравится, я за все плачу. Прошу вас, не стесняйтесь.

– Боря, откуда у тебя такие деньги? – удивилась Ольга. – Ты ведь уже издержался порядочно.

– Но я ведь тоже работаю и как будто уже не первый год. Свадьба не каждый день бывает, можно и поиздержаться. Тем более что машина уже есть.

Боря сказал таким тоном, что мы не поняли, шутит он или говорит серьезно.

– Что-то Боря я совсем перестала тебя понимать. Или я изменилась, или ты, – сказала Ольга и помотала головой.

– Потом поймешь, а сейчас выбирай, что тебе нравится.

Подошла официантка, но, поскольку девчата ничего не могли назвать, Боря заказал чуть не все меню. Я попытался его образумить, но он повторил официантке, чтобы заказ был полностью выполнен.

Нам принесли закусок и мясных блюд столько, что не съесть и десятиерым. А фрукты, конфеты и вина буквально некуда было ставить.

Первый тост подняли за наше знакомство.

– Согласись, Ольга, – сказал Боря, – после встречи с Александром наша жизнь изменилась, я бы даже сказал: у нас началась новая жизнь!

Ольга энергично кивала головой, Танино лицо тоже выражало полное согласие с этими словами.

Потом пошли тосты за дружбу, за прекрасных дам, за настоящих мужчин... Я, верный своей привычке, не пил совершенно и ставил бокал на стол, лишь слегка пригубив, девушки тоже были сдержанны, один Боря, на удивление, опрокидывал рюмку за рюмкой, хотя совсем не относился к пьющим людям. Но еще более странным было то, что он не пьянел.

После очередного тоста мы пошли с Олей танцевать. Вернувшись, обнаружили, что с нашими друзьями произошли перемены. У них были странные, возбужденные лица. На вопросы отвечали невпопад.

Я подумал, что на них, наконец, подействовало вино, но позже мы поняли, что причина совсем в другом.

В один из перерывов между выступлениями ансамбля на эстраду поднялся круглолицый мужчина в строгом костюме и объявил:

– Товарищи, сегодня у нас в гостях бывший руководитель нашего ансамбля, ныне заслуженный артист России, лауреат многих конкурсов Виталий Лукьянов!.. Попросим его выступить для нас. И мужчина, подавая пример, захлопал руками у самого микрофона. Посетители ресторана активно его поддержали.

Андрей, положив гитару, бегом бросился к нашему столику.

– Саша, – торопливо заговорил он, склонившись надо мной, – честное слово, я ему этого не говорил. Я сказал, что ты теперь известный, тебя по телевизору показывают...

Все ждали. Пауза затягивалась. Надо было что-то делать.

– Иди к микрофону, – сказал я, – и сообщи, что я сейчас выйду, вот только доем люля-кебаб.

Андрей так и сделал. По залу пронесся доброжелательный смешок. Шутка моя прошла.

Ольга посмотрела на меня внимательно и тихо сказала:

– Сколько раз пыталась тебя оконфузить, а сейчас, если это случится, мне будет неприятно.

Я, делая вид, что действительно занят едой, соображал, как выкрутиться из этой истории. Брат мой действительно недавно получил звание заслуженного артиста, и естественно, мне так, как он, не спеть. Хотя для любителя пою вполне прилично. Но ведь среди присутствующих могут оказаться настоящие ценители музыки... Правда, я знаю несколько песен на итальянском языке ... Иностранный язык может скрыть мои недостатки в вокале и дикции. Может, рискнуть, заморочить окончательно людям головы? Ум мой еще не принял окончательного решения, но волна азарта уже захлестнула меня. Как на спортивных соревнованиях.

Я неторопливо вытер салфеткой губы, поднялся и уверенной походкой прошел через зал к эстраде.

– Уважаемые товарищи, – обратился я к присутствующим, – я недавно вернулся из гастрольной поездки по Италии. Там я пел наши песни, а вам хочу спеть итальянскую.

Зал притих в ожидании. Я спел песню «Итальянец». Недостаток умения был перекрыт силою чувства и страсти. Успех превзошел все мои ожидания. Аплодировали как в концертном зале. Просили спеть еще, но я извинился и сказал шутливо, что пришел сюда ужинать, а не петь. Отдав гитару владельцу, я вернулся за свой столик. Боря восхищенно покачал головой и крепко пожал руку. Ольга виновато посмотрела на меня и спросила:

– Ты, правда, сам пел, или все это заранее было подготовлено и записано?

– Вот Фома неверующий! – огорченно воскликнул Боря.

Я посмотрел на своих друзей и, призывая Таню и Бору в союзники, сказал укоризненно:

– Вот до чего может докатиться человек! Мужиков ни во что не ставит. Смысл жизни видит в том, чтобы всех их опозорить и унижить.

– Э, нет, нет, нет, – перебила меня Ольга. – Не всех. Вот к Боре я же нормально отношусь. Потому что он не корчит из себя чего-то эдакого. А остальные... Хоть здесь, хоть в Норильске. Строят из себя каких-то суперменов. Ведь на самом деле обыкновенные ребята. Так ведите себя просто и естественно. Так нет же... Вот мне и хочется посадить таких в лужу!

– Ну ладно, – возразил я ей, – признаю, что у меня есть этот недостаток: корчить из себя супермена, но ведь ты меня еще в глаза не

видела, а уже решила устроить испытание.

– Да, тут ты прав, – ответила Ольга. – Боря так тебя возвысил, что у меня, наверное, по инерции руки зачесались... Но зато теперь я у твоих ног, – Оля засмеялась, – и ты можешь строить из себя супермена. Я разрешаю.

– Философ, – сказал Боря. – Идите лучше танцуйте, а разговаривать будем мы.

Мы с Олей так и сделали. И в дальнейшем уже не пропустили ни одного танца.

Когда объявили о закрытии ресторана и народ стал расходиться, Боря опять вынес Таню на руках и усадил в машину. Но, подъехав к дому, Таня решила идти сама. Мы ее лишь слегка поддерживали для страховки. По ровному асфальту у нее получалось неплохо, но подниматься по ступенькам было тяжело. Однако она, задыхаясь и стиснув зубы от боли, сама поднялась на четвертый этаж.

Нам с Ольгой спать не хотелось, поэтому, оставив Таню и Борю отдыхать, мы отправились покататься по ночному городу.

Вернувшись, мы с удивлением обнаружили, что Боря и Таня, обнявшись, сладко спят в одной постели. Недоуменно переглядываясь, мы в нерешительности остановились около них. Словно почувствовав наши взгляды, Боря заворочался и открыл глаза. Следом за Борей проснулась и Таня. Они спросонья хлопали глазами и смотрели на нас, словно невинные младенцы.

– Ну, вы, ребята, даете! – покачав укоризненно головой, сказала Ольга. – Наше дело, конечно, сторона, но все-таки... Хотя бы не при нас. Вроде, у нас в деревне так не принято.

Она замолчала.

– А че? – забубнил невнятно Боря. – И вы справляйте свадьбу и женитесь. Все так делают...

Таня выпростала из-под одеяла руку, и мы увидели у нее на пальце обручальное кольцо. Ольга посмотрели на меня и беспомощно развела руками. Теперь мы поняли, о чем они разговаривали в ресторане в наше отсутствие.

Так нам с Ольгой и пришлось выполнять культурную программу вдвоем. Боря с Таней все два дня просидели дома и не ходили ни в театр, ни в кино.

Глава 11.

Быстро пролетели выходные дни. Пора было возвращаться домой. Я предложил приехать в деревню на «Волге», но Тане не хотелось

привлекать к своей персоне внимание. Пришлось снова пересест в старичка «Москвича» и вернуться так же незаметно, как и уехали.

Сначала зашли к Боре. Он, путаясь и заикаясь, рассказал родителям о своей свадьбе. Не давая опомниться, мы повезли их к Таниной маме.

После долгого оханья и аханья, слез и поздравлений, все, наконец, пришло в норму. Единственно, с чем родители были не согласны, это с просьбой молодых обойтись без свадьбы. Отец Бори категорически заявил, что лучше он продаст корову, чем обойдется без свадьбы. Сошлись на том, что хоть небольшую свадебку, но сыграют. Оставив родителей уточнять детали свадьбы, мы пошли к Оле в гости. Тем более что я у нее еще не был. Таня, слегка придерживаясь за нас с Борей, шла сама.

Домик у Оли и ее бабушки с виду казался старенький и невзрачный, но внутри было чисто и опрятно. На всех стенах висели пучки каких-то трав, и запах от них чувствовался даже во дворе. Варвара Егоровна, несмотря на свою суровую внешность, встретила нас очень приветливо. Увидев, что Таня, хотя и плохо, но идет на своих ногах, она радостно оживилась, но любопытства проявлять не стала, а усадила нас за стол и принялась угощать чаем, заваренным на лечебных травах.

– Ты бы, Олександр, уши-то ей надрал, когда на озере-то поймал, она бы, девка-то, и направились у меня, – проворчала беззлобно Варвара Егоровна, выслушав наш сбивчивый рассказ. – Но хоть она и боевая, но работающая и честная, взамуж-то ее брать можно ...

– Бабушка!..

– Так к этому, девонька, дело-то идет, к этому. Все равно за кого-то идти надо. Хоть за Олександра, хоть за кого-то другого...

– А ты, бабушка, погадай на Сашу. В следующую зиму он будет чемпионом или нет? Ну и про нас тоже ...

– Отчего не погадать. Можно и погадать. На всех погадаю, – Варвара Егоровна достала какие-то странные карты, с непонятными рисунками, продернула их через дверную ручку и начала гадание. Гадала она долго, ничего нам не объясняла, несколько раз выходила из комнаты вместе с картами, потом снова возвращалась и продолжала гадание.

Наконец, она отложила карты, села напротив нас и, подперев щеку рукой, поведала о результатах гадания.

– Начну с молодых. Жизнь у них сложится хорошо. Ты, Борис, скоро станешь начальником. Ты, Татьяна, тоже высоко взлетишь. Но еще не скоро.

– А дети будут? – осторожно спросила Таня.

– И дети будут, и счастье будет... А вот у тебя, девонька, хуже. Хотя тебе и нравится Олександр, но у вас ничего не получится ... Тебя, Олександр, ждет дальняя дорога. Семь лет ты не увидишь родного дома. Все тебя забудут, и только мать будет ждать и дождется. Много раз ты, Олександр, будешь на краю гибели. Много раз сменишь свое лицо. Много раз тебя будут считать мертвым, но ты восстанешь, повергнешь всех своих врагов и возвратишься домой.. Ты девонька, его не дождешься, выйдешь замуж, а когда Олександр возвратится, прольешь много слез, но, в конце концов, оба будете счастливы.

Варвара Егоровна кончила говорить, но мы продолжали сидеть молча, потрясенные сказанным. Только что мы были веселы, беспечны и вдруг...

– Ты что, бабушка? Разве... Разве, такое... такое возможно? – спросила Ольга испуганно.

– Вы просили погадать – я погадала; может, и ошиблась.

Варвара Егоровна занялась своими делами, а мы вышли на улицу. Никто не начинал разговора. Как в немом кино, мы медленно брели по деревенской улице. Татьяна опиралась на Борино плечо. Я уже не помогал ей, а шел в стороне. Я как будто начал отделяться от них. Как будто уже ступил на ту дорогу, что вела меня в дальний путь. Так молча мы дошли до Таниного дома. Молча сели на лавочку. Наконец Боря не выдержал. Он схватил мою руку, крепко пожал ее и сказал:

– Я тебя поздравляю с победой!

Мы все с недоумением посмотрели на него.

– Нет, ну что вы раньше-то времени замирали? – продолжил Боря, встав на ноги. – Ведь сказано: враги будут повержены и скорою победой возвратится он домой. Ну а поскольку результат известен, то я и поздравляю с победой. Вот, правда, про лицо я что-то не понял...Ну, а если серьезно, то я вот что по этому поводу думаю. Ты ведь, Саня, знаешь, что наши тренеры работают за границей. Возможно, и тебе придется выполнить подобную миссию. Я этому нисколько не удивлюсь. Я больше удивляюсь, как это тебя в нашу глухомань господь надоумил приехать. Но хвала ему за это. Хвала, хвала, хвала... – Боря опять заговорил в своей обычной манере. – И тебе, Саня, огромное спасибо. И от меня спасибо, и от Тани ... И от Ольги, конечно... Но о тебе, девонька, особый разговор. Семь лет... Семь лет! Это, конечно, срок! Да ... Тут баба Варя права, права, не дождешься ты. Не высидишь в девках еще семь лет.

Ольга соскочила с лавочки и бросилась на Бору с кулаками.

– Попрошу с женатым человеком не заигрывать! – закричал Боря, сел рядом с Таней и прижал ее к себе.

– А что, ребята, – Таня обвела всех взглядом. – Боря, наверное, прав. Мы восприняли близко к сердцу, потому что баба Варя сказала все это суровым тоном. Но она ведь всегда так говорит. Правда, Оля?

– Боря прав, – ответила Ольга. – Не надо все это воспринимать в таком мрачном виде. – Она посмотрела внимательно на Бору, сокрушенно вздохнула и добавила: – Ну, как это я проглядела такого умного парня? Ведь что удивительно: каждый из моих знакомых парней считал своим долгом приударить за мной, и только ты, Боря, за все это время ни малейшей попытки, ни малейшего намека ...

– Чувство здравого смысла. Ты красивая девушка, но мы не подходим друг другу. Почему много разводов? Потому что женятся, не изучив друг друга. Не изучив традиции семьи будущей половины. Вот мы с Таней подходим друг для друга. Я буду опорой для нее, она будет опорой для меня. Кстати, вы, ребята, подходите друг для друга. Вы, простите за термин, урбанизированная деревенщина. Да-да, не смейтесь. Вы и в деревне жили, и в большом городе. У вас примерно одинаковые взгляды на жизненные ценности. У вас у обоих есть желание занять достаточно высокое положение в обществе ...

Ольга поморщилась:

– Ты, Боря, как на трибуне...

– Не морщись, Ольга, так, так... Разве ты способна прожить всю жизнь вот в этой деревне, вот в этом доме? Нет, ты психологически на это не настроена. А вот мы с Таней готовы прожить здесь всю жизнь. И это не будет для нас трагедией. А вы оба тяготеете к другому образу жизни. Но, повторяю, ваши взгляды во многом близки. Да вы это и сами понимаете. Но хочу вам дать один совет. Вы оба довольно гордые и самолюбивые люди. Не говорю, что это плохо. Но может возникнуть борьба за лидерство. Причем, почти неосознанно. В результате жизнь превратится в кошмар. Поэтому я вам настоятельно советую, на правах женатого человека, выбрать в отношениях правильный, товарищеский тон...

– Рано еще об этом говорить, – остановила его Ольга.

– Это я вообще, на будущее. Независимо от того, как у каждого сложится жизнь.

Ольга покачала головой.

– Я тебя, Боря, совсем не знала.

– Мы тебя тоже не знали, до того, как на озере не поймали, – в тон ей ответил Боря.

Снова все замолчали. Понимали, что надо расставаться, и от этого становилось грустно.

– Что-то мы совсем загрустили, – сказал я, – а у меня есть и хорошие новости.

Я подошел к окошку, постучал в него и крикнул:

– Мария Ивановна, дайте-ка мне субботнюю газету. Местную...

Хозяйка подала газету, я, не торопясь, чтобы сильнее заинтриговать своих друзей, уселся на лавочку и стал читать вслух, сопровождая чтение репликами.

– Новое имя ... Татьяна Алексеева ... Где-то слышал уже это имя... Живет в деревне Темновка... Смотри-ка, в нашей деревне живет, а мы и не знали ... Стихи пишет...

Я прочитал стихотворение и передал газету Тане. Она долго всматривалась в свое первое напечатанное стихотворение, наконец, глубоко вздохнула и передала газету Боре. Боря не читая, отдал газету Ольге и, сделав строгий вид, сказал Тане:

– Ольга не знала меня, а я не знал тебя. Чужому человеку призналась, а мне, родному мужу, не сказала. А! Как это называется?..

– Я не признавалась, он сам догадался. Тебе хотела рассказать, но не успела ... Не виноватая я ...

– Ну ладно, прощаю. Последний раз.

– Да, – проговорила Ольга, – живем вместе, а друг про друга не знаем. Каждый человек – планета...

– Ну ладно, ребята, давайте прощаться, – решительно сказал я, вставая с лавочки. – Пора мне ехать.

– Спасибо тебе, Саша! – Таня первая протянула руку и впервые назвала на «ты». – Спасибо. Ты изменил всю нашу жизнь. Особенно мою... Не забывай нас, приезжай.

– Да, – поддержал ее Боря, – приезжай обязательно. И чем скорее, тем лучше. Если долго не будет, то пошлем за тобой Ольгу.

Ольга вскинула на меня взгляд, что-то хотела сказать, но не решилась, сникла и, ограничившись коротким рукопожатием, отступила назад.

Я сел на мотоцикл и поехал, не оглядываясь. Говорят, если оглянешься, то не будет пути назад.

ОЧЕРКИ

Михаил ТИТОВЕЦ

Родился в 1962 году в посёлке Ис Нижнетуринского района Свердловской области. Выпускник качканарской средней школы №4. В 1984 году закончил Уральский государственный университет имени А.М.Горького. Работал учителем истории в школе имени К.Н.Новикова. В настоящее время – директор качканарского городского архива. Член Союза краеведов России.

«МОЙ ПАПА – БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ ОФИЦЕР»

Как-то по случаю пришлось поинтересоваться, что считают наши добрые качканарцы главной достопримечательностью своего города? После «не знаю» самый распространённый ответ: гора Качканар. Трудно с этим спорить. Хотя если бы меня самого об этом спросили, не кривя душой, ответил бы: люди. И в силу профессиональной необходимости, и по причинам иным за долгую свою жизнь очень много приходилось и приходится общаться с людьми, исследовать их судьбы... Уж и удивляться, казалось бы, нечему. Но удивляться приходится, иногда очень сильно.

С Натальей Владимировной Соболевой мы пересеклись по причине того, что она была женой нашего уважаемого краеведа-энтузиаста Ивана Михайловича Соболева. Женщина очень интересная, образованная, интеллигентная, с ней было очень интересно общаться на различные темы. В манерах, разговоре чувствовался какой-то аристократизм, которому ни в советской, ни в нынешней действительности взяться неоткуда. И вот однажды от неё пришлось услышать: «Мой папа Белобродский Владимир Александрович – белогвардейский офицер, военный комендант Перми, профессор Харбинского политехнического института...» Каково это услышать профессиональному историку? Причём это было сказано не голословно: вышесказанное подтверждалось солидным пакетом документов, в котором имели место быть ксерокопии страниц харбинских газет с некрологами о В.А.Белобродском, подборка газет «Русские в Китае», переписка до Австралии включительно, книга «Харбинцы» и многое другое.

Наталья Владимировна Соболева

При всём при том, что в руки попал материал уникальный, а судьба Н.В. Соболевой, соответственно и тема, для Качканара экстраординарны, всё же очень долго, непозволительно долго не мог обо всём этом написать. По одной причине: тема эта требует колоссальных душевных затрат. Работая над ней, надрываешь себе сердце вопросом, увы, риторическим: «Что наделали? Что натворили? Кому это всё помешало?» Мы ведь в массе своей упорно не желаем понять, какая страшная национальная катастрофа произошла с нашим народом в XX веке, начало которой положили события 1917 года. Поэтому что, в какие бы демократические

одежды мы ни рядились, по воспитанию своему и менталитету продолжаем оставаться «красными». Как-то в официальном органе Совета Федерации журнале «Российская Федерация» была опубликована разгромная статья по поводу фильма «Адмиралъ». Причём громили не фильм, а самого адмирала Колчака: исследователь Арктики – никудышный, флотоводец – так себе, полководец – вовсе никакой... Читаешь и думаешь: «Ребята-демократы! А разве не те же демократические идеалы отстаивал Колчак и иже с ним, о которых вы любите разглагольствовать, а он жизнь отдал?»

В этом плане отмечавшийся до последнего времени день 7 ноября был праздником победителей, и хоть назвали его напослед «Днём согласия и примирения», никто соглашаться и примиряться и не собирался. Да что там! Просто по-человечески бы отнестись к своим же соотечественникам, которые в гражданской войне отстаивали другие идеалы, за которые они частью погибли, частью были вышвырнуты за границу, частью постреляны в 20-30-е годы или сгинули в лагерях, а потомки их проживали тише воды, ниже травы, как свои среди чужих или чужие среди своих. В единичных случаях они возвращаются, некоторые даже плотью, как например, генералы Деникин и Каппель – прах этих героев перезахоронен и покоится на кладбище Донского монастыря в Москве. Оговоримся, героев не братоубийственной гражданской, а множества других войн, которые вела Россия в начале XX века. Пусть же возвращаются и другие – носители лучших традиций служения России – хотя бы добрым именем и светлой памятью.

Именно так, добрым именем и светлой памятью, вернулся в свой родной технологический институт в городе Санкт-Петербурге В.А.Белобродский. Есть повод рассказать о его судьбе качканарцам: замечательному патриоту и учёному 24 октября 2010 года исполнилось 120 лет. Тем более, что его родная дочь Н.В.Соболева до недавнего времени и до кончины своей проживала в Качканаре.

Крестный путь

– Михаил Иванович, а как Вы относитесь к евреям? – как-то спросила меня Наталья Владимировна. Вопрос этот можно было не задавать в силу очевидности ответа. Как можно относиться к единственному народу *библейскому*, который не только сохранил себя как этнос, но и воссоздал своё государство? Как можно относиться к народу, явившему великих пророков и апостолов, пред иконописными ликами которых мы просим их помощи в нуждах и скорбях? Как можно относиться к народу, дочь которого носила под сердцем и родила Спаса душ наших? Как можно относиться к народу, среди которого Спаситель жил и проповедовал? Как можно относиться к народу, давшему миру великое множество великих учёных и деятелей культуры? Который, наконец, испил невиданную чашу горести холокоста?..

Но для Натальи Владимировны этот вопрос очень личный. В метрической книге Одесского раввината за 1890 год имеется запись, что 11 октября у Абрама Лейбовича Белобродского и его жены Леи родился сын Шая Вольф. Это её отец. В возрасте 20 лет молодой человек совершает неординарный шаг – принимает православие, крестившись в Татиановской церкви Херсонского сельскохозяйственного училища с наречением имени Владимир. Отчество Александрович дано по крестному отцу, коим был дворянин Александр Иванович Долинский. Чем вызван такой поступок? Первое, что приходит на ум – аналогия с советским временем, когда для успешной карьеры необходимо было членство в КПСС. В нашем случае такая аналогия вряд ли уместна. Не то время. Формально православие оставалось господствующим вероисповеданием. Но быть православным отнюдь не означало иметь льготный билет для карьерного роста: с 1905 года начался уверенный дрейф России от абсолютной монархии к конституционной, страна получила демократические права и свободы. Да и не прослеживаются у парня карьерные устремления. Он – технарь и технарь основательный. Заканчивает Херсонское реальное училище не только по основному

отделению, но и по дополнительному классу. А в 1911 году поступает на механическое отделение Санкт-Петербургского технологического института. Думается, перемена веры – душевный порыв. Так было испокон. Так и сейчас: среди молящихся в православном храме – разные народы. Для христианства «несть ни эллина, ни иудея»: свет Христов просвещает всех. А может, в этом поступке другой Божий промысел – в приуготовлении к будущему крестному пути.

Речь же вот о чём. Существует стереотип, что все евреи поголовно устремились в революцию и составили костяк военно-политического руководства большевистского режима. Оказывается, были и исключения. Были! В.А.Белобродский с оружием в руках отстаивал идеалы белого движения и прошёл с ним весь полагающийся крестный путь.

Окончив институт, молодой инженер работал (служил – как написано в одной из харбинских газет) на судостроительном заводе «Наваль» в городе Николаеве. В то время уже полыхала Первая мировая война, которая обожгла и инженера Белобродского, причём не только в переносном смысле. Читаем в газете «Харбинские вести» от 20 февраля 1941 года: «Во время Великой войны он вместе с группой других инженеров, служащих завода, вышел на вновь построенном заводе контр-миноносце к берегам Болгарии для испытательного плавания. В это время контр-миноносцы встретили русскую эскадру, которая вела бой с германскими крейсерами «Гебен» и «Бреслау».

По распоряжению командующего эскадрой, новые контр-миноносцы присоединились к ней и приняли участие в сражении. Один из неприятельских снарядов попал в иллюминатор контр-миноносца, на котором находился В.А.Белобродский, и пробил паровую трубу. Струя кипятка причинила Белобродскому сильные ожоги. Он месяц пролежал в бессознательном состоянии в госпитале в Севастополе и затем около года лечился в Петербурге». Речь идёт о морском сражении, в котором русская эскадра у острова Сарыч накрыла-таки и покарала неуловимые германские корабли: линейный крейсер «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау». Владимир Александрович чудом не потерял зрение и с тех пор постоянно носил тёмные очки (по этой примете его легко узнать на групповых фотографиях).

После излечения инженер Белобродский служит (давайте уж будем использовать это слово) на знаменитом Путиловском заводе в Петрограде. Дальше – революция и гражданская война. Об этом периоде известно очень мало: профессор умер сравнительно молодым и не оставил мемуаров, дочь же его была слишком мала,

чтобы знаменитый отец поведал ей о своём участии в событиях нового смутного времени. И мотивация его политического выбора нам неизвестна, в условиях, когда немалая часть офицеров и генералов (включая легендарного Брусилова) перешла на сторону большевиков.

Из этой эпопеи нам известны два фрагмента. Первый из них – это участие В.А.Белобродского в восстании против большевиков в Перми, после бегства которых он становится военным комендантом. При всём уважении к Н.В.Соболевой первоначально этот факт вызвал сомнения: всё же Пермь – губернский город, а наш герой – совсем молодой. Хотя в гражданской войне всё возможно. А главное – эта информация подтверждается в некрологах харбинских газет, авторами которых были люди, хорошо знавшие В.А.Белобродского. Ну и наверняка в Харбине жили его боевые товарищи.

Второе известное событие – участие в Великом Сибирском ледяном походе. С таким названием вошло в историю отступление колчаковских войск зимой 1919-1920 годов. В лютые морозы, измотанные непрерывными боями, войска прошли 2000 километров от Барнаула и Новониколаевска до Читы. Командовавший войсками генерал В.О.Каппель обморозил ноги, ему сделали ампутацию. Солдаты на руках несли тело любимого полководца, даже после его смерти. Эти же километры с боями прошёл и В.А.Белобродский.

...Конечно, не дилетантским наскоком писать бы обо всём этом! Будь время и возможности – следовало бы этим заняться профессионально: подчитать специальную литературу по истории белого движения на востоке страны, посидеть в архивах Перми и Санкт-Петербурга. Тогда бы из мозаики сложилась более-менее цельная картина.

Харбин

Когда говорят о великом русском исходе, русском зарубежье и т.д., обычно имеют в виду страны Западной Европы, что вполне объяснимо: здесь нашли убежище воины Врангеля, сюда подтянулась русская интеллектуальная элита, выехавшая или выдворенная («философский пароход») из России. Им пришлось осваивать хоть и знакомую, но чужую культурную среду.

Но был самый настоящий русский остров в Азии. Это город Харбин в Китае, построенный русскими для русских же. Театры, учебные заведения, православные храмы – всё как в России. Этот остров на какое-то время дал приют ветеранам колчаковской армии. Здесь до своей кончины продолжал своё служение В.А.Белобродский, здесь у него родилась дочь Наталья.

В.А.Белобродский нашёл себя в мирной жизни и активно реализовался в научной, учебной и общественной деятельности. Ме-

стом приложения его таланта стал Харбинский политехнический институт, где он являлся профессором кафедры теплотехники. Предметом его научного интереса были «исследования каменных углей, залегающих в пределах Маньчжурии, работы по искусственному получению жидкого топлива, работы по исследованию различных строительных материалов с точки зрения их теплопроводности и работы, связанные с вопросом о наилучшей утилизации топлива после сжигания его» (из статьи профессора А.К.Попова «Памяти профессора Владимира Александровича Белобродского»). Как видим, кроме маньчжурских каменных углей, всё остальное по-прежнему актуально. И уже тогда, в 30-х годах прошлого столетия, профессор Белобродский понимал значение экономии топливных ресурсов и активно работал в этом направлении.

Очень интересна и педагогическая составляющая его деятельности. Мы все учились: кто понемногу, кто побольше, а кто и основательно, и своё мнение на сей предмет имеем. Но при разномыслии сойдёмся в том, что профессионализм преподавателя заключается в доскональном знании предмета и умении донести его до обучающихся. Коллеги В.А.Белобродского восхищались, как он держал руку на пульсе новейших достижений бурно развивавшейся отрасли, а также его «редким умением излагать тот или иной вопрос по своей специальности в наиболее понятном для студентов виде, умел вызывать интерес среди студенчества».

И высший пилотаж – практическая направленность обучения. Ведь не секрет, что большой проблемой наших выпускников называли неумение применить полученные ими знания на практике (как оказалось, не самая большая беда в сравнении с нашим нынешним платным образованием, где применять-то бывает и нечего по причине отсутствия знаний). Профессор Белобродский уделял практике много внимания. Этому способствовала работа над проектами, поездки на Фушуньские угольные копи, на Гиринскую электростанцию и т.д. Но гордостью профессора Белобродского была созданная им (во многом, на собственные средства) теплотехническая лаборатория, в которой велась и исследовательская работа, и отрабатывались студентами практические навыки.

Вообще забота и попечение о студенчестве были сердцевинной общественной деятельностью В.А.Белобродского. По словам его дочери, он был вице-председателем студенческого союза, и их квартира напоминала проходной двор: так много приходило молодёжи к профессору во внеучебное время решать проблемы.

То, что деятельность В.А.Белобродского имела широкое признание харбинской общественности, не удивительно. Но было ещё и иное признание. В 1932 году Маньчжурия была оккупирована Японией, на её территории создаётся марионеточное государство Маньчжоу-Го. Русский институт был закрыт, но умные японцы, уже вкушившие плоды технического прогресса, предложили остаться в институте трём самым выдающимся русским профессорам. Среди них – В.А.Белобродский.

Последнее большое дело, в котором принял участие учёный, – организация Харбинского русского техникума, в котором он возглавил Механическое отделение. Бог судил ему увидеть и эти результаты своей деятельности: буквально за месяц до своей кончины он присутствовал на первом выпуске.

Смерть В.А.Белобродского была безвременной – всего 50 лет было ему. Самый расцвет. Но в смерти любого присутствует промысел Божий, не всегда постижимый. Так и в нашем случае. В августе 1945 года Харбин был освобождён от японцев частями Советской Армии. Как поступили бы победители с бывшим высокопоставленным белогвардейским офицером? Вряд ли стали бы для него индульгенцией его научные заслуги: и более именитых учёных превращали в лагерную пыль. А здесь – «кончина мирная, непостыдная», чего мы у Господа и просим. И его любимая Наташа уже была бы не бедная сиротка, а дочь махрового врага Советской власти. Как поступили бы с ней? Воистину, неисповедимы пути Господни...

Харбинская Золушка

Со смертью отца для его дочери мир рухнул: отцовская любовь была несущей конструкцией в миропонимании и мироощущении ребёнка. При всей своей колоссальной занятости Владимир Александрович находил время пообщаться с дочерью, погулять с ней. Нужды девочка не знала: дом был полной чашею, имелась прислуга. Сейчас же ей пришлось хлебнуть лиха сполна.

Мачеха определила Наталью в... Затрудняюсь дать определение этому заведению. По названию – «франко-русский конвент ордена св. Франциска». По сути – детский дом и тюрьма в одних стенах.

Весьма символично обращается в письме к Наталье Владимировне также выпускница этого учреждения Людмила Дземешкевич: «Моя сокамерница!» Л.Дземешкевич – автор книги «Харбинцы». Хорошая книга. Но при чтении главы «Конвент» сердце разрывается от жалости к несчастным девочкам, а грудная клетка – от злости к «воспитателям». Причём в книге описаны не все ужасы, о чём Наталья Владимировна упрекает автора: почему нет ни слова о еде, вшах, туалете? Ответ: «Книгу и так приняли в штыки, так как многим некоторые факты показались неправдоподобными».

Сразу скажу, что тоже не стану об этом писать, хотя информация, вот она – собственноручно написанная Н.В.Соболевой. И меньше всего заботит, что эти факты кому-то покажутся неправдоподобными. Не могу это сделать от ужаса – что такое творилось с детьми. От кошмара – что такое творили люди религиозные. Хотя кто хорошо знает историю католической церкви, тот представляет, какой кровавый шлейф на протяжении этой истории за ней тянется – извинениями прошлого папы Иоанна-Павла II не замывать – не затереть. Методы работы, в том числе «воспитательной», соответствующие.

«В стенах этого неповторимого и непостижимого заведения монахи-иезуиты исполняли первую заповедь Руссо – учили детей страдать. Здесь заброшенные маленькие существа пережили свой первый катарсис, определивший всю их последующую жизнь», – пишет о конvente баронесса Марианна фон Зиберг-Андреева.

С 1947 года, в 13 лет, начинается трудовая биография, часть которой приходится на торговое предприятие «Чурин и Ко». Уникальное в то время заведение, а по нынешним временам – так и по-давно. Поэтому Наталье Владимировне не грех бы повспоминать об этом – нынешнему «купечеству» в назидание.

А дальше – «русский с китайцем – братья навек»: происходит китаизация Харбина, вследствие чего русское население вынуждено было его покинуть. Разъехались кто куда: на Запад, в США, большей частью – в Советский Союз. Вот и Наталья Владимировна стала гражданкой Советского Союза, а в 1960 году судьба забросила её в Качканар. Это отдельная глава в жизни Н.В.Соболевой.

* * *

В жизни каждого нормального человека рано или поздно наступает время, когда он очень остро начинает задумываться о своих корнях. У Натальи Владимировны такое время наступило в начале

90-х. Она по крупицам собирала материал о своём отце, делала запросы в архивы России и Украины и хорошо преуспела в этом, хотя белых пятен ещё предостаточно. В 1992 году появилась возможность съездить в Харбин. Понятно, что это был уже другой Харбин, где русским духом и Русью не пахнет. В доме, где они жили, располагается горком партии. Поклониться могиле отца не удалось: её нет, там ровное поле. И свечку не поставить: православие – закуска всего русского – вырублено в Китае под корень в годы «культурной революции».

Наталья Владимировна вела переписку с другими харбинцами, проживающими в России и за рубежом. Имеющиеся у неё материалы – были её духовной подпиткой. Я их с удовольствием просмотрел, перелистал, прочитал. С удовольствием – потому что в них запечатлён тот мир, милый сердцу, который мы безнадежно потеряли, а харбинцы сохранили. И Наталья Владимировна для меня была не просто приятная женщина, но и живой носитель того мира, той культуры в нашем по-прежнему самом молодом городе Свердловской области.

Имя замечательного патриота и учёного Владимира Белобродского я впишу в свой поминальник, если кто-то ещё это сделает – будет просто замечательно.

КРАЕВЕДЕНИЕ

МИХАИЛ ТИТОВЕЦ

Томас Аткинсон и его «восхождение на Кашканар»

Предметом законной гордости качканарцев являются имена выдающихся учёных, в разное время изучавших гору Качканар. П.С.Паллас, Р.И.Мурчиссон, И.Ф.Гофман, А.П.Карпинский, Е.Н. Барбот де Марни, С.К.Высоцкий – каждый из них сделал бы честь населённому пункту или местности своим присутствием. А у нас – целое созвездие! Причём, это звёзды первой величины, имена которых на слуху. А сколько было простых трудяг-инженеров и геологов, которые детально прорабатывали тему качканарской руды!

Но иногда неисповедимыми путями на гору заносило людей, весьма далёких от геологической науки, но очень интересных и знаковых. Как, например, Т.У. Аткинсон. Незнакомое имя? Это пока. Сейчас мы познакомимся с этим незаурядным англичанином, очень даже достойным стать «своим», качканарским, и имя которого мы, надеюсь, также будем произносить с гордостью. Итак...

Томас Уитлэм Аткинсон (Thomas Witlam Atkinson) родился 6 марта 1799 года в Йоркшире (графство Кент). Уже в шесть лет остался сиротой, поэтому очень рано начал самостоятельно добывать себе на хлеб самой что ни на есть мужской профессией – каменщика. Несмотря на материальные трудности, освоил профессии более творческие – художника и архитектора (по его проекту, например, построена церковь в городе Манчестере).

Мы не знаем, жила ли в этом человеке страсть к путешествиям изначально, или проявилась в зрелые годы. По словам самого Аткинсона, идея отправиться в Азию у него возникла вследствие высказывания Александра Гумбольдта, что в Азии ещё предстоит разрешить множество этнографических и географических вопросов. При этом его не смутила стеснённость в средствах, которые на родине он добывал с помощью живописи. И действительно: в России его выручало традиционное русское гостеприимство, в степях помогало добывать пищу искусное владение ружьём.

Мы не можем пока найти достоверный портрет Аткинсона, зато имеется любопытное его описание словесное: *«Жилистый, худощавый и ловкий, он своей наружностью представляет образ настоящего джентльмена из хорошего старинного семейства. Его поразительно мягкий характер ясно отражался в его добродушных чертах лица, а глаза его выражали тот оттенок поэзии, который замечен в его рассказе и сочинениях. Но с этим соединялись также упругость воли, которая, несмотря ни на какие затруднения, настойчиво преследует избранную однажды цель, и энергии, свойственные настоящему сыну Альбиона. Обладая необыкновенною крепостью мускулов и замечательною меткостью, притом отличный наездник, он был постоянно готов смело идти навстречу физическим опасностям и всякого рода трудностям. Его обширная начитанность в классиках, его способность вести увлекательный рассказ, при огромном запасе опытности, делали его всегда драгоценным собеседником. Сверх всех этих преимуществ, Аткинсон умел ещё очень хорошо играть на флейте, так что мог, подобно второму Орфею, смело странствовать по диким пустыням, производя своею игрою на любимом инструменте чарующее действие на грубых детей природы».*

В 1847 году Т.У.Аткинсон из Петербурга совершил своё первое путешествие в Азиатскую Россию, в ходе которого и побывал на горе Качканар (об этом чуть позже). По возвращении в Петербург – женился: его избранницей стала гувернантка в семье генерала Муравьёва. И во второе своё путешествие Аткинсон направился уже с женой. Люси оказалась под стать супругу: умывалась ледяной водой, отважно скакала верхом хоть на лошади, хоть на верблюде. А своим удивительным умением владеть ножницами и иглой она «сумела внушить даже киргизским князьям такое расположение к себе, что один из них предложил ей супругу взять у него стадо

Томас Уитлэм Аткинсон с проводниками

скота или табун лошадей с тем чтобы он взамен этого подарка уступил ему свою жену». Шикарное предложение, не правда ли? Но не для Аткинсона: «Однако же предложение того киргизского князя он счёл благоразумным отклонить».

У подножия Копальской цепи Семиреченского Алатау у Аткинсонов родился сын. Для местных аборигенов это

явилось шоком: они считали Люси мужчиной, так как та ходила в мужской одежде. И на этом основании сделали вывод: «Аллах сотворил чудо!» А как оригинально назвали родители своего сыночка: Алатау Чимбулан! (в честь горы и красивого источника).

В Санкт-Петербург путешественники вернулись в декабре 1852 года. В 1858 г. Аткинсон был избран членом Королевского Географического общества, в 1859 г. — Геологического общества.

Перенесённые испытания, видимо, сказались на здоровье Аткинсона: 13 августа 1861 года он умер в местечке Лоуер-Уолмер, что в том же графстве Кент. Своему семейству он не оставил состояния, но его многочисленные друзья организовали подписку в пользу юного Алатау Чимбулана и собрали приличную сумму.

Свои наблюдения путешественник обобщил и издал в двух книгах: «*Oriental and Western Siberia*» (Восточная и Западная Сибирь. Лондон, 1858) и «*Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor*» («Путешествия в районах Верхнего и Нижнего Амура». Лондон, 1860), которые, собственно, и принесли ему известность как исследователю и художнику.

Как уже говорилось, в 1847 году Аткинсон побывал на горе Качканар. Об этом он достаточно подробно пишет в своей первой книге. У нас есть возможность узнать обстоятельства этого мероприятия **в изложении А. фон Этцеля и Г. Вагнера** (Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии / Сост. А. фон Этцель, Г. Вагнер; пер. с нем. Н. Деппиш. Спб., 1865 г.) Восхождению на гору Качканар художника-путешественника посвящена глава, которая почти так и называется: «Восхождение на Кашканар». Эта глава и предлагается вниманию.

Глава 3 «Восхождение на Кашканар» (в сокращении).

На следующий день наш англичанин отправился далее на завод Кушвинский, расположенный на азиатской стороне Урала. Местность на этом переходе мало представляла привлекательно: мягко округленные холмы мешались с долинами, в которых местами попадались засеянные нивы, но не было никакого живописного горного хребта, ни другого какого-либо величественного признака, которые свидетельствовали бы о существовании границы между двумя материками, которая проложена по гребню Уральских гор вообще довольно произвольно. Еще дорогою Аткинсон почувствовал неприятные последствия речного плавания в холодную погоду: вскоре обнаружили признаки приближаю-

щейся лихорадки, и он приехал на завод уже больным. Директор завода, человек весьма предупредительный и любезный, подобно большей части других заводских директоров, сейчас заметил, в каком положении находится его заезжий гость, и тут же принял необходимые меры для оказания ему пособия. Велено было тотчас же вытопить паровую баню. Надо знать, что в России при большей части усадеб имеются особо устроенные бани, служащие для того, чтобы мыться в них, так как большая часть русских отличаются чистоплотностью. Для прислуживания Аткинсону откомандировано было два казака, которые и отхлестали нашего джентльмена березовыми вениками, сохранявшими еще пахучий лист, так энергически, что он вскоре превратился в вареного рака. Окатив его затем несколькими ведрами холодной воды, взамен душа, они закутали Аткинсона в шерстяные одеяла для того, чтобы дать ему пропотеть ночью. Между тем послан был особый верховой, чтобы привезти доктора с лекарством, который действительно и явился вскоре, но с такой огромной склянкой микстуры, что, по мнению Аткинсона, её хватило бы на целый полк.

Благодаря заботливости и попечениям своего хозяина, Аткинсон уже через десять дней совершенно поправился и стал опять с любопытством прислушиваться к предложению заехавшего на время к его хозяину директора Нижнетурина завода, относительно поездки на гору Кашканар.

Название Кашканар принадлежит одной из тех умеренно высоких гор (2.600 фут. вышины), которые возвышаются над цепью Уральского хребта. Вершина эта находилась от Кушвинского завода в расстоянии 120 верст, считая тут все изгибы, которые делает ведущая туда дорога. Надеясь с этих голых, торчащих зубьями верхушек полюбоваться интересным видом на живописные окрестности, Аткинсон с радостью согласился на предложение директора Нижнетурина завода, и первоначально отправился с ним вместе в Нижнетуринск. Хотя они выехали с Кушвинского завода поздно вечером, но дни сделались уже столь продолжительными, что сумерек почти вовсе не было, и между захождением и восходом солнца, едва было несколько часов промежутка.

Описываемая здесь часть Уральского хребта, по уверениям некоторых путешественников, имеет поразительное сходство с Верхним Гарцом. Там встречаются те же плоско округленные горные вершины, одетые густыми чащами елей и сосен, только с тою разницею, что на Урале сверх того местами попадаются лиственница и знаменитый сибирский кедр (*pinus cembra*); впрочем, сибирский кедр тождествен с деревом, которое в Альпийских Горах известно

под названием Arve, и встречается там на высоте 4-7.000 фут. над морем, а на Урале оно растет на высоте 800 фут. Сверх того, Урал похож на Верхний Гарц характером местности, строгим, даже почти грустным, так что все время, пока повозка Аткинсона катилась по безмолвным лесным чащам, сам владелец ее был настроен как-то особенно торжественно. Кое-где дорога проходила просеками, из коих представлялся свободный вид на окрестности, и наш путешественник видел перед собою долину Туры. Река серебряною лентой извивалась по зеленеющим лугам, по которым были живописно разбросаны белые группы берез. Бока долины образовали горные цепи, до самого верха покрытые лесом черных сосен, на опушке коего, при вечернем освещении, резко выдавались гранитные и сиенитовые утесы, облитые красным светом, точно как будто они были окрашены пурпуром. Вдали виднелась, освещенная солнечным сиянием, вершина Кашканара, к которой повозка наших путешественников быстро приближалась, благодаря усердию добрых коней.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, и когда путешественники наши подъехали к заводу, спутник Аткинсона спал крепко. В долине можно было еще различить поверхность обширного озера, на одной стороне которого возвышался красивый, с острыми верхушками, утес Шайтана. Уже издали можно было слышать шум молотов на заводе. В долине местами стоял белый туман, так что неопытный глаз воображал видеть озера, из которых верхушки сосен поднимались в виде мачт от затонувших судов. Там, где дорога пролежала лощинами, повозка совершенно погружалась в туман, но когда дорога взбиралась на гору, глаз, озирая сгустившийся внизу туман, свободно проникал вдаль, освещенную солнечным заревом.

К полуночи наши путешественники миновали озеро, и вскоре в окружающем мраке показались огненные столбы, выходящие из завода, где назначен был отдых. Здесь Аткинсону предстояло потерять дня два, потому что приятель его должен был прежде собрать участников, желавших ехать на Кашканар, и сделать надлежащие для того приготовления. Между тем Аткинсон принялся срисовывать некоторые очаровательные сцены в долине, причем имел случай узнать и дурные стороны уральского края. Величайшую неприятность этих местностей составляют не медведи и волки, а мошки. Едва было только наш живописец успел разложить бумагу и взять в руку карандаш, как уже густое облако этих мучителей опускается на него, покрывая его совсем вместе с рисунком и находя, вероятно, древнесаксонскую кровь столько же вкусной, как и русскую. Придя в совершенное отчаяние, Аткинсон наконец

схватился за крайнее средство. Чтобы как-нибудь отогнать от себя этих жужжащих мучителей, он решился привесить к себе жестянку с горящими угольями, рассчитывая на действие дыма. Средство это не осталось без желаемых последствий, но едкий дым произвел такое действие, что у Аткинсона потекли слезы из глаз: таким образом, сначала он не мог только рисовать, потом уже вовсе лишился возможности видеть и вынужден был закрыть свою манну.

Наконец все приготовления к поездке в горы были покончены. Между прочим, к обществу Аткинсона и его хозяина присоединился еще один англичанин, в течение уже семи лет заведовавший соседним железоделательным заводом; услышав о приезде соотечественника и о затеянном им плане, он поспешил приехать, чтобы присоединиться к обществу. Англичанин этот был хорошо знаком с местными условиями, так что его ничто не могло привести в страх: ни гроза, ни болота, ни горы, ни даже медведи; к одному только он питал ужас: то были опять безжалостные сибирские мошки.

В проводники выбран был старый охотник, посевший в уральских лесах и знавший каждый овраг, каждый пригорок, каждый ручей. Кроме того, два молодых парня взяты были для прислуги. Наконец, усевшись на коней, перекинув ружья через плечо и захватив с собою необходимый запас съестного, компания в одно прекрасное утро тронулась в путь, в прекрасном расположении духа, направляясь к горам, которые виднелись вдали, покрытые лесом. Первых несколько верст они проехали довольно приятно и без особых затруднений, но это длилось недолго: вскоре начались трудности горной дороги.

Аткинсоново описание восхождения на Кашканар представляет читателю верную картину поездки на Брокен в те времена, когда на вершине его не существовало еще заоблачного домика, и когда путешественники еще лишены были возможности находить пристанище в хижинах торфокопателей на Генриховой высоте.

Вскоре общество достигло горного потока, на котором незадолго перед тем мост был сорван весенней водой; остатки моста валялись еще в реке немного ниже того места, где он прежде стоял. Наши всадники попытались было сначала перебраться вброд через холодный поток; но вода была так глубока, а наносный песок до того сыпуч, что лошади не находили для себя достаточной опоры, и переправа была довольно опасна, но наконец, помощью обломков моста, дело пришло к благополучному концу.

Чем далее вперед подвигались путешественники, тем затруднительнее становился путь. Собственно настоящей дороги не имелось, а проводник должен был сам отыскивать проход в густой

чаще, что было весьма обременительно. Из земли повсюду выступала вода, а скат горы был покрыт глубоким болотом, в коем лошади погружались по самое колено. Ветви старых деревьев разрослись до того, что из них образовался совершенно плотный навес. Во многих местах, поперек дороги, валялись в болоте целые деревья с корнями, вырванные бурей или свалившиеся от старости. Некоторые из этих деревьев, подрыхлее других, были облеплены сплошным мохом и обросли папоротниковыми растениями; стволы их на половину уже сгнили, а ветви высохли и рассыпались; другие же растлали свои ветви, наподобие рук, во все стороны и, казалось, старались воспретить посторонним доступ в это святилище. Голые, вовсе лишенные коры, ветви и прутья, побелевшие от погоды, походили на скелеты и, точно приведения, выглядывали из лесных чащей на путников, а пригнутые книзу деревца рябины несомненно свидетельствовали о бывших посещениях медведей, которые большие лакомки до рябиновых ягод.

Общество повстречало в лесу всадника, у которого через седло была перекинута шкура еще недавно убитого медведя. Всадник рассказал, что, выследив в лесу медведя, он долго его поджидал и, уже почти отчаиваясь подстеречь зверя, хотел было возвратиться домой, как вдруг из-за угла утеса услышал яростное рычание косматого мишки, который, поднявшись на задние лапы, шел к нему навстречу. Бесстрашно подпустив его к себе на расстояние 15 шагов, смельчак всадил ему пулю в самое сердце, и трофеем его отваги сделались, кроме великолепного меха, пара отличных медвежьих окороков. Вообще следует заметить, что для того, чтобы охотиться в чащах уральских лесов, не требуется особого разрешения: в красном звере и в дичи там нет недостатка, а население довольно редкое, так что у кого есть достаточно отваги и свободного времени, тот имеет полную возможность набрать хороший запас медвежьих окороков; и действительно, в тамошнем крае есть семейства, которые страстно преданы охоте за медведями; к числу таких отчаянных охотников принадлежат и женщины.

Между прочим, особенно много рассказывали там об одной охотнице на медведей, Анне Петровне, простой крестьянской девушке. Аткинсон имел случай после видеть ее сам и рассказывает про нее, что она была среднего роста, но крепкого телосложения, с темными глазами, полными отваги. Про отца и брата Анны Петровны известно было, что от их меткого глаза пало много красного зверя, и не один медвежий мех украшал их избу. Вообще приключения, случавшиеся на охоте за медведями и другим зверем, служат в тамошних местностях постоянною темою для разговоров

в зимние вечера. Между прочим, про Анну Петровну рассказывают следующее: однажды брат ее пришел домой с известием, что в одном месте, в лесу, он открыл следы медведя. Эта весть так на нее подействовала, что от нетерпения поохотиться на медведя ее начала трясти лихорадка; много уже перелетной дичи удалось ей до тех пор настрелять, наконец ей захотелось поохотиться на красного зверя. Не сказав никому ни слова, не подав знака о том, что она задумала, наша героиня на следующее утро, на рассвете, взяла тихонько ружье, захватила кое-чего поесть, села на лошадь и отправилась на поиски медведя. Не успели ее еще спохватиться дома, как она уже была на указанном месте. Привязав лошадь к дереву, она пустилась в лес. Недолго искала она напрасно; скоро показались следы близкого присутствия медведя, и Анна Петровна, взведя курок, отважно пустилась вперед. Однако же оказалось, что Михаил Васильевич, вероятно, изволил ночью совершить хорошую прогулку, потому что Анне Петровне пришлось долго идти по его следам безуспешно. Наконец, сильно проголодавшись, она присела к ручейку, и с совершенным спокойствием духа покушав, чем Бог послал, пустилась опять следить медведя. Вскоре ей попалась кучка рябиновых деревьев; подозревая, что медведь, как большой охотник до ягод рябины, скрывается где-нибудь поблизости, она едва успела приготовиться стрелять, как действительно из-за кустов поднялся огромный медведь, разъяренный тем, что его потревожили. Яростно щелкая зубами, зверь прямо кинулся на нее, но наша героиня не струхнула и спокойно подпустила его к себе на расстояние нескольких шагов. Тихо опустила она на колено и прицелилась, как только медведь поднялся на задние лапы, пытаясь передними обхватить своего врага, раздался выстрел и – зверь, пораженный насмерть, опрокинулся навзничь. Вскочив немедленно на лошадь, Анна Петровна поспешила домой и с торжеством возвестила о своей победе. До того времени, когда Аткинсон видел ее, она успела уже подстрелить до шестнадцати медведей.

Точно так же, как повсюду, любят и уральские охотники рассказывать о своих приключениях в тамошних лесах, преимущественно во время охоты на медведей. Между прочим, Аткинсон слышал следующий рассказ. У одной старухи пропала корова, которую она обыкновенно пускала пастись вокруг своей избы. Захватив с собою крепкую березовую палку, старуха пустилась отыскивать пропавшую корову. В этих поисках старуха зашла довольно далеко в горы и наконец вышла на лужайку, окруженную небольшими деревьями. Тут, между кустарниками, она заметила бурую голову своей беглянки и тихо подкралась поближе, намереваясь отсчитать ей, по

заслугам, несколько хороших ударов. Наконец, подойдя совершенно близко и отогнув в сторону ветви кустарника, она принялась порядочно колотить по бокам – медведя, который преспокойно отдыхал себе на лужайке. И зверь, и баба сначала как будто остолебнели от такой неожиданной встречи, с ужасом глядя друг на друга, потом разом бросились без оглядки в разные стороны.

Слышал Аткинсон от тамошних рассказчиков, кроме того, старую историю про детей, которые искали в лесу ягоды и, наткнувшись на медведя, стали потчевать его ягодами, и разные другие охотничьи сказки.

Несколько часов сряду приходилось нашему обществу с величайшими затруднениями пробираться по тонкому болоту; причем в одном месте они даже вынуждены были переправляться через лесной поток. Поднявшаяся гроза принудила путешественников искать защиты под несколькими могучими кедрами. Деревья эти пользуются в народе особенным почетом, ради своих орехов, составляющих одно из любимых лакомств во всей России. В иные годы кедры бывают обвешены в таком изобилии шишками, заключающими в себе маленькие орешки, что занимающиеся сбором этих орехов прямо срубают деревья, находя, что не стоит труда снимать кедровые шишки поодиночке. В урожайные годы кедровые орехи продаются на месте иногда по двадцать копеек за пуд. Тамошние жители умеют изготавливать из кедровых орехов отличную наливку, мало уступающую хорошему мараскино.

Обождая под деревьями около часу, пока кончилась гроза и прекратился ливень, наши путешественники пустились опять в путь. Местами лесная чаща становилась до того непроходима, что они вынуждены были прибегать к своим охотничьим ножам, чтобы с помощью их прокладывать себе дорогу, и так как их к тому же обдавало настоящим дождем с ветвей дерев, то они очень обрадовались, когда их проводник наконец покинул лес и вывел их на тропинку, проложенную по гребню горы: однако же оказалось, что они немного выиграли от такой перемены. Вместо болота и опрокинутых дерев, им пришлось теперь пробираться через скалы и камни разных форм и величины, отчасти покрытые уже мохом и травой, и как будто разбросанные там именно для того, чтобы ломать о них ноги. Пробыв таким образом около одиннадцати часов в пути, наши путешественники достигли наконец бурного потока, с множеством великолепнейших водопадов. Несмотря однако же на живописные берега этой реки, общество было недовольно тем, что ему пришлось переправляться через нее, потому что переправа была затруднительна. Наконец путешественники приблизились к

вершине Кашканара, и так как все общество уже сильно проголодалось и измучилось от продолжительной езды, то, по совету проводника, решено было расположиться у подножия утеса, чтобы хорошенько отдохнуть и переночевать и затем уже на следующее утро начать восхождение на вершину.

Вскоре запылал большой костер, но тут вдруг, к общему неудовольствию, сделано было открытие, что перед отъездом с завода забыты были котелки, и не в чем было варить чай. Таким образом, ничего более не оставалось, как довольствоваться стаканом наливки или водки с куском хлеба и холодной закуской. Пока прочие отдыхали вокруг разведенного костра и грелись у пылавшего огня, Аткинсон взобрался на ближайшую вершину, чтобы полюбоваться на картину заходящего солнца, которое самыми удивительными оттенками освещало отдаленные леса и окружающую дикую местность, испещренную обломками скал. Куда ни обращал он свой любопытный взор, нигде глаз его не мог отыскать присутствия человеческих жилищ; соседние заводы были совершенно скрыты лесом, и только далеко, очень далеко, сквозь туман, застилавший глубокие долины, проглядывало зеркало обширного озера. Аткинсон заинтересовался этим зрелищем до того, что только наступившая темнота ночи принудила его возвратиться к ночлегу своих спутников. Здесь его опять встретила рембрандтовская картина: красное пламя разведенного костра обдавало ближайшие утесы какими-то дикими беглыми огнями. Вокруг костра лежали, закутавшись в верхнюю одежду, бородатые спутники Аткинсона, и дружно храпели; в стороне расставлены были ружья, а на заднем плане, в тени, стояли лошади. Одним словом, это был вид ночлега разбойников. Посреди самого густого дыма, Аткинсон наткнулся на своего земляка, который, надвинув на уши свой плащ, ругался по-английски и по-русски на несносных комаров, которые, несмотря на дым, окружали его целыми массами и жужжали невыносимо. Не желая отдать себя точно так же на жертву этим кровососущим насекомым, Аткинсон предложил своему товарищу перейти на другое более возвышенное место, где они могли бы быть более безопасны от преследования своих мучителей. Разбудив прочих товарищей и захватив каждый по горячей головне в руки, общество вскарабкалось немного повыше, стараясь как-нибудь заснуть. Несмотря на то, оба англичанина продолжали жаловаться друг другу на свое горе до первого часа ночи. Еще не было трех часов утра, как уже холодный ветер прогнал охоту ко сну, и Аткинсон вынужден был подняться, чтобы согреть свое продрогшее тело глотком водки. Разбудив потом товарища и пригласив его вместе

полюбоваться восходом солнца, они стали оба карабкаться на ближайший утес, откуда удобно было следить за постепенным восхождением дневного светила, пока наконец горизонт не осветился со всех сторон яркими лучами в самом поэтическом расположении, так что полузамерзшие англичане, сидя на вершине Кашканара, не могли воздержаться от выражения удивления. «Ей Богу!» – воскликнул спутник Аткинсона, – здесь очень хорошо, и я был бы готов оставаться на этом месте хоть целый месяц, если бы не только проклятые комары!».

Почти весь тот день проведен был Аткинсоном в карабканье по вершинам Кашканара. Верхушка этой горной уральской вершины, точно как и Брокен в Германии, усыпана огромными, отдельно стоящими огромными обломками скал, которые имеют весьма много сходства с кремнистыми утесами Гарца. Они состоят, по большей части, из магнитного железняка, и по бокам их выдаются, длиною в дюйм, железные кристаллы красного цвета; небольшого куса из этой породы камней достаточно, чтобы отклонить в сторону магнитную стрелку. Аткинсон не мог отказать себе в удовольствии вскарабкаться на одну из ближайших крутых вершин. Взобравшись благополучно на одну из самых возвышенных точек, он с торжеством опустил на камень, чтобы внести в свою записную книгу несколько восторженных приветствий одному хорошему приятелю, которого он оставил в Англии.

В некоторых местах, верхняя часть Кашканара представляет картину дикого опустошения. Обломки скал всех видов и величин навалены кучами один на другом. То были обломки прежней горной вершины, выветрившейся мало по малу: более мягкие части уступили влиянию времени и в раздробленном виде унесены были водою в нижние долины, а более твердые массы продолжали еще сопротивляться действию погоды. Но временами, может быть, присоединялось к этому действие удара молнии или землетрясения. Между прочим, в начале апреля, перед начатием еще плаванья по Чусовой, Аткинсону пришлось быть свидетелем такого землетрясения, действие которого, как он узнал позже, обнаружилось по всему Уралу. В шахтах рудников слышен был шум, похожий на подземный гром, что привело в немалый страх всех рабочих.

Продолжая свои карабканья по Кашканару, наш артист подметил на ветви одного дерева превосходного глухаря и метким выстрелом свалил его наземь. В небольшой ложине лежало еще множество снега, а тут же рядом цвели и распускались чудесные альпийские растения – очаровательный цветник посреди дикой пустыни!

Поездка на Кашканар вполне удовлетворила Аткинсона; ему удалось при этом основательно ознакомиться не только с неудобствами горных тропинок, но и со всеми трудностями переходов через болотные топи. У него и у земляка его пробежал трепет по всему телу при одной мысли о сибирских комарах. Проводник их, осмотрев внимательно горизонт во время заката солнца, объявил им, что на следующие дни предстоит ожидать дурную погоду, а потому общество решило на другой день выступить в обратный путь. Второй ночлег представлял так же мало удобства и приятностей, как и первый, а на следующее утро поднялась буря с проливным дождем, громом и молнией. Страшно измученные и промокшие до костей, возвратились наши путешественники уже поздно вечером на Нижнетуринский завод и, переодевшись в сухие платья, согрелись, наконец, за чашкою горячего чаю. В продолжение трех дней непогода не прекращалась, но, наконец, небо прояснилось и дозволило нашему художнику продолжать начатое им странствие по горным заводам и рудникам Восточной Сибири.

Михаил МЕДВЕДЕВ

Родился в 1961 году в Челябинской области. Окончил Исовский геологоразведочный техникум и Южно-Сахалинский педагогический институт по специальности «география». Работал в геологических партиях на Урале и Дальнем Востоке, в Академии наук СССР, отслеживал землетрясения и цунами на Курильских островах, выпускал журналы на Ямале и в Ханты-Мансийском АО. Журналист по профессии и путешественник по призванию. Автор сотен публикаций в газетах, журналах, альманахах и книгах. Член Союза журналистов России.

ЗАБЫТЫЙ КАЧКАНАР

Мы не были первыми

Мы привычно отсчитываем возраст Качканара с 1957 года. Эта красная дата вошла в официальные документы, атласы, монографии и школьные учебники, как бы невидимой, но четкой границей отделив бытие от небытия. Конечно же, какую-то веху, для порядка, поставить было нужно, и она была поставлена 27 мая 1957 года отрядом рабочих из 150 человек, начавших рубить тайгу для прокладки автомобильной дороги от Валерияновска к горе Долгой. И лишь неделями позже появились первые «официальные» комсомольцы и первые палатки.

Но в действительности освоение Качканара началось задолго до 27 мая. Множество людей: геологи, геодезисты, дорожники – уже проливали пот и набивали кровавые мозоли, готовя плацдарм для грандиозного строительства. Они не только были разведчиками огромного железорудного месторождения, но и определяли место под размещение карьеров, комбината, города, транспортных коммуникаций. Например, прокладку железнодорожной ветки Азиатская-Качканар в 1956 году можно с тем же успехом считать началом строительства Качканара, поскольку она имела целевое назначение – на Качканар. Наконец, как быть с теми исследователями, которые начиная с ХУ111 столетия «утюжили» гору и ее окрестности на предмет обнаружения богатых железом руд взамен истощающихся запасов горы Благодать? Кстати, с вершины Благодати, пока ее не срыли, в былые времена хорошо просматри-

валась вершина Качканара, подобно магниту притягивающая возжеленные взгляды промышленников. Но Качканар оправдал надежды лишь отчасти: обнаруженные в окрестностях горы жилы с богатым содержанием железа оказались маломощными, их быстро выработали, и огромный массив бедных руд надолго затаился до лучших времен, лет на двести, то есть до открытия метода обогащения. Время Качканара еще не пришло.

Иными словами, дата рождения города достаточно условна и представляет собой в большей степени академический интерес, нежели практический, хотя и до сих пор на ветеранских встречах возникают споры: кто же все-таки был первым? Споры, на мой взгляд, бессодержательные, так как совершенно неважно, кто срубил первую сосну или положил первый кирпич: все, кто стояли у истоков, имеют право на высокое звание первопроходцев, никто не покушается на их лавры победителей тайги, никого из них не обошли почестями. Однако существуют и такие понятия, как историческая достоверность и историческая объективность, оперирующие исключительно фактами, а факты, как известно, самая упрямая в мире вещь.

Данное небольшое исследование не претендует на сенсационность, а приводимые здесь исторические свидетельства достаточно хорошо известны. Но вместе с тем предлагается несколько иной взгляд на историю освоения Качканара. Изучение источников, попавших в распоряжение автора, встречи с разными людьми позволили сделать довольно странный на первый взгляд вывод: Качканаров, как ни коряво звучит данная фраза, было несколько. Если быть точнее – четыре.

Первый Качканар

Факты говорят о следующем. Первыми качканарцами были не изыскатели, которые в принципе не ставили целью создание постоянных поселений. Не рабочие, прокладывавшие дороги. И не комсомольцы с их легендарными палатками. С позиций исторической достоверности датой рождения Качканара следует считать 20-е годы XIX столетия. То есть Качканару, хотя и верится в это с трудом, без малого 200 лет.

Однако в данном случае многое зависит от точки зрения. Если брать за основу исследования две основные характеристики: территориальную привязку (район горы Качканар) и название населенного пункта (Качканар), – то поселок Утянка близ Косы можно считать предтечей современного Качканара с некоторой натяжкой. До 1959

года Утянка называлась поселок Качканарский (но не Качканар). Но все же по написанию очень близко, поэтому есть основания поместить этот населенный пункт в тот же ряд. «Территория нынешнего города Качканар, гора и ее окрестности были частью знаменитого на весь мир Исовского золотоплатинового района. Вокруг горы много было приисков. В первую очередь следует назвать одноименный прииск Качканарский на реке Утянка, впадающей в реку Косья. Он был открыт одним из первых в 20-х годах XIX века. До наших дней не сохранился. Поселок, как и прииск, назывался Качканарский, расположен северо-западнее поселка Косьи. В начале XX века здесь насчитывалось около 70 домов. Прииск был богат платиной, работала бутара, с которой в отдельные дни снимали до пуда металла – это отмечалось пушечным выстрелом, а на прииск доставлялся бочонок спирта или водки, которые раздавались рабочим бесплатно, и тогда таежная тишина оглашалась песнями, плясками, а то и драками. Поселок был расположен в живописном месте. Согласно церковной записи, он возник раньше Косьи. С 1959 года стал называться Утянкой... В 1975 году поселок прекратил свое существование». («На Исовских приисках», К.И.Мосин, В.Г.Альбрехт, Екатеринбург, 2004г.)

Старожил здешних мест Карим Бикмулин, 1932 года рождения, вспоминает, как еще пацаном ходил из Валериановска на Качканарский поселок – относил дяде-старателю еду. Шел он напрямую, через современные отвалы Главного и Западного карьеров, вдоль подножия горы Качканар, возле чистой, не загаженной в то время речки Выя, еще не запруженной несколькими плотинами. Километров, если судить по карте, пятнадцать-двадцать. Чтобы представить сегодня эти места, как они выглядели более полувека назад, нужно иметь богатое воображение. Некоторые качканарцы из числа грибников и охотников еще застали Утянку, когда в ней жили последние старики, да и ныне, говорят, там еще сохранились пустующие избы.

Вполне вероятно, что в 1959 году поселок был переименован в Утянку во избежание путаницы: совсем рядом рос не по дням, а по часам индустриальный Качканар, который несколько лет спустя станет городом...

Второй Качканар

На картах конца XIX столетия, а именно в 1895 году, появился еще один Качканар. Это был платиновый прииск, расположенный на притоке Выи – речке Большой Гусевой, которым владела некая Руфина Яковлевна Протопопова, принадлежащая к сословию по-

четных граждан. Сведений о жизни и работе прииска история не сохранила, однако известно, что приисковые поселения в конце XIX столетия были похожи друг на друга, как братья-близнецы, люди работали и жили в сходных условиях, применялись одинаковые технологии добычи металла и одинаковые инструменты. В каких условиях жили люди? Можно судить на примере других приисков:

«Помещения для рабочих, называемые казармами, – это большей частью деревянные бараки с окнами на одну длинную сторону, с нарами по обеим сторонам, с проходом между ними. В проходе помещается чугунная печь с железной дымовой трубой, проходящей по всей казарме для более равномерного распределения тепла в зимнее время. Летом, особенно семейные, устраивают для сна балаганы или устраиваются на вышках... Многие старатели на свой небольшой отряд имеют свои помещения: балаганы, землянки, избушки. В общем расположении некоторых зданий бросаются в глаза отхожие места, отличающиеся неряшливостью, вонью и нередко расположенные в местах непрерывного движения людей. Следует отметить, что на приисках мало бань... На приисках работают в основном люди 20-40 лет...» («На Исовских приисках», К.И.Мосин, В.Г.Альбрехт, 2004 г.)

Видимо, так и жили старатели в Качканаре №2. Сколько добыто платины, сколько работало на прииске людей, и когда он перестал существовать, неизвестно. Можно лишь предполагать, что россыпь довольно быстро выработали, и рабочие ушли, не оставив и следа. Правда, через несколько лет, в начале XX века, Валериановский прииск производил добычу платины на Большой Гусевой паровым экскаватором – этой чудо-технике того времени, вероятно, в тех же самых местах.

Не исключено, что потомки старателей проживают в Качканаре и почти наверняка – в Валериановске, возможно, даже не подозревая о своем родстве. Ведь люди на приисках собирались в основном местные, а самым ближним как раз и был Валериановск, возникший тремя годами ранее – в 1892 году.

Третий Качканар

Качканаром назывался и женский лагерный пункт, функционирующий в районе Западного карьера в послевоенные годы. К сожалению, почти не осталось в живых людей, которые могли бы более или менее подробно рассказать о жизни лагерников, а тем, кто хоть что-то помнит, далеко за 80. Например, одна женщина, бывшая ох-

Здесь в 40-50-е годы 20 столетия располагался женский лагерь и поселение Качканар. Вид с отвалов Западного карьера (фото Виктора Чупракова).

ранница лагеря, достигла весьма преклонных лет, на момент сбора сведений у нее обнаружили рак. К тому же проживала попеременно то в Лесном, то в Сигнальном, и встречу организовать не удалось. Другая – бывшая работница лагерного хозблока – и сегодня проживает в Валериановске, но состояние ее памяти таково, что личная беседа оказалась невозможной. Однако кое-какие сведения сохранились у ее дочери Галины Петровны Заниной, также живущей в Валериановске. Тем более не осталось никого из бывших заключенных. Для еще одного коренного валериановца, Кабира Бикмулина, лагерь был просто частью привычного окружения, чтобы обращать на него особое внимание. Старые качканарцы, даже из числа первостроителей, помочь не смогли ничем (хотя все что-нибудь да слышали), так как этот лагерный пункт прекратил существование как раз перед началом штурма Качканара. Даже место его расположения было покрыто тайной, каждый из опрошенных называл свои координаты.

Тем не менее с помощью Кабира Бикмулина это место удалось обнаружить. И это именно район отвалов Западного карьера – небольшой пятачок между нескольких дорог, еще не засыпанный пу-

стой породой. Здесь в 40-х годах стояли бараки для заключенных, обнесённые «колючкой», и жилые дома дляхозперсонала и охраны лагеря. Поселение называлось – Качканар.

Качканарский ГУЛАГ

В этом поселении и жила Галина Петровна Занина вместе с братишкой и сестрами. Сама она родом из пос. Федино, как и ее старшая сестра, а вот младший брат и младшая сестренка родились уже в Качканаре. Годы рождения – 1952 и 1950 соответственно. Так и записано в свидетельстве о рождении. Мать работала поваром в хозблоке, отец – на трелевщике.

Женский лагерь просуществовал всего несколько лет, с 1945(46) по 1954(55) годы. Примерно 10 лет. После него здесь стояла воинская часть, которая строила Свердловск-45.

Согласно рассказу Галины Петровны, женский лагерь возник у подножия Качканара после расформирования крупного смешанного лагеря, который был расположен в районе пос. Борисовский примерно на полпути между поселками Ис и Косья. Это был один из множества лагерей СевУралЛага, он действовал в довоенные годы и в годы войны. После его расформирования женщин-заключенных, имевших небольшие сроки, отправили под гору Качканар. Есть веские основания предположить, что решение об организации лагеря и поселения Качканар было напрямую связано с начинающимся строительством комбината «Электрoхимприбор» и закрытого города Свердловск-45, позже переименованного в Лесной. Старший сосед Качканара начал строиться десятью годами раньше, в 1947 году, и для его строительства требовалось много строевого леса. Этот лес везли в том числе из района горы Качканар.

Лично для меня было открытием, что Качканар когда-то был богат высокосортным светлым сосновым лесом. Сейчас нас окружают темные ельники и корявые березняки, в лучшем случае низкорослые сосенки.

Гору будут грызть, пока не сгрызут

Вот что рассказывает Кабир Бикмулин:

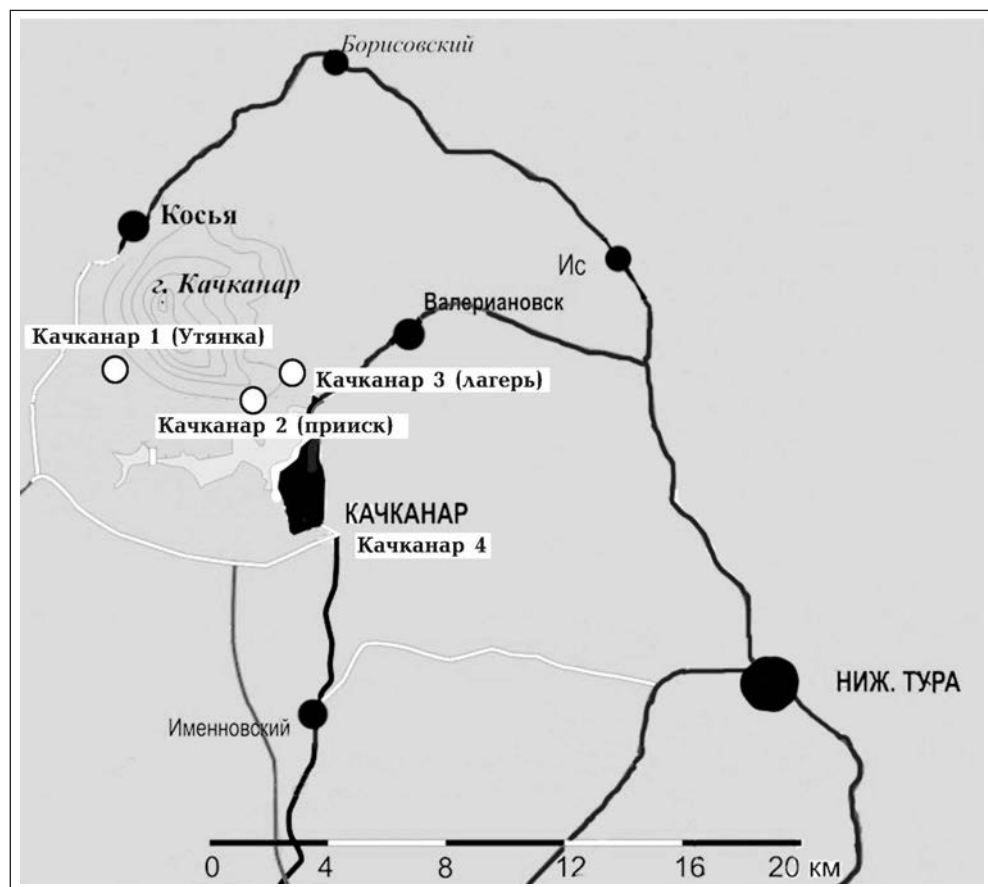
– стройные. Природа богатая. Дичи, грибов, ягоды, особенно брусники (по ведру за раз собирали) – всего навалом. На горе Качканар во время войны по ночам волки выли – у-у-у! В конюшни лезли, собак утаскивали, овец пытались резать. Медведи шлялись.

Один как-то, в районе кернохранилища (видимо, в районе нижних фабрик. – Авт.), в капкан угодил, и капкан тот утащил.

А сразу после войны рубить начали. Я помню, как через Валериановск каждый час шло по лесовозу, аж страшно было. Хвостами запросто смести может. Шли они через Луковую и Бушуевку на Нижнюю Туру.

Пацанами мы наблюдали, как бабы-заклученные вручную пилили лес, сучья рубили. Делали просеки шириной 5-6 метров, отсекали ими кварталы. Внутри кварталов заключенные работали, а на просеках охранники с автоматами сидят. Если какая вышла на просеку – можно стрелять.

– Сейчас мне уже ничего здесь не напоминает, – горестно вздыхает Бикмулин. – От Малой Гусевой речки уже ничего не осталось, из Большой Гусевой пруд на Валериановске соорудили. А со смотровой глянешь... Все вырубили, все взорвали и взрыли. А гору Качканар будут грызть, покуда совсем не сгрызут...

Лесной задолжал Качканару... лесом

Таким образом, город Лесной некоторым образом является должником Качканара: лучший лес в наших окрестностях ушел на его строительство. Можно даже с долей иронии сказать, что и название города неслучайно – Лесной. Впрочем, сосновые боры все равно через несколько лет были бы уничтожены грандиозным строительством Качканарского комбината, похоронены под толщами отвалов. Но факт остается фактом – качканарский лес послужил строительной базой города, ядерного города.

Заключенные и разведочные партии несколько облегчили задачу первых строителей Качканара. Склоны гор были очищены от леса, тайгу просекали многочисленные просеки, проложены тракторные дороги. Но пришедшие в 1957 году комсомольцы, в пылу трудовых свершений, уже почти ничего не знали о своих предшественниках.

* * *

Итак, мы живем уже в четвертом Качканаре. Его предтечи похоронены под грузом десятилетий и даже столетий. И все-таки они – были. Будем помнить об этом.

МЕМОАРЫ

Наталья СОБОЛЕВА

...15 октября 2011 года ушла из жизни Наталья Владимировна Соболева. От этого известия ахнули все, кто знал эту замечательную женщину. В 2003 году она вернулась в Качканар и очень быстро завоевала сердца своим бескрайним обаянием. Жизнь её не была лёгкой, однако она отличалась жизнелюбием, высокой культурой, человеческой благодарностью и особым талантом общения. Было ещё что-то неопишное, что выдавало в ней человека из другого мира.

Этот «другой мир» – русское зарубежье, один из его центров – Харбин. Здесь Наталья Владимировна родилась, с этим городом связаны её детские воспоминания – светлые и не очень. О русском Харбине Наталья Владимировна много и увлекательно рассказывала. Мы попросили её (причём не раз) записать эти свои воспоминания, набросали схему. В какой-то момент она «созрела» и принесла в архив испианную тетрадоуку. Сейчас это документ – дело №19 фонда №64 «Воспоминания о событиях 20 века». С ним мы хотим познакомиться читателей, чтобы показать, люди каких удивительных судеб жили и живут в нашем городе. А также с тайной надеждой – побудить качканарцев писать воспоминания – свидетельства эпохи.

Воспоминания Н.В.Соболевой отражают детский и юношеский взгляд на жизнь русского Харбина во всём многообразии, которое этому взгляду было доступно. Цепкая память автора сохранила образы города, его достопримечательности, конкретных людей, с которыми она пересекалась. Конечно, она не видела подводной части айсберга – политических взглядов людей, кто стоял за организациями и т.д. Но когда мы этим поинтересовались, готовя публикацию – мороз пошёл по коже от этой информации у человека, выросшего при монополии одной идеологии (себя имею в виду). Политическая, идеологическая, религиозная культурная палитра жизни была очень пёстрой. Хотя это был закат: сначала определённые рамки поставили японские оккупационные власти, с 1945 года за дело принялись советские спецслужбы, для которых русские харбинцы были недобитыми белогвардейцами.

Воспоминания эмоционально окрашены: Наталья Владимировна не жалеет как восторженных эпитетов, так и мрачных красок (при описании своего пребывания в католическом воспитательном учреждении). Удивляет, как она помнила такую массу деталей! Даже имена Владык, служивших в харбинских храмах!

Неожиданная кончина Н.В.Соболевой не позволила доработать воспоминания, остались неотработанными некоторые вопросы. Но и в незавершённом виде воспоминания представляют исторический и познавательный интерес. Их публикация – дань светлой памяти Натальи Владимировны.

МОЙ ХАРБИН

*Дорогой, глубокоуважаемой
Елене Петровне¹ посвящаю.*

Прочитав книгу «Дорогами русского зарубежья», была ошеломлена, очарована, покорена: это и МОЙ Харбин. По всем этим улочкам ходила и я зимой, осенью, весной, летом, и в каждом из этих сезонов я ощущала и белизну снега, красоту цветов весны и лета, шепот травы весной, жужжание пчел и шмелей, быстрые тропы вечных тружеников муравьев. Каждая улочка, каждый дом жили своей жизнью, которую я попробую описать в меру моих ощущений, осязаний, восприятий.

Детство

Начну с далекого детства, когда жив был папа. Папа был для меня всем в жизни: елки с ним, Пасха, день рождение, полон дом гостей у нас – и мы в гостях в эти праздники.

Вообще я очень любила наше Модягоу², мне оно представлялось одним цветущим садом, начиная с оранжерей у моста через реку Модяговку и кончая аэродромом. На Старохарбинском шоссе, на углу улицы Бельгийской, был сад семьи Мясковских³. Он – поляк, архитектор, она – француженка, громогласная, вечно выражающая свои эмоции в жестикуляциях, очень хлебосольная, открытая, добрая. Их сад представлял из себя настоящий дендрарий, столько там было всего: какие-то невероятные кактусы, цветы, ягоды и плоды. Танте Лина (Tante Lina) была не просто отличным садоводом, она была еще и гурманом. На ее столе подавались фазаны, утки, курицы с каким-

то совершенно неподобным соусом и вкусом. Французенка в своем репертуаре! Мы очень любили расползаться по этому невероятно-му саду, перепачкавшись во всех ягодах сразу, со следами царапин и крови от волосатого и колючего крыжовника. Когда нас звали к столу, нас надо было еще найти, так как мы усиленно прятались, боясь гнева взрослых за свой внешний вид и свои животы. Об обеде можно было забыть: мы так наелись, напробовались всех этих ягод и еще незрелых плодов, до одури нанюхавшись всевозможных ароматов и цветов, «угорев» от всего этого. Вопрос об обеде отпадал сам по себе, и мы прятались, усиленно прятались, превращая свои прятанья уже в игру. Так как никакие увещания взрослых не могли возыметь своего действия, так как мы уже вошли в свою игру – в прятки, тогда в ход пускали Василия.

В доме Tante Line была обслуга: повар – это само собой, готовящий под чутким руководством её все эти дивные, необыкновенные яства. Был дворник Василий, наверное, он же и садовник, так как сад был образцом красоты, чистоты и ухоженности. Василий – китаец, был необыкновенно добрым и исполнительным. Он нас отлавливал в саду, как кузнечиков, с визгом, пискom погонял – опять же с прятками, так как не пойманные за руку, мы снова скрывались где-нибудь в этой необъятной зелени.

Хочу сказать, что моей детской напарницей была Танечка Матковская – дочь прекрасных родителей, красавицы мамы с аквама-риновым цветом глаз и красивыми русыми волосами. Когда я выросла, мать и дочь мне казались просто копией, так разительно было их сходство. Танечка унаследовала от мамы те же прекрасные глаза. Отец Тани, А.М. Матковский⁴, был каким-то начальником у нас в БРЭМе⁵, осужден в 1945 году, но дочь Танечка всё-таки в 50-х годах дождалась встречи с ним.

Такое общение давало мне большую радость. Я так любила бывать в этом саду! А чай у них на веранде вечером! Это был ещё один шедевр! Начинали пахнуть ночные цветы, просто одуряя ароматом, восторгом и красотой. Сейчас я знаю, что это были душистый табачок, ночная фиалка и другое. Сам чай опять с массой кулинарных шедевров, которые таяли во рту, рассыпались в руках, так нежны они были: безе, торт «Наполеон», хворост, торт «Микадо» и др. После посещения Tante Line я неделю не могла придти в себя от распирающих меня впечатлений и ждала случая опять побывать там.

Напротив дома Tante Line по Старохарбинскому шоссе был какой-то деревообрабатывающий завод, где лязгали цепи поднимающих бревна механизмов, слышны были звук крана, гудки машин. Дом Tante Line находился далеко в глубине сада, и даже ночью работа-

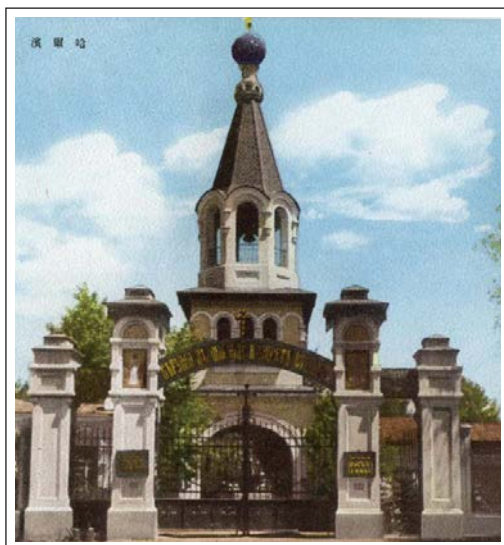
ющие предприятия не нарушали наш сон. Я должна сказать, что у нас был такой обычай: в гости мы ходили надолго, обязательно с ночевкой. Когда я жила потом уже в СССР, этот обычай мы просто не могли претворить в жизнь из-за того, что жили не просто очень скудно, но и скученно в коммуналках с одним туалетом (без ванной) на всех жильцов и с одной кухней. Хорошо, если это была коммунальная квартира, а если это было общежитие с коридорной системой? Так сами по себе умерли у нас обычаи справлять Пасху, Рождество Христово, именины, печь всякие сладости и просто общаться, так как краткое общение не дает такого удовольствия, а просто поесть и разойтись – это не интересно.

В бытность моего папы гости были не просто ритуал, это было настоящее общение – с играми, хоровым пением, танцами, игрой в шахматы, шашки, преферанс, лапту.

Несколько слов о садовнике Василии, хотя я и писала о нем выше, как о чудесном человеке, прекрасно говорящем на русском языке, любившим детей. Я предполагаю, что наши прятки доставляли и ему большое удовольствие.

Вообще я хочу сказать о китайцах, живших около нас. Эти люди спасали нас в годы японской оккупации. Они доставляли нам съестное, например, ягоды, все мы как-то еще варили варенье и делали компоты, сушили эти ягоды на зиму – только благодаря китайцам.

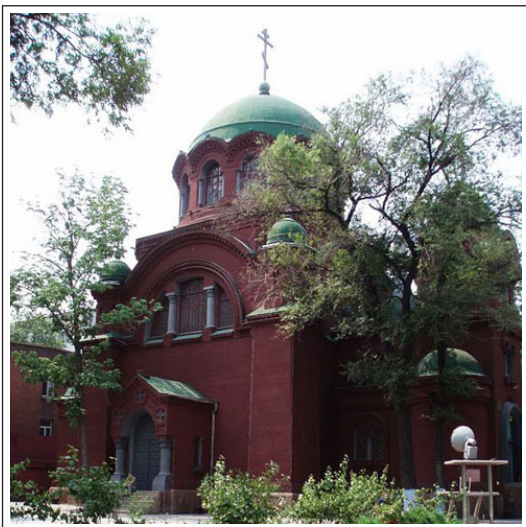
Город Харбин представлял из себя конгломерат наций, которые (в мою бытность) все жили мирно и дружно, и никогда не возникал вопрос о нациях и религиях. У нас на одной улице стояло шесть храмов разных религий. Центром был наш Собор Святителя

Николая⁶. По улице, напротив Покровской церкви и старого кладбища, был костёл. Чуть внутрь улицы был храм и приют Св. Ольги, сестер урсулинок⁷. Немного далее (вероятно, через улицу, точно не помню) – Кирха. Затем буддийский храм – вероятно, с ритуальными обрядами, как кремация и др. Далее опять православный храм Успения Пресвятой Богородицы⁸ и Новое кладбище.

Покровскую церковь⁹ я всегда любила посещать, так как

это была моя церковь! Церковь стояла на углу Большого Проспекта и Цицикарской (на этой улице мы жили), и я часто с папой ходила в этот храм. Склепы, могилы, чистота кладбища, часовня на кладбище всегда вселяли какой-то покой души и какое-то благолепие. В 1991 году мне довелось побывать в этой церкви, которая использовалась, скорее, как музей. Кладбища уже не было, а часовня мне показалось не

только маленькой, но и вросшей в землю. И я подумала: а как же мы с папой входили в нее и ставили свечи?

Со смертью папы мой мир рухнул. Это не папу похоронили, это заживо погребли меня, вычеркнув из мира живых. Рухнуло все – всякое общение на целых семь лет (1941-1947 гг.).

Конвент

Напрасно думают, что я хочу очернить Конвент сестер Францисканок¹⁰. Если что-то хорошее и было, то, возможно, до 1941 года, когда Конвент располагал неограниченной помощью из-за рубежа, харбинских миссионерских концессий, которые после Пирл-Харбора просто для Конвента перестали существовать. Не нарочно же нас морили голодом. Если раньше в рацион входил бутерброд с маслом, сыром, колбасой, булочка с повидлом, сладкий чай с молоком, сливками, шоколад и др., то в наше время (мое время) нам на завтрак давали алюминиевую кружку теплого несладкого чая без заварки, так как заваривалось все что угодно (морковь, мята, душица и другие травы), но не чай: на чай у монахинь денег не было. И вместо хлеба было что-то черное, клейкое, даже отдаленно не напоминающее хлеб.

На обед давали суп синего цвета из гаоляна, ничем не приправленный, и пустую кашу также из гаоляна и чумизы.

Скажу сразу, что в 1945 году наш рацион приобрел нормальный человеческий облик, когда советские солдаты грузовиками возили нам муку, сахар, галеты, мясные и рыбные консервы, сладкие консервы, шоколад, конфеты. Появилось молоко, натуральный хлеб,

булочки. И если я пишу об ужасах своего пребывания там, то это не для того, чтобы как-то очернить, а написать то, что пережила я. Хотя были и случаи, совершенно несовместимые ни с религиозной добродетелью, ни с человеческой моралью.

Да, у нас были и музыкальные вечера, и уроки музыки, и языков, но опять же не для меня, так как это были платные курсы, а у меня некому было платить за эти курсы. Я стояла под дверью, где шел музыкальный урок, где девочки учили ноты и игру на фортепиано, стояла дрожа и плача. Нас не хотели заморозить, просто топили, чтобы не заморить и не разморозить это прекрасно огромное здание. А мы в классах сидели в верхней одежде, руки у нас были в трещинах от холода, пальцы, вечно распухшие от постоянного холода, и по этим замерзшим пальца нас били линейкой! За что? Разве нельзя было просто снизить оценку? Где милосердие к детям?

После 1945 года у нас было тепло и уютно, хотя остались те же одеяла и те же матрацы, но мы не мерзли, так как изменилась система отопления и температура в здании.

У нас было совершенно роскошное ателье, в нем шили и подвечные платья, и роскошную фату: девочки были просто волшебницы, но это не заслуга Конвента, а их внутренний ДАР. Хорошо, что этот талант был вовремя открыт и сумел найти свое благотворное применение. А сколько из нас могло выйти поваров, швей, вязальщиц и вышивальниц! Но разве мы могли готовить, вышивать и вязать? Только нескольким девочкам в ателье это удавалось.

Вечерами мы занимались штопкой своего белья, его разглаживанием (не утюгом) и складированием.

Счастливы были те девочки, к кому приезжали родственники и привозили гостинцы. Дни посещений были, кажется, каждую неделю, не знаю, так как с 1941 по 1947 год ко мне никто не приезжал и гостинцев не привозил. Конечно, я очень страдала от голода и я чувствовала себя изгоем.

Каков был наш распорядок? В 6 часов подъем – вычесывание вшей с керосином и личная гигиена: туалет, заправка кроватей, умывание, одевание.

Несколько слов о туалете как о комнате, куда мы ходили по своей нужде. Там был ужасный запах. Вечерами, чтобы как-то уменьшить запах (вонь) туалетов, открывали окна, зимой – тоже. Слив работал в автоматическом режиме, но иногда случались заторы и нечистоты выливалось наружу. Наружу же вылезали и наши вечные спутники – черви, и вся эта нечисть разной длины и разного цвета шевелилось под тонкой корочкой льда (окна-то открыты). Если бы вдруг тебе захотелось в туалет ночью, при одном воспо-

минании об этой яркой палитре наших спутников (червей) сердце замирало от страха и ужаса, и старались терпеть до утра, чтобы можно было сходить на другой этаж в туалет. Сон, конечно, был неполным, так как естественные нужды гнали в туалет, а ужас заставлял снова спать с болью внизу живота.

Мерзли мы страшно. Маленькие дети жили на нижнем этаже. В детской группе в спальнях было тепло. Когда я стала в старшей группе, то жили в огромной спальне на последнем этаже, где все стены были в окнах и сама крыша была уже источником холода, не говоря об «аквариумных» окнах. Мы приспособились делать в своих соломенных матрацах углубления и так спасаться от холода.

Со мной рядом спала девочка Бернадетт, она страдала энурезом. Её ночью будили, чтобы сводить в туалет, но не всегда удачно, и иногда ребенок успевал уже обмочиться. Что же тут начиналось? Боже! Вспоминая всё это, я до сих пор содрогаюсь от ужаса и отвращения к вам, «сестры Христовы», без грамма тепла, человечности и милости Божьей в душе. Эти «невесты Христа» с искаженными лицами хлестали бедного, больного ребенка обмоченной простыней и с этой же обмоченной простыней на голове выставляли на колени в холодный коридор с каменным полом, где ребенок не только дрожал от холода, но и от страха! А не проще ли было просто подложить под дитя сухую простыню? Где же ваша христианская добротa и милосердие, можно вас спросить, «невесты Христа»?

А что касается Шапели (Shapeli), то тут вообще был полный беспредел.

После вычесывания вшей с керосином и личного туалета мы шли в Шапель (это католическая церковь). У нас была девочка-мусульманка, которая не вставала на колени во время нашей молитвы. Так ее насильно пихали встать на колени, и если она снова поднималась, ее за ухо выводили и там за решеткой, где стоял орган, все же насильно ставили на колени. Хочу и тут спросить вас, «невесты Христа»: неужели только католицизм и уния единственные правильные религии на Земле?

Так что, мои дорогие обличители и обвинители, не ищите во мне того, чего нет, все это я видела в стенах этого «богоугодного заведения».

После семи лет изоляции от общества 13-летним ребенком я пошла работать в фирму «Чурин». Много негативного и там я пережила, что тоже на 99 процентов не зависело от меня. Бедная и чужая одежда, так как я не могла на свою зарплату купить себе одежду и обувь, платить за общежитие и питаться – всё это не могло мне дать чувство собственного достоинства, уважения к себе и уверен-

ности. Мне хотелось, как таракану, влезть в щель, скрыться от глаз людских. Такое чувство неполноценности появилось после нахождения в Конвенте.

О «Чурине» и его людях

Начну описание фирмы «Чурин и К⁰»¹¹ с первого этажа, с правого крыла. Там были москательный отдел, отдел бижутерии и касса. В москательном отделе продавались гвозди, краски – сухие и готовые к употреблению, садово-огородный инвентарь и др. В отдел бижутерии бегала смотреть красивые изделия из золота, серебра и поделочных камней. Восхищалась работой ювелиров, сверканием камней, но все это было за пределами моих возможностей. О людях, работавших в этих отделах, писать трудно, так как с ними я мало общалась. В кассе работала изумительная женщина Н.В.Давиденко – в ней было собрано столько добра, сочувствия и мудрости. Её мудрость, наверное, помогла ей выстоять в культурную революцию и нашествие хунвейбинов, опустошивших Харбин. Она умерла в Харбине в 2000 году. Не могла оставить свою больную маму, зная, что на новом месте ей с больной мамой будет очень трудно, а здесь, в Харбине, стены и обстановка помогали выстоять.

Далее по залу шёл отдел газет и журналов и роскошная витрина, которую оформляли наши декораторы. Витрины «Чурина» отличались своей изысканностью, обилием товара, разнообразием выбора. На витрине на первом этаже были всегда выставлены образцы роскоши: красивейший панбархат различной гаммы цветов, манекены были украшены мехами и красивыми изделиями из бриллиантов (подделка) и других камней, панбархат был схвачен этими заколками в плечах, талии, на руках. Меха из черно-бурой лисы дополняли интерьер витрины и шик манекенов.

В отделе парфюмерии работала красивейшая женщина типа Императрицы Екатерины Второй – та же величавость, та же посадка головы, роскошные седые волосы, уложенные или в косы, или в узел, венчали эту прекрасную голову. Помню, что её звали Ангелина, её фамилия, к сожалению, не

удержалась в памяти. Я иногда ей помогала, бегала от неё к экспедиции, унося аромат духов, которые мужчины, чудом оставшиеся после наших сокрушительных чисток, покупали для своих дам. В городе у нас было много граждан из СССР. Они располагали достаточным количеством денег и не скупились на подарки.

Далее шел отдел мануфактуры. Это был совершенно сказочный отдел – там не только сверкали парча, панбархат, шёлк, крепы всех названий, ковры, зеркала... Отдел был известен и своими служащими. Их колоритные фигуры на фоне ковров, шелков, бархата и зеркал дополняли это великолепие. Я помню там одного китайца, мы его звали Касьяном. В его руках рулон с тканью был целым цирковым номером: Касьян не только показывал ткань, он вел покупательницу к зеркалу и, размотав рулон ткани, прикладывал его к лицу и фигуре, подчеркивая её индивидуальность и красоту.

Далее шёл большой трикотажный отдел с богатым и разнообразным ассортиментом. Носки, платки, галстуки, сумки, иголки, пуговицы и т.д. Об этом отделе и его людях было много написано, имелись прекрасные фотографии, я на этом не останавлиюсь.

Далее шёл гастрономический отдел, о нём стоит написать особо. Здесь продавались великолепные колбасы, ветчина, сосиски, сметана, и всё было собственного производства. Ветчина всегда была со «слезинкой», как и сыр. В кондитерском отделе было фантастическое печенье и очень красивые конфеты в коробках разной емкости. В центре зала гастрономического отдела был пивной бар, там продавалось пиво разного качества: было светлое, темное, бархатное пиво, к пиву всегда в изобилии имелись соленые сухарики, орешки (арахис) и солёная рыбка. «Хозяином» в этом баре был, как и во всем гастрономическом отделе, г-н Толстопятов. Такая фамилия к такому красивейшему мужчине никак не подходила: так разливать пиво, так его подавать мог только виртуоз. Он двигался плавно, в его движениях, в каждом мускуле было столько силы и очарования, у него были тёмно-каштановые волосы и красивые голубые глаза, рост я, наверное, не назову правильно, так как тогда я была сама маленькая, щуплая, и каждый, кто был выше ростом, казался большим.

В кондитерском отделе работала Нина Иванова. Эта женщина считалась у «Чурина» первой красавицей. У неё был классический профиль гречанки, красивый цвет кожи и миндалевидные карие глаза. Характер у неё был точно в соответствии с её красотой – она никогда не повышала голоса, двигалась плавно, была тёмненькой, как египетская царица. Восхитительная женщина! В отдел иногда приходили покупатели за 100 г конфет, лишь бы посмотреть на «дорогую Ниночку».

Затем шёл отдел готового платья. Начальником отдела был г-н Якобсон. Это был не только высококвалифицированный специалист, но и прекрасный товарищ и человек. Почему я упоминаю, что г-н Якобсон был высококлассным специалистом? Отдел готового платья располагал сотнями сетов шкурок мехов. Чтобы знать, как составить сет меха на шубку, надо знать качество мездры, кожи, цвет, оценить количество шкурок. Здесь надо быть таким специалистом, тем более знать, кому и что предложить, чтобы отметить красоту заказчика, его рост, размеры. В сетах продавались чёрно-бурая лиса, рыжая лиса, песец, норка, хорёк, сурок, горноста́й, колонок, жеребенок, котик, выдра, выхухоль и др.. В Харбине была мода на жёлтенького колонка.

К отделу готового платья были швейные мастерские, которые шили красивейшие мужские костюмы, платья, была шляпная мастерская и скорняжная. О скорняжной мастерской стоит сказать особо. Там работал Зотов. Из двух лис он умел сделать такой палантин, из четырех лис делал такие накидки! Выделка этой накидки и палантина была настоящим искусством. Лисья шкурка натягивалась на доску и разрезалась на ленточки, которые были шириной не более 0,5 сантиметра, между ними вшивался шнур. Таким образом, из одной лисы выходило две. Все это было возможно при длинном ворсе меха, который скрывал вшитый шнур.

В ателье женского платья работали тоже высококлассные мастерицы. Были две сестры Ада и Анита, эти женщины вполне могли работать у Валентино, Коко Шанель, Армани: их вышивки бисером, шелком, ришелье (тогда было модно ришелье на крепдешине), выделка из шнура китайских пуговиц были настоящим искусством. Заказов было много. В ателье работало двенадцать человек, каждая работница была мастером, у каждого были свои заказчики, исходя из сложности фасона. В шляпной трудилась одна мастерица Анна Гурьевна. Её шляпки до сих пор сводят меня с ума по замысловатости фасона, красоте и дизайну.

Поднимаемся по красивейшей мраморной лестнице на второй этаж. Идем направо – и перед нами писчебумажный отдел. Он разбит на три секции: книжная, писчебумажная и канцелярская. Конечно, как всегда, ассортимент был на высоте, качество товара тоже. Это был 1950-ый год и в канцтоварах уже были шариковые ручки, эти ручки можно было заправлять, а о ручках с золотыми перьями «Паркер» я вообще не говорю: это был предел мечтаний каждого делового человека. В книжном отделе продавались все новинки советского издательства. Там был И. Эренбург, К. Симонов и др.

В нише был музыкальный отдел. В нем работала Лера (фамилии не помню) – статная девушка с косой вокруг головы. Лера нас всегда веселила, включала музыку для всего этажа. Когда приходили покупатели, шло прослушивание для покупателя, исключая звучание в зале. Было очень много советских исполнителей – так мы познакомились с Л. Руслановой (помните её знаменитые «Валенки?»), К. Шульженко («Синий платочек»).

В другой нише был обувной отдел. Здесь работало два человека: начальник и продавец. Начальник был хмурым человеком в очках, он мне напоминал «Человека в футляре». Продавец Оленька была очень живой, улыбчивой, общительной, очень женственной девушкой. В отделе всегда стоял стойкий запах дорогих духов. Олечка хорошо одевалась.

Затем был игрушечный отдел – всей прелести этого отдела трудно описать, так как сами игрушки создавали атмосферу любви и ласки. Мишутки, зайчики, куклы. Всё было так привлекательно, а сами работники отдела напоминали живые игрушки. Начальником отдела был Ив. Зайцев – невероятно, по-голливудски, красивый мужчина. Мне кажется, когда он обслуживал, покупатель смотрел не на игрушку, а на него. Его помощница Зоенька была просто очаровательна: доброжелательная, отзывчивая, всегда готовая помочь и малышам, и родителям в выборе игрушек.

За закрытой дверью находилось Святая святых – Директор нашего универмага.

Немного перейду в мистику. До 1945 года жене нашего Управляющего Валентина Домбровского некая сербка нагадала: «В дни всеобщего веселья ты познаешь такое горе, от которого не сможешь отойти до конца жизни. Затем у тебя будут ещё неприятности, которые введут тебя на грань нищеты...» Услышишь такое – и со здоровой психикой впадешь в транс.

В День Победы в августе 1945 г. шальная пуля у окна убивает их сына-школьника. Как они пережили такое, не знаю, если учесть, что у них был единственный сын.

В 1945 году большинство населения спешило получить советское подданство. Господин Домбровский – поляк и, вероятно, польский подданный, от советского гражданства отказался. Г-н Домбровский был уникальной личностью. Он знал несколько языков, по-китайски говорил лучше китайцев – на чистом, без акцента, литературном языке. Говорят, что он знал английский и немецкий.

Постепенно предпочтение стали отдавать гражданам с советским подданством, и г-на Домбровского уволили из системы «Чурин». Вот и сбылись пророчества сербской гадалки: он остался без

работы, а в Харбине в то время было очень трудно найти работу. Когда все разъезжались из Харбина, г-н Домбровский ещё до меня уехал, но куда, я не знаю.

Красавцем его трудно назвать, скорее он был свойским, таким душевным «своим» парнем. Мы его звали Мишутка, так как он часто ходил в ичихах, в развалку, мягко, по-медвежьи. Коллектив очень его любил. В зале у нас стоял стол его заместителя – г-на Пучинского. Глядя на этого уже немолодого, всегда подтянутого, безукоризненно одетого человека, как будто с какой-то офицерской выправкой, невольно хотелось подтянуться и пройти около него на цыпочках – тихонечко, так подтянут был этого человек.

Была у нас огромная бухгалтерия. В ней работала наша волшебница Омеляненко. Она обладала неповторимым красивым голосом, пела в операх, которые ставились в Харбине, пела соло в Соборе. Сама она под стать голосу была неподражаемо красивой. Когда она пела арию, зал плакал. В жизни ей было холодно и одиноко, так как её мужа забрали еще в 1945 году. Почему забрали тысячи наших мужчин, надо спросить НКВД! Одной работающей женщине с подрастающим мальчиком, конечно, было очень трудно. Вадик, её сын, уже работал там же у нас, у «Чурина» в механических мастерских. Вечерами она была занята: репетиции, концерты, свадьбы (хор в Соборе), а мальчику без руки мужчины было нелегко...

О «Чурине» можно писать и писать, это была такая мощная организация со своей мощной структурой. В городе у нас было три универмага. На Пристани – красавец архитектуры, в Модягоу – по-модягоузски, одноэтажное неприметное здание, и на Большой проспекте.

«Чурин» имел свои винзавод, ликеро-водочный, пивзавод, пекарню для выпечки хлебобулочных изделий, заимку с крупным рогатым скотом, птицей, свинофермой, свой колбасный цех, конезавод и другие подсобные хозяйства. Осенью я всегда солила соленья, которые тоже шли в продажу. Меня брали из магазина, где я работала в экспедиции, и посылали в цех переработки овощей. Я мыла овощи и укладывала их в бочки. Солением занимались мастера, знающие, какую дозировку соли, воды и специй надо на бочку. Солили мы огурцы, помидоры, капусту.

Часто, если мне выпадало быть выходной в воскресенье, мы объезжали (после отдыха на Сунгари на дачах «Чурина») винзавод, пивзавод, кондитерский цех и колбасную фабрику, где нас потчевали изделиями своего производства. Никто не набивал карманы конфетами, сухарями, колбасой, рыбкой. Тихо в кружочке пили пиво, кто хотел: на ликеро-водочном заводе пили ликер с конфетами, а на кондитерском – чай. Это была своего рода экскурсия по

необъятным предприятиям «Чурина». С восторгом сейчас вспоминаю всё это, даже на фоне своей нищеты, заброшенности, одиночества – масштаб «Чурина» был огромен. А сколько ещё магазинов было по провинциям Китая? В Корее, когда началась война, администрация «Чурина» эвакуировала своих служащих из универсама в Пхеньяне, трудоустроив их всех на других своих предприятиях.

О «Чурине» я могла бы писать без конца, так как это был не просто коллектив, это был конгломерат ума, талантов, энергии и коллективизма.

А ведь без нашего клуба «Чурин» – неполный охват нашей жизни. Там работали певцы и певицы: Омеляненко, Савицкая, поэты и писатели-очеркисты, спортсмены регионального уровня, просто хорошие работники, выполняющие свои обязанности с душой, с большой отдачей сил и энергии.

В клубе «Чурин» был свой балет. Сейчас Оленька живет в Австралии, она была нашей примой. Ставили спектакли и оперы. Были чудные вечера художественной самодеятельности по всем праздникам (в те времена, конечно, советским: 8 Марта, 1 Мая, 7-8 ноября, Новый год, дни рождения каких-то правителей).

В клубе «Чурин» демонстрировались фильмы – не только советские, но и зарубежные. Я посмотрела фильмы с участием Мэри Пикфорд, Рудольфа Валентино, Чарли Чаплина, Авы Гарднер, Кларка Гейбла, Вивьен Ли и других и массу советских фильмов. Ходили в «Орион» и в «Азию», это было в Новом городе, рядом с «Чуриным».

А медицина? Бесплатная, милосердная, человечная!

У «Чурина» была дача, на этой даче находилось всё необходимое для полноценного культурного отдыха. Волейбольная и футбольная площадки, площадка для тенниса. Домики-дачи были так удобны, что в них мог расположиться свой коллектив единомышленников, друзей, сотрудников.

Хочется рассказать о покупателях, ведь они тоже вносили свой колорит, своё очарование. Если бы золотая рыбка спросила: «Чего тебе надо, девица?», я бы сказала: «Пусть я буду по душе какая есть, но внешне хочу совершенную красоту Егоренковой». К великому сожалению, я ни тогда, ни сейчас не знаю ее имени и отчества, ни кто она и где жила. Это была абсолютно совершенная женщина во всех пропорциях: не высокая, не низкая, все в ней было отточено: походка, движение, голос, взгляд из-под красивейших ресниц, гладкая прическа, которая просто украшала это совершенное лицо, цвет кожи, цвет глаз. Никогда я не видела более совершенную женщину. Как страшно, что ее красота цвела в наше смутное время (революции, войны, быт без мужчин). Даже мои кумиры Ви-

вьев Ли, Элизабет Тейлор и Лолобриджида, Николь Кидман не так красивы, не так женственны и очаровательны, как была наша Егоренкова. С затаенным дыханием я всегда ею любовалась.

Была у нас еще яркая, необыкновенная госпожа Бугаева. Кем она была, чем занималась, я тоже не знаю. Когда она появлялась, шла, за ней, словно шлейф, тянулся ее аромат, тонкий, изысканный, дорогой аромат женщины, уверенной в себе, благополучной, любимой. Ее наряды всегда поражали воображение, всегда разные, экстравагантные, дорогие, с необыкновенным вкусом. Ее частично можно сравнить с Софии Лорен: та же яркость, та же неотразимость. Если Егоренкова была тиха и скромна, хотя тоже всегда одета элегантно и со вкусом, то у Бугаевой все было ярким, не кричащим, но именно ярким, мимо такой женщины просто нельзя было пройти, так велика была ее притягательная сила и яркость.

У меня был инцидент, очень тяжелый и очень обидный. Бугаева однажды пришла в ярко-красном платье в горошек и вся в кружевах и бантах. Я стояла замороженная и не могла отвести взгляд от этой красоты, изысканности и изящества. И я, как обезьян, попробовала что-то подобное изобразить. Но так как у меня не было денег на кружева и на материал, я из старого платья, кем-то из милости мне подаренного, слепила себе что-то подобное, вместо кружев ленточки, тоже из старой блузки, нарезанной на ленточки. Я шила всё это несколько ночей подряд, шила вручную: швейной машины не было. И когда в этом наряде я явилась на работу, то вместо слов восхищения, я попала в стенгазету как образец вульгарности на рабочем месте. Обиды моей не было предела, сколько слез я пролила, сколько ночей не спала от стыда! Я так старалась, я столько труда положила, а результат – сатира в стенгазете.

Вот что значит нищета, необеспеченность, сколько унижения и позора за свой труд, за свое старание быть элегантно и красивой.

Харбинские улицы

Итак, пойдем по улицам Харбина, по моим улицам. Идем по Алексеевской улице от «Чурина», от его проходной, проходим баню, заворачиваем за угол направо. Выходим на Садовую улицу и спускаемся в подвал Христианского Союза Молодых Людей. ХСМЛ – очень знаменитая, великолепная организация, включавшая в себя всё: языки, музыку, спорт, поэзию, эстетику и т.д. В подвале ХСМЛ была чудесная библиотека с не менее прекрасным человеком, знатоком своего дела, преданным своему делу и своим читателям (коим яв-

лялась и я) – Марией Александровной Винниковой. Это место для меня было оазисом мысли, слова и доброты – все благодаря ей.

Войдя в подвал библиотеки, встреченная доброй улыбкой Марии Александровны, роюсь в тех книгах, которые Мария Александровна тщательно отбирала для меня, сообразно моему возрасту.

Иду по улице Садовой до Гоголевской, до Питомника. Питомник навевал на меня массу воспоминаний о папе, о нашей собаке Марсе, с которым мы с папой гуляли. Спускаюсь вниз по мосту, перехожу улицу и иду в оранжерею. Меня тут знали, я ничего не покупала, хотя, имея деньги, купила бы, наверное, пол-оранжереи. Нюхаю цветы, восхищаюсь цветом, красотой, запахом. Подхожу к цинералии и нахожусь на грани обморока: так нестерпимы и ярки воспоминания о папе! Сам цвет, запах, возвращает меня в нашу с папой квартиру, где посередине стола – цинералия. До сих пор этот цветок является для меня символом праздника.

Из оранжереи опять поднимаюсь по мосту, иду мимо медицинского училища, останавливаюсь, поднимаюсь на две-три ступеньки и стою в безнадёжности: мне никогда не ходить по этим коридорам, не сидеть в аудитории всё по той же причине – отсутствие средств к обучению. Смотрю на дом, что напротив, на Украинский улице: там шла полноценная культурная жизнь, шла постановка оперы «Наталка-Полтавка», и др.

Выхожу на Модягоусскую улицу и иду тихонько к своему обществу, бессовестно заглядывая через штакетник во дворы домов сотрудников КВЖД, где по вкусу различных хозяев убран двор, посажены цветы на клумбах, деревья, сирень, жасмин, сакура, яблони и груши, дикий виноград, из которого делали красивое и чудесное вино.

Дохожу до Старохарбинского шоссе, а ноги невольно несут опять к мосту, к вилле Tante Line. Но их там уже нет, муж у нее умер, и она переехала в Новый город рядом с Кирхой по Большому проспекту. Смотрю на аллею у калитки, на увядший сад – и боль сжимает сердце: как же ей тяжело без мужа, без детей коротать старость на чужбине без своей прекрасной Франции. Когда появилась такая возможность выезда на свою родину, Tante Line уже не было в живых. Я навестила её в в больнице доктора Казым-Бека с обещанием прийти завтра, но завтра для нее уже не было: Tante Line умерла. Умерла тихо во сне. Мир для меня еще больше обеднел без нее. С ней мы пытались изъясняться на французском языке и в шутку, и в серьез. Дом ее в Новом городе тоже утопал в цветах, была аллея из различных ранеток, из которых она варила прекрасное варенье и потчевала меня. Дом был на два хозяина с таким условием, чтобы ей было не много и нескучно и материально как-то в помощь. Я ее

очень любила просто как человека и человека, с которым был знаком мой папа, в доме которых мы с таким удовольствием бывали в гостях. Пустое место в моей душе долго не заживало. Ушла из жизни женщина, волей судьбы занесённая на чужбину из прекрасной Франции и не успевшая вернуться к себе домой.

Описывать быт своего общежития мне трудно, так как практически я там только ночевала и то не всегда: много времени было отдано общественной жизни, иногда ночевала у своих друзей и подруг или на даче Чурина.

С особым трепетом вспоминаю свою Олюшку: мы с ней вместе жили в общежитии, вместе учились и работали. Олюшка все лето жила у мамы на заимке «Чурина», где были прекрасные дома, а река, воздух вокруг дачи были такими чудесными. Ночевали мы часто на чердаке в сене – невероятно прекрасное время. Почему ночевали на чердаке? В квартирах стояла жара, а чердак продувался со всех сторон. Помню, как мы с Олюшкой и другими девочками ходили в Пингушечную (это где продают мороженое – пинго) после работы по пути на трамвай до Сунгари.

Наше Модягоу – цветущая планета Харбина. Каждый дом – сад, благоухание цветов и деревьев. В Новом городе, в отличие от Модягоу, большинство домов были многоэтажными, которые стояли вперемешку с домами КВЖД. Это было красиво: каждая улица была засажена своими деревьями: березой, липой, сакурой, сиренью, жасмином. Название этих уютных улочек я уже не помню.

Около Свято-Николаевского Собора было красивое здание музея, больница доктора Линдера, стадион. Неподалеку от стадиона стояло здание Джебелло-Сокко, это здание описано как достопримечательность города Харбина. Я ничего особо примечательного не находила, кроме ослепительно белой окраски дома.

Для меня более красивыми и примечательными были здания управления КВЖД, Коммерческого училища, нашего предприятия «Чурин» (несколько зданий с внутренним сообщением друг с другом). На пристани – высокое здание книжного магазина, украшенное скульпторами, музей: его витражи, пушки у входа, цвет здания – все это было каким-то фундаментальным и запоминающимся. А какая была красивая больница по пути к виадуку, рядом с великолепным буддистским храмом.

Вообще больниц в городе было много. Миссия милосердия была как бы в крови харбинцев. Были детские дома, дома для престарелых. В городе никогда не было видно нищих, попрошаек, брошенных детей и, как сейчас называют, бомжей. Для всех находился кров и хлеб. В праздники, особенно Рождества Христова и Пасхи, в храмы несли

всякую снедь, которая потом раздавалась по детским домам и приютам как для престарелых, так и для детей.

А наш «Чурин» (поэтому буду возвращаться к нему, как к своей школе жизни, своему становлению в жизни) сиял своими витринами, своей праздничной атмосферой и тематикой.

Церкви

Я хочу вспомнить и написать о наших церквях. Иверская, Алексеевская, Покровская, Успенская были церкви каменными, а Свято-Николаевский собор представлял из себя образец чисто русского деревянного зодчества.

Собор был хорошо, удобно и красиво расположен на возвышении в самом центре города. Собор просматривался со всех точек города: со Старохарбинского шоссе, с вокзала, со стороны Успенского кладбища. Собор посещало много людей в великие праздники, там проводили службу архиепископ Никандр¹², владыка Нестор¹³ и другие наши высокопоставленные священнослужители. Если мы с папой в обычное время посещали свою Покровскую церковь, то в дни Пасхи, Рождества Христова и других больших праздников мы ходили с папой в Собор. Хор Собора отличался особой торжественностью и красотой голосов, соло пела наша «чуринка» Омельяненко. Голоса дьяконов тоже были настолько красивы и мощны, что если о Шаляпине говорят, что от его голоса дрожал хрусталь люстр, то от голоса протодьякона Овчинникова (Овчинкина?) точно дрожало пламя свечей.

Мы стояли с папой всегда справа, где-то ближе у входа. Он клал свои теплые руки мне на плечи, и я стояла, радуясь его близости и красоте церкви. Иногда я выбиралась к аналою, чтобы ближе видеть красоту одеяний священнослужителей и слушать близко неповторимую красоту голосов, торжественность пасхальной службы. Для меня пасхальная служба и вся Страстная неделя были не просто ритуалом, а чем-то вроде внутреннего очищения. Вынос Плащаницы в

Владыка Нестор

пятницу – это процессия, это тихое песнопение как бы вполголоса очищали душу, ты смотрел на весь мир глазами скорби, ты понимал, что все – тлен и только в покаянии и доброте ты можешь обрести душевное равновесие и какой-то внутренний комфорт.

После Крестного хода Собор преображался, вспыхивали ярко огни красивейших люстр, хор громко и торжественно исполнял пасхальные песнопения на разные мотивы, и сама служба приобретала неповторимый колорит. Одежания священнослужителей сменялись неоднократно, сами одежания были необычайно красивы и разнотонны – от белоснежно-белого до ярко-зеленого, все расшито золотом, сама парча одежаний отражала сотни огней Собора. Если что-то осталось в моей душе самого светлого, торжественного, неповторимого по красоте, то это наши русские службы в наших русских церквях, которые своей красотой вложили в нас совершенно бессознательно, на уровне интуиции, всю любовь к вере, религии, родине, красоте, уважению ко всему, что питает душу и дает смысл жизни.

После смерти папы я уже не ходила в наши православные храмы, так как была в католическом (униатском) Конвенте целых шесть лет. Да и не хотела я ходить в Собор: мне там все казалось пустым без папы и уже все я воспринимала не так торжественно и красиво. Что-то безвозвратно умерло в моей душе, и окружающий мир поблек для меня, я одна в своих восторгах, сомнениях, переживаниях, у меня отнята защищенность, меня некому оберегать и помогать. Очень некомфортно я себя чувствовала именно в праздники. Одиноко и забыто. Если я шла к праздничному столу, то это был чужой дом, и к месту ли там была я? Я всегда чувствовала себя чужой, ненужной, одинокой.

Парадоксальное время

Хочу описать и время, в которое мы жили и работали. Время было простопарадоксальным: все, о чем надо и должно было говорить открыто не стесняясь – замалчивалось: в городе всюду снова-ли агенты НКВД, людей останавливали прямо на улице, проверяли документы и т.д. Город был наводнен военными, больницы переполнены ранеными и все тайно, все молчок: шла корейская война. Прессе было запрещено освещать эти события, но людей: военных и раненных – куда было девать? Это же не иголки в стоге сена.

Мы были советские подданные, русские, но ни о каком признании нас, как людей своих, и речи не было. С 1945 года, когда советские войска вошли в наш город и мы как обезумевшие от радости с цве-

тами бежали к вокзалу, своих, русских победителей, нас встретили, нам разрешили спонтанный митинг, но прежде всего нам дали грань не только дулами автоматов, но и словами: «А ну прочь отсюда, белобандитская сволочь!». Вот на этой ноте и в дальнейшем строились наши отношения, когда без суда и следствия органы НКВД вычистили почти всё мужское население, как молодежь, так и людей постарше. Кого – за службу в японской армии, хотя это было абсолютно принудительно и всякое отмежевание каралось японскими законами военного времени, а людей постарше, не призывного возраста – за их принадлежность к сословиям (граф, князь, барон, дворянин и т.д.).

Вот теперь представьте: 1951 год. Уже шесть лет прошло со времени «великой чистки» и город наводнен военными. Помните у Грибоедова: «К военным людям так и льнут – да потому что патриотки!» Женское сердце всегда было равнодушно к военным. А тут боль утраты как-то стерлась, забылись слезы и обиды, а перед тобой – молодой, красивый, улыбающийся военный, какое женское сердце не дрогнет? Но на все запрет: ни Боже мой встречи, свидания, театры и кино вместе. Парадоксальное время, парадоксальные отношения. И опять фирма «Чурин» представляет из себя естественный «Дом свиданий», так как это торговый дом, там необходимо всегда что-то купить. Нам служащим «Чурина», вроде бы несказанно повезло, Но встречи были строго запрещены, за это грозили разные наказания, вплоть до увольнения. Несмотря на это, некоторые наши русские девушки, вопреки всем законам того времени, смогли увидеться, сыграть свадьбу и жить почти до 80 лет счастливо и спокойно. Но это были единицы и именно вопреки этому парадоксальному времени.

В моей жизни тоже блеснул луч, но ему не суждено было разгореться в яркое солнце. Тогда, когда я в свои 16 лет, начитавшись Толстого и Куприна, рыдая, молила о любви, мне очень тактично объяснили, что у нас нет и не может быть будущего, а испортить мне жизнь он может, так как у меня никого нет, кто бы мог меня поддержать и помочь, когда его «выгонят» из СССР. Я должна учиться, получить образование и твердо встать на ноги.

Где бы ни жил русский человек, в каком поколении бы ни был, он остается русским и тяга ко всему русскому всегда будет жить в генах наших русских людей. Это было и есть во Франции, в Европе, в Латинской Америке, в США и др.

Сейчас живем без страха и ужаса, что тебя отправят в лагеря смерти, расстреляют, замучают в застенках НКВД. Ведь этот страх просто пропитал все клетки человеческого тела, вошел и передал на генетическом уровне, и это очень страшно, когда человек, как

животное, пропитан страхом. Сейчас, когда люди из Европы, США, Латинской Америки возвращаются домой, сколько в них энтузиазма, патриотизма. Ведь эти люди за 90 лет сохранили в своих потомках не только любовь к России, но и язык, хотя русских школ, как правило, в местах их обитания не было. Честь и хвала им за их любовь к России за их стойкость и мужество, за их преданность.

* * *

1. Елена Дмитриевна Таскина – автор книги «Дорогами русского зарубежья». (М.: Изд-во МБА, 2007. 232 с. Илл.)

2. Модягоу, Модяговка – район Харбина, название которому дала одноимённая река. В районе проживали эмигранты из России.

3. Мясковский Александр Адамович – известный харбинский архитектор.

4. МАТКОВСКИЙ Михаил Алексеевич – активный деятель белой эмиграции в Китае, один из создателей Российского фашистского союза, начальник 3-го (регистрационного) отдела БРЭМ, по некоторым сведениям – агент НКВД.

5. Бюро русских эмигрантов в Маньчжурии – организация, созданная в 1934 году с целью объединения русской эмиграции в северо-восточном Китае.

6. Никольский собор – православный храм г. Харбина, построенный в 1897 году, с 1922 по 1957 – кафедральный собор Харбинско-Маньчжурской епархии Русской православной церкви за границей, а с 1957 по 1966 г.г. – кафедральный собор Харбинской епархии Китайской православной церкви.

7. Скорее всего – Колледж Св. Урсулы – закрытое учебное заведение, начало которому положили в 1928 году в Харбине монахини Ордена Св. Урсулы.

8. Церковь Успения Пресвятой Богородицы. Возведена в 1908 на Новом кладбище на северо-востоке Харбина. Строилась частью на пожертвования русских харбинцев, а частью на средства КВЖД и Харбинского Свято-Николаевского собора. Автор проекта – известный харбинский архитектор Н. А. Казы-Гирей.

9. Церковь Покрова построили в 1930 году по проекту архитектора Ю. Жданова, составленному в 1905 г. 1 июня 1930 года заложен первый камень, 15 декабря 1930 года церковь освящена. Она построена по типу византийских храмов.

10. Конвент сестёр францисканок – приют и школа для бездомных русских детей (девочек) в Харбине, существовавший с 1924 до конца 40-х лет XX века. Программа соответствовала высшему началь-

ному училищу, но была несколько сокращена за счет практических предметов. Ученицы изучали Закон Божий, русский язык, русскую литературу, математику, историю, географию, французский язык, английский язык, японский язык, музыку, пение, кройку и шитье, рукоделие. Организация жизни и обучения отличалась строгостью и порядком, взятыми педагогами из монастырской жизни.

11. «Чурин и К^о» – сеть универсальных магазинов на Дальнем Востоке и в Северо-восточном Китае, отличавшая широким ассортиментом товаров и высоким качеством обслуживания клиентов.

12. Никандр (в миру Леонид Николаевич Викторов; 6 (19) апреля 1891 – 1961) – видный церковный деятель эмиграции в Китае, Епископ Цицикарский, викарий Харбинской епархии (1946). С 1950 года — епископ Харбинский и Маньчжурский и управляющий Восточно-Азиатским Экзархатом Московской Патриархии. Безуспешно пытался протестовать против полной передачи китайцам Русского церковного имущества. 7 февраля 1956 года назначен епископом Курским, но на епархию не поехал и 8 марта 1956 года был назначен епископом Архангельским и Холмогорским.

25 февраля 1957 года возведен в сан архиепископа. В 1956 г. вернулся в Россию.

13. Митрополит Нестор (в миру Николай Александрович Анисимов, 1885-1962). Один из видных деятелей русской эмиграции в Маньчжурии. В Харбине встречал тела алапаевских мучеников, вывозимых из России в Пекин. Основал приюты для детей-сирот русской и китайской национальностей, приют для старцев-хроников, слепых и больных калек, приют для юношей-наркоманов, приют глухонемых, дом для душевнобольных, школы, в которых учили различным прикладным искусствам: живописи-иконописи, рукоделия, шитья и кройки, ремесел: столярных, ткацких, сапожной мастерской; бесплатные столовые для бедноты, бесплатную амбулаторию, зубо врачебный кабинет в Доме милосердия. С 1933 года – архиепископ.

В 1945 году приветствовал в Харбине Красную армию. В том же году перешёл в юрисдикцию Московского Патриархата, был назначен управляющим вновь созданной Харбинской епархией. С 1946 года – митрополит Харбинский и Маньчжурский.

*Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии М. Титовца*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 1

Редакционная коллегия:

Васильева И.Н.,
Васильева Р.Г.,
Краснопевцева Г.П. (отв. за выпуск),
Порываев Д.П.,
Титовец М.И. (руководитель)

Дизайн обложки: Худяков А. С.
Компьютерная верстка: Худяков А. С.
Корректор: Чернявская Е.А.

© 2012, Администрация Качканарского городского округа
© 2012, МКУ “Качканарский городской архив”
© 2012, ООО “Издательство “Раритет”

Подписано к печати 11.05.2012
Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная
Гарнитура Cambria. Формат 60х90/16.
Усл. печ. листов 14,75
Тираж 1000 экз.

Издательство «Раритет»
620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51
Тел/факс: (343) 374-72-87
e-mail: ent_sp@mail.ru